

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 14, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское и семейное право

- Рабец А. П.* О некоторых аспектах применения основания для отказа в регистрации товарному знаку в связи с его ложностью либо способностью вводить потребителя в заблуждение 5
- Сомова Е. В.* Автоматизированное исполнение обязательств из смарт-контракта 13
- Гончарова В. А.* Добросовестность как условие защиты участников недействительной сделки 22
- Войтович Е. П., Чернусь Н. Ю.* К вопросу о свободе семейно-правового договора 27

Предпринимательское и налоговое право

- Ядрихинский С. А.* О правозащитной функции налоговых органов 32
- Кошелева И. А.* К вопросу о юридической природе публичного обязательства как многогранной метаконструкции 40
- Зыкова О. А.* Амнистия капиталов: понятие и особенности правового регулирования в Российской Федерации 51

Развитие юридической науки

- Леоненко Н. Т.* Виктор Михайлович Горшенев: краткая история жизни и научное наследие (к 95-летию со дня рождения) 62
- Сведения об авторах 78
- Информация для авторов 79

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2018. Volume 14, № 3

CONTENTS

Civil and Family Law

- Rabets A. P.* About Some Aspects of Application of the Basis for Refusal in Registration to the Trademark in Connection with Its Falsehood or Ability to Mislead the Consumer 5
- Somova E. V.* Automated Performance of Obligations Arising from a Smart Contract 13
- Goncharova V. A.* Good Faith as a Condition of the Protection of the Participants of Invalid Bargain 22
- Voytovich E. P., Chernus N. Yu.* To the Question of Freedom of Family-Law Contracts 27

Business and Tax Law

- Yadrikhinskiy S. A.* On the Human Rights Function of the Tax Authorities 32
- Kosheleva I. A.* To the Question of the Legal Nature of Public Commitment as a Multiple Meta Construction 40
- Zykova O. A.* Amnesty of Capitals: Concept and Peculiarities of Legal Regulation in the Russian Federation 51

Development of Legal Science

- Leonenko N. T.* Victor Mikhailovich Gorshenev: A Brief History of the Life and Scientific Legacy (To the 95th Anniversary from Birthday) 62
- Our Contributors 78
- Instruction to Contributors 79

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, Ch. I. Arabaev, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, S. P. Moroz, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54
E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 347

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-5-12

А. П. Рабец

*Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690091, Россия*

anita_trof@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТКАЗА В РЕГИСТРАЦИИ
ТОВАРНОМУ ЗНАКУ В СВЯЗИ С ЕГО ЛОЖНОСТЬЮ ЛИБО СПОСОБНОСТЬЮ
ВВОДИТЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ**

Рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей характеристики основания для отказа обозначению в регистрации в связи с его ложностью либо способностью вводить потребителя в заблуждение. Дана характеристика классификации оснований для отказа в регистрации обозначению в качестве товарного знака. Обращено внимание на соотношение ложных товарных знаков и символов, способных вводить в заблуждение потребителей. Обосновано, что рассматриваемые обозначения взаимообусловлены и не имеют существенных различий. Анализируются проблемы, связанные с применением указанного основания для отказа товарному знаку в регистрации в судебной практике. Признано, что ложность обозначения либо его способностью вводить потребителя в заблуждение не рассматриваются судами в отрыве от анализа прав третьих лиц, т. е. не относятся к категории абсолютных.

Ключевые слова: товарный знак, основания для отказа в регистрации, ложные обозначения, обозначения, способные ввести в заблуждение потребителя.

В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы самые различные виды условных символов. Вместе с тем ГК РФ¹ (ст. 1483), учитывая положения Парижской конвенции по охране промышленной собственности² и зарубежный законодательный опыт, содержит конкретные основания, по которым тому или иному обозначению может быть отказано в регистрации.

Подпункт 1 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ не допускает регистрацию обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя

относительно товара или его изготовителя. Подобные символы не могут быть включены в товарный знак даже в качестве неохраняемого элемента.

Вопрос, касающийся ограничений в регистрации в связи с ложностью обозначения или его способностью ввести в заблуждение, представляется весьма актуальным, ибо сфера применения указанного основания весьма широка.

Напомним, что Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»³ относил рассматриваемое основание для отказа в

¹ СЗ РФ. 25.12.2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

² Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

³ СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу) (дата обращения 15.10.2017).

регистрации в качестве товарного знака к категории абсолютных (ст. 6). Считалось, что абсолютные основания для отказа обозначению в регистрации всегда связаны с внутренними свойствами самого символа и не зависят от существования прав других лиц. В свою очередь, относительные основания зависели от возможных прав и интересов третьих лиц, которые могут быть нарушены в результате регистрации товарного знака.

Несмотря на то что действующее законодательство (ст. 1483 ГК РФ) не классифицирует основания для отказа в регистрации в качестве товарного знака на абсолютные и относительные, в правовой литературе по-прежнему уделяется внимание проблемам квалификации ложности обозначения, а также мотива «способность знака вводить в заблуждение». При этом многие специалисты относят рассматриваемое основание для отказа в регистрации к категории абсолютных [1. С. 19–20]. Указанный подход наблюдается и в судебных решениях⁴.

Вместе с тем практика применения законодательства в сфере товарных знаков показывает, что между абсолютными и относительными основаниями для отказа в регистрации нет явной границы. В первую очередь, это связано с отсутствием четкого критерия деления оснований для отказа в регистрации на две группы. Следует отметить, что абсолютные основания не всегда вытекают из внутренних свойств регистрируемого обозначения, но могут также зависеть и от субъективного восприятия обозначения потребителями. Это как раз характерно для ложных обозначений либо способных вводить потребителя в заблуждение. Более того, при отнесении основания для отказа в регистрации, закрепленного в пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, к категории абсолютных экспертиза и суд не должны ссылаться на коллизию прав, которую может породить предоставление правовой охраны спорному обозначению. Однако анализ судебной практики показывает, что подобные ситуации не исключены⁵.

Таким образом, особых причин для квалификации основания для отказа обозначению в регистрации по причине ложности или способности введения потребителей в заблуждение в качестве абсолютного не существует.

Заметим, что в отличие от ГК РФ Парижская конвенция по охране промышленной собственности (ст. 6. *quinquies* (B.3)) указывает лишь на знаки, которые могут ввести в заблуждение. В связи с этим возникает вопрос: есть ли принципиальные различия между обозначениями, являющимися ложными, и символами, способными ввести потребителей в заблуждение? В литературе высказаны неоднозначные мнения по этому поводу. Так, Е. А. Ариевич, говоря об условности деления обозначений на «способные ввести в заблуждение» и «являющиеся ложными», тем не менее отмечает различие понятий «являющийся» и «способный» [2. С. 22]. Г. И. Тыцкая, наоборот, отождествляет рассматриваемые понятия, определяя ложные обозначения как знаки, которые содержат сведения, не соответствующие действительности, и тем самым способны ввести в заблуждение [3. С. 11]. Наконец, С. В. Бутенко полагает, что «необходимо проводить различия между ложными товарными знаками и обозначениями, способными ввести потребителей в заблуждение. Если ложный товарный знак может быть только описательным, то введение в заблуждение характерно для фантазийных обозначений. Принципиальное отличие ложных знаков от обозначений, способных ввести в заблуждение, заключается в том, что для первой группы обозначений всегда характерно намерение заявителя дезинформировать среднестатистического потребителя товара или услуги» [1. С. 12].

Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на товарный знак⁶ (далее –

⁴ Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2017 по делу № СИП-679/2016; Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2017 по делу № СИП-680/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2018); и др.

⁵ См., например: Решение Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2017 по делу № СИП-581/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

⁶ Приказ Минэкономразвития РФ от 20.07.2015 № 482 (в ред. от 10.10.2016) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, порядка преобразования заявки на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, перечня сведений, указанных в форме свидетельства

Правила) также, на наш взгляд, не делают принципиальных различий между указанными категориями символов. К ним в соответствии с п. 37 упомянутого документа относятся обозначения, порождающие в сознании потребителя представление об определенном качестве товара, его изготовителе или месте происхождения, которые не соответствуют действительности. При этом в случае, если ложным или вводящим в заблуждение является хотя бы один из элементов обозначения, то обозначение признается ложным или вводящим в заблуждение.

В свою очередь, в приказе Роспатента от 30.11.2009 № 170 «Об утверждении рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы обозначений, представляющих собой этикетки и полиграфические упаковки»⁷ (особенности этапа экспертизы этикеток, связанного с анализом заявленного перечня товаров) речь идет только об обозначениях, способных ввести потребителя в заблуждение.

С учетом изложенного можно сделать следующий вывод. Существенных различий между рассматриваемыми обозначениями нет, они тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены. Кроме того, их применение приводит к одному результату: возникновению в сознании потребителя не соответствующего действительности представления о товаре и его изготовителе.

Вместе с тем грамматическое толкование пп.1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ показывает, что ложные знаки в определенной степени обособлены от обозначений, не подлежащих регистрации в силу способности ввести в заблуждение потребителя. Так, Г. Боденхаузен в комментарии к ст. 6. *quinquies* (С.1) отмечал: «...фактические обстоятельства иногда показывают, что использование знака, который, казалось бы, содержит ложные указания, не повлекло за собой никакого заблуждения и может считаться, что по своей природе он не способен ввести в заблуждение общественность» [4. С. 137].

на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2017).

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2017).

Действительно, во-первых, ложные обозначения намеренно создаются с целью как привлечения внимания, так и дезинформации потребителей.

Во-вторых, ложность элементов обозначения является очевидной и не требует обоснования. В свою очередь, способность элементов ввести в заблуждение не вполне очевидна. Она имеет вероятностный характер (п. 3.1 Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений, утв. приказом Роспатента от 22.03.2001 № 39) (далее – Рекомендации)⁸.

В-третьих, при установлении способности обозначения ввести потребителя в заблуждение учитываются, в том числе, сведения о средствах индивидуализации, утративших правовую охрану вследствие того, что действия правообладателя, связанные с их регистрацией и использованием были в установленном законодательством РФ порядке признаны актом недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом (п. 37 Правил).

Таким образом, ложные обозначения – это символы, содержащие намеренно включенные в знак элементы, прямо указывающие на вид товара и/или его характеристику и/или содержащие сведения об изготовителе, не соответствующие действительности. В свою очередь, знаки, способные ввести в заблуждение, – это обозначения, содержащие элементы, указывающие на вид товара и/или его характеристику и/или содержащие сведения об изготовителе через ассоциации, которые они вызывают у потребителя.

От указанных категорий символов следует отличать фантазийные обозначения, не являющиеся основанием для отказа в регистрации в качестве товарного знака. Согласно п. 3 (2) Рекомендаций обозначение будет являться фантазийным, если его элементы можно отнести к ложным или способным ввести в заблуждение, но неправдоподобным.

Вопрос о том, является ли заявленное обозначение ложным, способным ввести в заблуждение либо фантазийным, решается в первую очередь исходя из перечня товаров (услуг), в отношении которых испрашивается регистрация товарного знака. Так, рассматривая спор о товарном знаке «КАПУС-

⁸ Там же.

ТА» применительно к услугам 36 и 45 классов МКТУ (страхование, финансовая деятельность, кредитно-денежные операции), Президиум Суда по интеллектуальным правам, согласившись с выводами суда первой инстанции, отметил, что «словесное обозначение “КАПУСТА” является фантазийным по отношению к услугам, для которых оно зарегистрировано в качестве товарного знака. Это обозначение не может ввести потребителей в заблуждение относительно оказываемых услуг или лица, оказывающего эти услуги, так как не может породить в сознании потребителя правдоподобного представления об определенном качестве оказываемой услуги либо о лице, ее оказывающем, которое не соответствует действительности»⁹. Суд обоснованно отклонил довод заявителя – ООО МФО «Русинтерфинанс» о том, что словесное обозначение «КАПУСТА» может быть воспринято потребителем как жаргонное слово, ассоциирующееся с деньгами, отметив, что предполагаемая ложная ассоциация обозначения относительно конкретных услуг, не обладающих признаками правдоподобности, сама по себе придает обозначению фантазийный характер. В удовлетворении кассационной жалобы было отказано с учетом несостоятельности доводов заявителя о несоответствии регистрации оспариваемого товарного знака требованиям пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ.

Анализ судебной практики в рассматриваемой области показывает, что суды рассматривают, как правило, три разновидности заявлений: а) заявления о признании недействительным решения Роспатента, принятого при рассмотрении возражения против предоставления правовой охраны обозначению в качестве товарного знака; б) заявления о признании недействительным решения Роспатента об удовлетворении возражения и признании недействительным полностью предоставления правовой охраны товарному знаку; в) заявления о признании незаконным решения Роспатента, вынесенного по результатам рассмотрения возражения на решение об отказе в государственной регистрации товарного знака по заявке, и обязанности Роспатента принять ре-

шение о регистрации заявленного обозначения в отношении товаров соответствующего класса МКТУ.

В свою очередь, по предметному критерию преобладают следующие группы споров: 1) споры, связанные с обозначениями, включающими географические названия, а также элементы, вызывающие у потребителя ассоциативное представление о месте производства или сбыта товара; 2) споры, связанные со столкновением прав разных правообладателей на средства индивидуализации и существующей возможности введения при этом потребителей в заблуждение; 3) споры, связанные с иными ситуациями, в основном с регистрацией обозначений, не обладающих различительной способностью.

1. Заметим, что в отношении регистрации обозначений, содержащих географические названия, а также элементы, вызывающие у потребителя представление о месте производства товара, позиции Роспатента и судов по ряду аспектов резко различаются. Показательны в этом отношении споры, касающиеся обозначений, заявленных к регистрации в отношении алкогольной продукции и содержащих географические элементы. Так, с учетом географической мотивации, опираясь на пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, Роспатент отказал в регистрации в качестве товарных знаков заявленным обозначениям «ЗОЛОТО ГРУЗИИ», «ЗОЛОТО АЗЕРБАЙДЖАНА», «Тавади / Tavadi» в отношении товаров 33 класса МКТУ. В свою очередь, суды не согласились с указанным подходом и признали решение Роспатента недействительным.

В подтверждение своей позиции Суд по интеллектуальным правам, рассматривая споры, связанные с указанными обозначениями, привел следующие доводы:

- в предоставлении правовой охраны по причине ложности либо введения в заблуждение не может быть отказано фантазийным наименованиям, т. е. не вызывающим ассоциаций с местом происхождения товара (Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.01.2017 по делу № СИП-565/2016¹⁰);
- наличие или отсутствие хозяйственной деятельности на соответствующей территории не могут влиять на оценку соответствия заявленного обозначения положениям

⁹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2017 № С01-1237 по делу № СИП-472/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2018).

пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ (Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2017 по делу № СИП-680/2016¹¹);

- необходимо учитывать то обстоятельство, что товарный знак может использоваться для индивидуализации товаров, не только произведенных самим правообладателем, но и производимых иными лицами, в том числе находящимися на территории географического объекта, название которого заявлено на регистрацию в качестве товарного знака (Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2017 по делу № СИП-679/2016¹²).

Вместе с тем есть судебные решения, где позиция судов в отношении рассматриваемого основания для отказа обозначению в регистрации совпадает (полностью или частично) с позицией Роспатента. К примеру, рассматривая заявление о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения об отказе в государственной регистрации товарного знака со словесными элементами «Beverly-Hills» и «Беве́рли-Хиллс» в отношении товаров 30 класса, суд согласился с оценкой Роспатентом известности среднему российскому потребителю г. Беверли-Хиллс и признал обоснованным вывод Роспатента о возможности введения в заблуждение потребителей относительно места происхождения изготовителя товаров (российское юридическое лицо) в отношении тех из них, которые действительно относятся к американской кухне. В то же время суд отметил, что в отношении иных товаров, указанных в заявке, спорное обозначение может восприниматься потребителями как имеющее фантазийное происхождение, что не препятствует его регистрации в качестве товарного знака¹³.

2. Следующая группа споров в рассматриваемой области связана с коллизией прав, которую может породить предоставление правовой охраны спорному обозначению. Как показывает анализ правовой позиции Роспатента и судебной практики, основание «способность знака вводить в заблуждение» вполне применимо в ситуации столкновения

интересов заявителя и третьих лиц, обладающих правами на сходные средства индивидуализации (в первую очередь – товарные знаки и коммерческие обозначения). Так, рассматривая заявление ООО «Горизонт» о признании недействительным решения Роспатента, принятого при рассмотрении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку «ПАПАСВЕТОФОР», суд установил, что оспариваемый товарный знак «ПАПАСВЕТОФОР» и противопоставляемые ему коммерческое обозначение и товарный знак «СВЕТОФОР», зарегистрированные на имя Общества «Торгсервис 124», имеют высокую степень сходства и ассоциируются друг с другом в отношении услуг, связанных с торговлей. При этом соответствующее коммерческое обозначение использовалось Обществом «Торгсервис 124» задолго до даты приоритета спорного товарного знака. Суд подтвердил правильность вывода Роспатента о том, что у потребителя, знакомого с деятельностью Общества «Торгсервис 124», осуществляемой под обозначением «СВЕТОФОР», могут возникнуть не соответствующие действительности представления о принадлежности спорного товарного знака тому же лицу, что противоречит п. 3 ст. 1483 ГК РФ. Соответственно, в удовлетворении требований заявителя было отказано¹⁴.

Указанный подход суд применил и при рассмотрении спора, связанного с регистрацией товарного знака «7Я народная семья» в отношении товаров № 29–33 классов и услуг 35 класса МКТУ¹⁵. Так, возражая против регистрации товарного знака, заявитель отмечал, что указанное обозначение может ввести в заблуждение потребителя относительно лица, оказывающего услуги, а также является сходным до степени смешения с ранее зарегистрированными товарными знаками в отношении услуг 35 класса МКТУ.

Удовлетворяя требования заявителя о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, суд исходил из

¹¹ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.01.2018).

¹² Там же.

¹³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 09.09.2016 по делу № СИП-269/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2017).

¹⁴ Решение Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2017 по делу № СИП-581/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

¹⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 16.01.2017 по делу № СИП-626/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2017).

следующих соображений. Все сравниваемые знаки имеют сходство в том, что начинаются с обозначения цифрой «7» и заглавной буквой «Я», что независимо от цвета и размера читается как «СЕМЬЯ». Заканчиваются товарные знаки также словом, которое воспринимается как «СЕМЬЯ». Следовательно, по мнению суда, восприятие всех сравниваемых товарных знаков является одинаковым и вызывает опасность смешения в глазах потребителя.

Вопрос о возможности введения потребителя в заблуждение относительно производителя товара вследствие сходства до степени смешения с рядом товарных знаков поднимался и при рассмотрении спора, связанного с досрочным прекращением правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием¹⁶.

Таким образом, судебная практика подтверждает доктринальный вывод о том, что сходство до степени смешения приводит к тому же результату, что и заблуждение в отношении изготовителя товара, а именно: потребитель приобретает не тот товар либо услугу под воздействием маркировки, вводящей в заблуждение.

3. К следующей группе можно отнести судебные споры, где рассматриваемое основание для отказа в регистрации применяется в совокупности с другими основаниями или иными обстоятельствами. В первую очередь речь идет о несоответствии заявленного обозначения критерию охраноспособности товарного знака – «различительная способность». Например, суд согласился с мнением Роспатента в том, что заявленное на регистрацию обозначение «АЭРОТАКСИ» в целом не обладает различительной способностью, не способно индивидуализировать конкретное лицо, оказывающее услуги, является ложным относительно вида и назначения оказываемых услуг 39 класса МКТУ, не осуществляемых с помощью летательных аппаратов, в связи с чем его регистрация противоречит требованиям п. 1 и 3 ст. 1483 ГК РФ¹⁷.

¹⁶ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 20.05.2014 № 09АП-13941/2014-АК // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

¹⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2014 № 09АП-7321/2014 по делу А40-79787/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.11.2017).

Схожие аргументы были использованы судом при рассмотрении заявления о признании незаконным решения об отказе в удовлетворении возражения на решение Роспатента об отказе в государственной регистрации товарного знака «МАРОЧНОЕ ПИВО» в отношении товара 32 класса «пиво». Согласившись с решением суда первой инстанции об отсутствии у знака различительной способности (описательный характер), Президиум Суда по интеллектуальным правам, оставляя кассационную жалобу без удовлетворения, сделал вывод о том, что применительно к категории «введение потребителя в заблуждение» достаточно только наличия риска такого введения в заблуждение для отказа в регистрации обозначения в качестве товарного знака¹⁸.

В то же время, рассматривая аналогичный спор, связанный с отказом в регистрации комбинированному товарному знаку со словесным обозначением «Газета» в отношении услуг 35, 38, 41 классов МКТУ, суд обратил внимание на следующие обстоятельства. Часть заявленных услуг могут оказываться путем выпуска газеты. При этом словесное обозначение не обладает различительной способностью для названных услуг 35, 38, 41 классов МКТУ, поскольку указывает на их назначение. Сам по себе словесный элемент «Газета» не может быть фантазийным вследствие его восприятия потребителями в более широком смысле из-за распространения в виде электронного периодического издания для широкого круга лиц с содержанием информационных услуг. Поэтому суд первой инстанции пришел к выводу, что в отношении остальной части услуг, не связанных с выпуском периодического издания (услуг 35 класса – агентства рекламные; услуг 41 класса – организация культурно-просветительных мероприятий и т. д.), заявленное обозначение способно ввести потребителя в заблуждение относительно вида и назначения оказываемых услуг, так как эти услуги не связаны с выпуском и опубликованием газеты как периодического издания. Указанное решение было оставлено Президиумом суда по интеллектуальным правам без изменений¹⁹.

¹⁸ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16.09.2016 № С01-560/2016 по делу № СИП-671/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2017).

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что Роспатент и арбитражные суды по вопросу применения основания для отказа обозначению в регистрации, закрепленному в пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, имеют сходные правовые позиции. В частности, указанное основание не рассматривается в отрыве от анализа прав и законных интересов третьих лиц, то есть не относится к категории абсолютных. Однако в ряде случаев указанные органы применяют разные подходы и критерии, например, при регистрации обозначений, содержащих географические указания.

Действующее законодательство в сфере интеллектуальной собственности содержит достаточно правовых механизмов, пресекающих введение в заблуждение потребителей. Для их реализации необходимо последовательное толкование и единообразное применение Роспатентом и арбитражными судами запрета в регистрации ложных обозначений и обозначений, способных вводить потребителя в заблуждение.

Список литературы

1. Бутенко С. В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.

2. Ариевич Е. А. Введение в заблуждение: практика и реальность // Патенты и лицензии. 2000. № 9. С. 22.

3. Тыцкая Г. И., Мамиофа И. Э., Мотылева В. Я. Правовая охрана товарных знаков, фирменных наименований, указаний и наименований мест происхождения товаров в капиталистических и развивающихся странах. М.: ВНИИПИ, 1985. 71 с.

4. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий / Под ред. М. М. Богуславского. М.: Прогресс, 1977. 377 с.

¹⁹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.11.2016 № С01-935/2016 по делу № СИП-293/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2017).

Материал поступил в редколлегию 05.06.2018

A. P. Rabets

*Far Eastern Federal University
8 Sukhanov Str., Vladivostok, 690091, Russian Federation*

anita_trof@mail.ru

ABOUT SOME ASPECTS OF APPLICATION OF THE BASIS FOR REFUSAL IN REGISTRATION TO THE TRADEMARK IN CONNECTION WITH ITS FALSEHOOD OR ABILITY TO MISLEAD THE CONSUMER

In article the questions concerning features of the characteristic of the basis for refusal to designation in registration in connection with its falsehood or ability to mislead the consumer are considered. The characteristic of classification of the bases for refusal in registration is given to designation as the trademark. The attention to a ratio of the false trademarks and symbols capable to mislead consumers is paid. It is proved that the considered designations are interdependent and have no essential distinctions. The problems connected with application of the specified basis for refusal to the trademark in registration in jurisprudence are analyzed. It is recognized that falsehood of designation or its ability to mislead the consumer aren't considered by courts in a separation from the analysis of the rights of the third parties, that is don't treat category of the absolute.

Keywords: trademark, the bases for refusal in registration, false designations, the designations capable to mislead the consumer.

References

1. Butenko S. V. Vvedenie potrebitelia v zabluzhdenie kak absoliutnoe osnovanie dlia otказа v predostavlenii pravovoi okhrany tovarnomu znaku [Introduction of the consumer to delusion as the absolute basis for refusal in providing legal protection to the trademark]. Abstract of dis. cand. jurid. science. Moscow, 2013, 26 p. (in Russ.)
2. Arievidh E. A. Vvedenie v zabluzhdenie: praktika i real'nost' [Deception: practice and reality]. *Patents and licenses*, 2000, no. 9, p. 22. (in Russ.)
3. Tytskaya G. I., Mamiofa I. E., Motyleva V. Ya. Pravovaya okhrana tovarnykh znakov, firmennykh naimenovanii, ukazanii i naimenovanii mest proiskhozhdeniya tovarov v kapitalisticheskikh i razvivayushchikhsya stranakh [Legal protection of trademarks, trade names, instructions and names of places of goods origin in capitalist and developing countries]. Moscow, VNIPI Publ., 1985, 71 p. (in Russ.)
4. Bodenkhaufen G. Parizhskaya konventsia po okhrane promyshlennoi sobstvennosti: kommentarii [Parizhskaya convention on protection of industrial property: the comment]. Ed. by M. M. Boguslavskiy. Moscow, Progress, 1977, 377 p. (in Russ.)

For citation:

Rabets A. P. About Some Aspects of Application of the Basis for Refusal in Registration to the Trademark in Connection with Its Falsehood or Ability to Mislead the Consumer. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 5–12. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-5-12

Е. В. Сомова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

elisabethsomova@gmail.com

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ СМАРТ-КОНТРАКТА

Рассмотрена юридическая квалификация исполнения обязательств из смарт-контракта, а также категория заранее выраженного согласия должника на исполнение такого обязательства. Обосновывается, что такое исполнение обязательств имеет характеристики, отличные от тех, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации применительно к исполнению обязательств, и носит автоматизированный характер. Используя данный термин, автор опирается на имеющиеся в РФ законопроекты, касающиеся смарт-контрактов, а также на зарубежный опыт правового регулирования и предлагает понимать под ним исполнение обязанностей, а также осуществление, изменение и прекращение прав по обязательству, которое происходит автоматизированно на основе электронного алгоритма, согласованного сторонами путем заранее выраженного согласия с условиями договора. Также автором анализируется зарождающаяся российская и зарубежная практика исполнения обязательств из смарт-контракта, возможности судебного решения при наличии технической ошибки в смарт-контракте.

Ключевые слова: смарт-контракт, обязательства из смарт-контракта, автоматизированное исполнение обязательств.

В настоящее время появляется все больше случаев использования смарт-контрактов между участниками гражданского оборота. Исполнение обязательств из смарт-контракта отлично от того исполнения обязательств, которое закреплено сейчас в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. В качестве особенностей привычного нам исполнения обязательств из договора являются зависимость исполнения обязательств от действий должника, возможность отсрочки исполнения или исполнения обязательств не в полном объеме. Смарт-контрактам присущи иные особенности: исполнение обязательств независимо от действий должника, отсутствие возможности отсрочки или приостановления исполнения обязательства, а также исполнения обязательства не в полном объеме. Эти особенности ис-

полнения обязательств из смарт-контракта и обуславливают потенциал использования смарт-контрактов в различных правовых системах.

В то же время данные особенности исполнения обязательств из смарт-контракта, как и название такого исполнения обязательств – «автоматизированное исполнение обязательств» [1], не закреплены в законодательстве стран континентальной системы права, к которым относится и Россия. В доктрине ведутся споры относительно того, можно ли считать такое исполнение обязательств самостоятельным способом исполнения или возможно использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства и общие положения, относящиеся к исполнению обязательств. Суды в странах романо-герман-

¹ Рос. газета. 1994. 8 дек. № 238-239.

ской правовой семьи сталкиваются с трудностями при анализе сделок, исполняемых автоматизированным образом. Зачастую стороны, заключающие такие сделки, не получают должной правовой защиты в связи с отсутствием соответствующих положений в законодательстве. Так, например, в ряду последних рассмотренных судами дел было указано, что пока не принято законодательство, опосредующее использование смарт-контрактов в гражданском обороте, смарт-контракты не могут быть признаваемы правом. Суды полагают, что в таком случае доводы о перечислении криптовалюты не подтверждают факта оплаты денежных средств ответчику². Кроме того, поскольку практически в Российской Федерации отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», в частности биткойне, а также правовое регулирование торговых интернет-площадок, биткойн-бирж, «все операции с перечислением биткойнов производятся их владельцами на свой страх и риск»³. Соответственно, интересы субъектов гражданского оборота не находят защиты в рамках имеющегося гражданского законодательства РФ.

Закрываемые в настоящий период смарт-контракты подразумевают достижение между сторонами согласия о заключении договора, исполнение которого осуществляется не действиями сторон, а программой для ЭВМ путем введения сторонами необходимых команд – условий договора в форме программного кода. В качестве примера такого исполнения обязательства можно привести ситуацию, когда стороны договариваются о том, что при поступлении товара в определенное место другая сторона осуществляет его оплату, т. е. списание средств со счета и передача покупателю товара происходят одновременно. Проблемный аспект заключается в том, что существующие нормы ГК РФ об исполнении обязательств не предусматривают исполнения без участия

должника. Соответственно, появляется необходимость либо в выработке новых норм, предусматривающих возможность такого исполнения обязательств, либо в трактовке норм действующего законодательства с использованием существующих конструкций гражданского права.

Рассмотрим вторую возможность – трактование норм действующего законодательства с использованием конструкций гражданского права для описания автоматизированного исполнения обязательств. Следует учитывать, что согласно принципу осуществления гражданских прав по усмотрению участников оборота, закрепленному в ст. 9 ГК РФ, сторона обязательства вправе заранее выразить свою волю в отношении возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. Ситуация, в которой исполняется смарт-контракт, необычна тем, что от должника необходимо лишь согласие на исполнение обязательства, действий по исполнению от него не требуется. Таким образом, возникает вопрос о возможности использования категории гражданского права как заранее выраженное согласие применительно к согласию должника на исполнение обязательства из смарт-контракта.

В литературе можно найти следующее мнение по данному вопросу. А. И. Савельев полагает, что при заключении смарт-контракта сторона выражает волю на последующее совершение действий по его исполнению электронным агентом, тем самым используется категория заранее выраженного согласия на исполнение обязательства [2. С. 42]. Это подтверждает тот факт, что электронный агент, т. е. автоматизированная информационная система [3. С. 401], не самостоятельно определяет характер исполнения, а проводит в жизнь указания, данные обязанной стороной договора.

Исходя из п. 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», заранее выраженное согласие должника на исполнение обязательства должно быть сделано в явной форме⁴. В соответствии с доктриной, когда в законе установлено требование, чтобы заинтересованное лицо выразило явное согласие, то молчание следует принять за выражение несогласия. Поэтому

² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2016 г. № 06АП-2802/2016 URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a02424bd-33ca-4bb4-864c-2899555f9c9b/c6c88d65-7225-4a6f-9943-4934d2b499b1/A73-6112-2015_20160628_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения 26.07.2018).

³ Решение Рязжского районного суда от 26 апреля 2017 г. № 2-160/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/q1E6zawJCy6l/> (дата обращения 26.07.2018).

⁴ URL: http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/58414.html (дата обращения 26.07.2018).

следует считать, что при исполнении обязательства из смарт-контракта одного молчания недостаточно, так как согласие в данном случае должно быть явно выраженным. В литературе приводится пример, что в случае необходимого согласия третьего лица на совершение сделки молчания этого третьего лица недостаточно для получения его согласия [4. С. 81–82]. Так, в соответствии с п. 4 ст. 157.1 ГК РФ молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом. По аналогии представляется, что молчания для исполнения обязательства из смарт-контракта недостаточно, согласие должно быть явно выраженным, и для этого мы вправе использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства.

Автору статьи представляется, что категория заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства может быть применена, поскольку позволяет описать, почему должник остается лицом, ответственным за надлежащее исполнение обязательства, несмотря на наличие электронного агента, который совершает исполнение за должника. Однако помимо того, что сторона дает заранее выраженное согласие, если исполняется обязательство из смарт-контракта, данная сторона не вправе изменить согласие или каким-либо иным образом изменить или отменить исполнение обязательства, когда исполнение обязательства уже началось. Это в полной мере соответствует принципу эстоппеля [5], закреплённому относительно недавно в гражданском законодательстве РФ и уже достаточно широко применяемому в судебной практике. Сторона, давшая заранее выраженное согласие на исполнение обязательства с использованием электронной платформы, не вправе повлиять на ход исполнения обязательства своими действиями. В то время как при исполнении обязательства должником по норме ст. 307 ГК РФ должник может прервать исполнение или вовсе не исполнять обязательство с учетом негативных последствий этих действий или бездействия.

Помимо уже перечисленных обстоятельств, исполнение обязательства из смарт-контракта отличается следующими особенностями. Обязательства сторон из смарт-контракта исполняются одновременно, нет задержки между исполнением одной и дру-

гой стороны. Иными словами, можно отметить, что обязательства из смарт-контракта исполняются исключительно встречным образом. Под встречным исполнением обязательства понимается исполнение обязательства одной стороной, которое обусловлено исполнением обязательств другой стороной [6]. В случае исполнения обязательств из смарт-контракта встречность проявляется не в том, что исполнение одной обязанности происходит после исполнения другой – встречной обязанности, а в том, что исполнение сторонами своих обязательств происходит одновременно. Соответственно, присутствует синхронность в исполнении обязательств, нет задержки между исполнением одной и другой стороной.

Необходимо отметить, что исполнение смарт-контракта позволяет решить такую имеющуюся проблему гражданского оборота, как надлежащее исполнение обязательств [7]. Смарт-контракты позволяют исполнять обязательства надлежащим образом независимо от волеизъявления должника. Таким образом, принцип надлежащего исполнения действует при исполнении обязательств из смарт-контракта в полном объеме, так как изменить или приостановить исполнение обязательства из смарт-контракта не является возможным. Это можно проиллюстрировать тем, что с тех пор, как стороны достигли соглашения о заключении договора поставки, они не вправе отменить поставку товаров или денежных средств или же изменить условия поставки каким-либо образом.

Также исполнение обязательств из смарт-контракта происходит независимо от действий должника. По общему правилу, кредитор может удовлетворить свой интерес только в результате действий должника, находясь в связи с этим в зависимости от его поведения. При исполнении обязательства из смарт-контракта обязательство исполняется независимо от субъективного отношения должника к этому после заключения договора, при этом совершения каких-либо действий от должника не требуется. Кроме того, при исполнении обязательств из смарт-контракта нет принятия исполнения, соответственно, содействие сторон при исполнении обязательства не требуется. В целом, исполнение обязательств из смарт-контракта совершается подключенными к сети Интернет устройствами в автоматизи-

рованном режиме на основании договоренностей, достигнутых сторонами на этапе заключения договора. В качестве особенностей исполнения обязательств из смарт-контракта следует выделить автоматизированный характер, а также синхронность встречного исполнения, независимость исполнения от действий должника, наличие заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства. Кроме того, исполнение обязательств из смарт-контракта не может быть ненадлежащим или несвоевременным. Однако в тех случаях, когда исполнение обязательств из смарт-контракта противоречит принципам права (один из таких примеров будет рассмотрен), возможно применение двусторонней реституции.

Ввиду того, что особенностью исполнения обязательств из смарт-контракта не только является заранее выраженное согласие на исполнение обязательства, но и само исполнение имеет особенности, указанные выше, представляется обоснованным рассмотреть вопрос о дополнении ГК РФ нормой о том, что допустимо исполнять обязательства автоматизированно с использованием электронной платформы. Понятие автоматизированного (автоматического) исполнения обязательств можно уже встретить в законопроекте № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» от 20 марта 2018 г. В данном законопроекте смарт-контракт определен как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств⁵. В законопроекте № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» от 26 марта 2018 г. используется понятие автоматизированного исполнения обязательства. Данный законопроект предлагает дополнить ст. 309 ГК РФ положениями о том, что «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обя-

зательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (автоматизированное исполнение обязательства)». Кроме того, в законопроекте закреплено важное положение о том, что оспаривание состоявшегося исполнения обязательств из смарт-контракта допускается исключительно в случаях, когда доказано вмешательство сторон сделки или третьих лиц в процесс исполнения⁶. При этом в ранее представленном проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах», подготовленном Министерством финансов РФ, упоминалось о том, что защита прав участников (сторон) смарт-контракта осуществляется в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме⁷. Другими словами, в законопроектах «О цифровых финансовых активах» законодатель больше склоняется к тому, чтобы признать смарт-контракт отдельным видом договора – договором в электронной форме [8] и при этом договором с особым способом исполнения обязательств – автоматизированным (автоматическим) исполнением. В законопроекте об изменении ГК РФ законодатель не называет смарт-контракт в качестве отдельного вида договора, а анализирует правовую природу смарт-контракта через исполнение обязательств, отмечается, что смарт-контракты вводят новый способ исполнения обязательств.

Указанные определения являются значимыми для обязательственного права, и под этим новым способом исполнения обязательств понимается автоматизированное (автоматическое) исполнение. При этом, по мнению автора, второе определение, т. е.

⁵ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Ст. 2. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения 27.07.2018).

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Законопроект № 424632-7 от 26 марта 2018 г. С. 4. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans_nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/\\$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans_nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement) (дата обращения 27.07.2018).

⁷ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. 25.01.2018. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&area_id=4&page_id=2104&popup=Y%20 (дата обращения 27.07.2018).

определение в законопроекте о поправках в ГК РФ, является более удачным с точки зрения того, что в нем смарт-контракт рассматривается с позиций уже существующей цивилистической доктрины и законодательства, не вводя новую классификацию договоров, а расширяя понятие «исполнение обязательства». Применительно к используемой в законопроектах терминологии понятие «автоматизированное исполнение обязательства» видится более успешным, чем «автоматическое исполнение». Автором данный вывод делается исходя из того, что в слове «автоматизированное» предусматривается работа некоторых технических устройств, например программы для ЭВМ (компьютера)⁸, в то время как понятие «автоматическое» подразумевает совершение каких-либо действий произвольным неконтролируемым образом [9]. И, кроме того, кажется, что регулирование таких важных для гражданского оборота понятий, как «смарт-контракт», автоматизированное исполнение обязательств должно осуществляться ГК РФ.

Кроме того, следует рассмотреть еще одну квалификацию автоматизированного исполнения обязательства, предлагаемую практикующими юристами в сфере исполнения обязательств из смарт-контрактов. Ими предлагается следующая поправка в ГК РФ, а именно введение статьи «328.1. Автоматизированное исполнение обязательства» такого содержания: «Исполнение обязанностей, а равно осуществление, изменение и прекращение определенных прав по обязательству, может происходить автоматически на основе электронного алгоритма (смарт-контракта), предусматривающего определенные действия, обусловленные совершением или несвершением определенных действий либо наступлением иных обстоятельств или иными параметрами, предусмотренными договором»⁹. Автор соглашается с предложенным определением, признавая тот факт, что оно позволяет опи-

сать, каким образом осуществляется автоматизированное исполнение. В то же время автором предлагается некоторое уточнение приведенного определения, а именно следующая формулировка автоматизированного исполнения обязательств для использования судебной практикой: «Исполнение обязанностей, а также осуществление, изменение и прекращение прав по обязательству может происходить автоматизированно на основе электронного алгоритма, согласованного сторонами путем заранее выраженного согласия с условиями договора». Автор в указанном определении несколько совершенствует юридическую технику, убирая слово «определенных», которое не добавляет нового содержания, а также заменяет понятие «автоматически» на понятие «автоматизированно», использование которого представляется более правильным. Остальная часть рассматриваемого определения является положениями ст. 327.1 ГК РФ, однако, представляется, что она не является подходящей, поскольку не отражает специфику исполнения обязательств именно из смарт-контракта. Автор видит необходимым отразить специфические особенности исполнения обязательств из смарт-контракта через конструкцию заранее выраженного согласия сторон с условиями договора. Использование данной конструкции позволяет объяснить, как связано автоматизированное исполнение обязательств и согласование сторонами положений договора.

Понятие «автоматизированное исполнение» обязательств можно найти и в зарубежных актах. В Белорусском декрете от 21 декабря 2017 г. закреплена презумпция о том, что условия, исполняемые с помощью смарт-контракта и написанные в виде программного кода, известны стороне при заключении договора¹⁰. Кроме того, дано определение смарт-контракта как программного кода, предназначенного для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически

⁸ <http://www.endic.ru/ozhegov/Avtomaticeskij-119.html> (дата обращения 27.07.2018).

⁹ Концепция изменения законодательства для внедрения смарт-контрактов. Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целях внедрения смарт-контрактов. URL: <https://www.simplawyer.com/smart-contracts-law/> (дата обращения: 27.07.2018).

¹⁰ Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. С. 9. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения 27.07.2018).

значимых действий¹¹. Исходя из этого делается вывод о том, что смарт-контракт – это алгоритм, и договорные условия исполняются посредством смарт-контракта, который автоматизирует исполнение обязательств.

В литературе можно встретить упоминание автоматизированного исполнения обязательств. Так, исследователи приводят мнение о том, что смарт-контракты – это цифровые контракты, условия которых, предусмотренные на децентрализованной платформе, самоисполняемы и лишены невозможности неисполнения ввиду автоматизированного исполнения [10. С. 10]. То, что делает смарт-контракты уникальными, заключается в том, что они не только автоматизируют заключение договоров, что, в целом, предусматривается в правовых системах (как, например, ст. 434 ГК РФ об электронной форме сделки – обмене информацией в электронной форме) [11], а в том, что они автоматизируют исполнение условий договора. Действительно, смарт-контракт может быть использован для того, чтобы включить условия об обмене ценными бумагами, импортировать информацию о ставках доходности ценных бумаг и автоматизировать платежи с банковских счетов сторон [12. С. 417, 420]. По мнению автора, можно сделать вывод о том, что под характеристиками автоматизированного исполнения обязательств следует понимать исполнение с использованием электронных средств, на децентрализованной электронной платформе, лишенное возможности «подделки» (неисполнения) и осуществляемое независимо от сторон обязательства по заранее выраженному согласию сторон электронным агентом (программой для ЭВМ).

Рассматривая практическое применение смарт-контрактов и, соответственно, автоматизированного исполнения обязательств, следует отметить, что они получают все более широкое распространение, в том числе в России. Так, стоит привести сделку, по которой ПАО «Авиакомпания “Сибирь”» с одним из контрагентов провела расчеты с использованием покрытого аккредитива, а именно смарт-контракта на основе техноло-

гии блокчейн¹². В то же время судебных споров, рассмотренных в РФ относительно смарт-контрактов, пока не имеется.

Если рассматривать судебную практику других стран, то необходимо заметить, что в США такая практика уже имеется. Так, судами рассматривалось применение автоматических устройств, например в автомобилях, позволяющих дистанционно лишать арендатора автомобиля возможности его использовать в случае неуплаты арендной платы [15. С. 308]. Такое автоматизированное исполнение обязательств признается судами, и договоры, включающие положение об автоматизированном исполнении обязательств, имеют юридические последствия. В то же время первый прецедент, посвященный именно смарт-контрактам, имел место в Сингапуре: в 2017 г. Международным торговым судом Сингапура было рассмотрено дело B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd¹³.

Спор возник из-за предполагаемого нарушения правил проведения сделок по обмену двух виртуальных валют – биткойн и эфириум. Истец – электронный маркет-мейкер (компания, зарегистрированная в Англии и Уэльсе) – проводил рассматриваемые сделки через учетную запись, которую он открыл на виртуальной платформе обмена валюты, которой управляет ответчик (компания, зарегистрированная в Сингапуре). Спор начался с того, что 19 апреля 2017 г. истец попытался купить и продать виртуальную валюту эфириум за виртуальную валюту биткойн на платформе. С этой целью он разместил заказы, некоторые из них стали предметом спора. Из-за технического сбоя единственной доступной ценой на платформе была цена, предложенная истцом. Сделки состоялись, однако на следующий день ответчик, узнав о техническом сбое, в одностороннем порядке отменил сделки, вернув электронную валюту бит-

¹¹ Приложение 1 к Декрету Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. С. 2. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения 27.07.2018).

¹² S7 Airlines и Альфа-Банк впервые в России провели сделку-аккредитив с использованием блокчейн. 21 декабря 2016 г. URL: <https://www.s7.ru/home/about/news/s7-airlines-i-alfa-bank-vpervye-v-rossii-proveli-sdelku-akkreditiv-s-ispolzovaniem-blokcheyn> (дата обращения 27.07.2018).

¹³ Supreme Court of Singapore. Media Summary: Singapore International Commercial Court Suit No. 7 of 2017 «B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd [2017] SGHC(I) 11». 27 December 2017. URL: <https://www.supremecourt.gov.sg/news/case-summaries/b2c2-ltd-v-quoine-pte-ltd> (дата обращения 27.07.2018).

койн на счета клиентов и электронную валюту эфириум на счет истца.

Истец, подавая иск в Сингапурский международный торговый суд, утверждал, что указанные действия ответчика нарушили Условия пользования платформой и доверие истца. В то же время суд занял позицию ответчика. Доводы ответчика состояли в следующем. Во-первых, ответчик утверждал, что включение положения о возможной отмене сделки в том случае, если стоимость сделки чрезвычайно отклоняется от обычной стоимости, загруженное на веб-сайт платформы 22 марта 2017 г., давало ответчику право отменить торги. Во-вторых, ответчик ссылаясь на то, что истец должен был знать, что цена сделок полностью не соответствовала всем другим ценам, которые были на платформе в течение этого дня (все они были более чем в 250 раз ниже).

Сингапурский международный торговый суд отметил, что нынешнее дело было атипичным из-за участия компьютерных систем. Хотя это была ошибка человека, из-за которой электронная платформа была неисправна, именно истец предложил продать виртуальную валюту по цене, чрезвычайно не соответствовавшей ценам на платформе в этот же день. С учетом этого Сингапурский международный торговый суд принял решение об отказе в удовлетворении требований истца¹⁴. Данное решение является весьма прецедентным не только в Сингапуре, но и во всем мире, так как это первое дело, объектом рассмотрения которого выступает смарт-контракт. Оно показывает, что при наличии ошибки в смарт-контракте применяются общие принципы права, такие как принцип добросовестности участников сделки, а также принцип разумности, который нашел отражение в осведомленности сторон об условиях договора и об обычных ценах, существовавших на рынке в момент заключения договора.

Таким образом, в настоящий период видится необходимым под способом исполнения обязательств из смарт-контракта понимать новый способ исполнения обязательств, а именно автоматизированное исполнение обязательств. Наличие положений

об автоматизированном исполнении обязательств свидетельствует о высокой степени развития гражданского оборота в цифровой среде. Кроме того, автор указывает, что предпосылки в обороте как недоверие сторон друг другу, желание уменьшить издержки на участие посредников при совершении сделок, сократить время на исполнение обязательств, позволяют прибегать к автоматизированному исполнению обязательств. Заранее выраженное согласие должника в данном случае повышает уровень доверия в обороте и устраняет риск недобросовестности контрагентов.

С юридической точки зрения мы можем заметить, что признаки автоматизированного исполнения обязательств являют собой ключевую характеристику смарт-контрактов в юридической науке и практике правоприменения. В сравнении с другими договорами, где сторона вправе исполнять или не исполнять обязательство, имея при этом определенные негативные последствия, стороны смарт-контракта не могут влиять на исполнение обязательства. Автоматизированное исполнение происходит на электронной платформе; при этом исполняются условия, записанные в форме программного кода. Неисполнение обязательства в таких случаях возможно лишь путем взлома электронной платформы. Также обязательства из смарт-контракта исполняются исключительно встречным образом – исполнение сторонами своих обязательств происходит одновременно. Автоматизированное исполнение обязательств из смарт-контракта позволяет исполнять обязательства надлежащим образом независимо от волеизъявления должника. Оно не может быть ненадлежащим или несвоевременным. В то же время в некоторых случаях исполнение обязательства из смарт-контракта может противоречить таким основополагающим принципам права, как разумность и добросовестность сторон. В таких случаях имеется техническая ошибка и желание одной из сторон использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу в противоречии с общими принципами права. При наличии технической ошибки в смарт-контракте, как показывает уже имеющаяся судебная практика, возможно применение общих принципов права, таких как принцип добросовестности сторон и принцип разумности в отношении договорных условий, которыми связывают себя стороны.

¹⁴ Supreme Court of Singapore. Media Summary: Singapore International Commercial Court Suit No. 7 of 2017 «B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd [2017] SGHC(I) 11». 27 December 2017.

Список литературы

1. Поздняков Д. А., Юрасов М. Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // *Закон.ru*. 09.10.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения 26.07.2018).
2. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. 2016. № 3. С. 32–60.
3. Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: Материалы конференции: В 4 ч. / Под ред. В. Н. Синюкова и др. М.: Проспект, 2017. Ч. 4. 445 с.
4. Дятлов Е. В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук / РГГУ. М., 2014. 159 с.
5. Михайлова Е. О. Правило эстоппель: материальный и процессуальный аспекты // *Концепт*. 2016. № 5. С. 1–11.
6. Мельниченко О. А. Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // *Закон*. 2017. № 1. С. 122–136.
7. Минеев О. А. Проблемы реализации принципа надлежащего исполнения обязательств в современном гражданском обороте // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та*. 2013. № 1. С. 35–39.
8. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. № 5. URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (дата обращения 27.07.2018).
9. Суменко Л. Г. Англо-русский словарь по информационным технологиям. М.: ГП ЦНИИС, 2003. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/2013/автоматизированный (дата обращения 27.07.2018).
10. Lin W. C., Zhiguo H. Blockchain Disruption and Smart Contracts. March 2018. NBER Working Paper No. w24399. 41 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3138382 (дата обращения 27.07.2018).
11. Халиков Р. О. Понятие электронной сделки // *Вестн. ТИСБИ*. 2005. № 4. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219324> (дата обращения 27.07.2018).
12. Cieplak J., Leefatt S. Smart Contracts: a Smart Way to Automate Performance // *Georgetown Law Technology Review*. 2017. Vol. 417. P. 417–427.
13. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts // *Georgetown Law Technology Review*. 2017. Vol. 305. P. 305–341. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (дата обращения 27.07.2018).

Материал поступил в редколлегию 27.08.2018

E. V. Somova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

elisabethsomova@gmail.com

**AUTOMATED PERFORMANCE OF OBLIGATIONS ARISING
FROM A SMART CONTRACT**

The current article deals with a performance of obligations arising from a smart contract. Author considers the possibility of legal definition of such a performance and application of a previously expressed consent in these circumstances. It is proved that the performance of obligations from a smart contract has its own legal characteristics that differ from what is described in the Civil Code of the Russian Federation as for performance of obligations, and is automated. Using the category «automated performance» the author refers to Russian bills and foreign acts on smart contracts. The author is to offer the following definition for practical use of smart contracts: «performance of obligations as well as using, modifying and ending of rights can be done automatically on the basis of electronic algorithm confirmed by parties by previously expressed consent with the provisions

of a contract». The author also analyses the newest Russian and foreign practice as for performance of obligations from a smart contract, and courts positions if there is an omission in a smart contract.

Keywords: smart contract, obligations from a smart contract, automated performance of obligations.

References

1. Pozdnyakov D. A., Yurasov M. Yu. Smart-Kontrakt i Perspektivy ego Pravovogo Regulirovaniya v Ehpohu Tekhnologii Blokchejn [Smart Contract and Perspectives of its Legal Regulation in the Age of Blockchain Technology]. *Zakon.ru*, 09.10.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tekhnologii_blokchejn (accessed: 26.07.2018). (in Russ.)
2. Saveliev A. I. Dogovornoe Pravo 2.0: «Umnye» Kontrakty kak Nachalo Kontsa Klassicheskogo Dogovornogo Prava [Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End of Classic Contract Law]. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2016, vol. 3, p. 32–60. (in Russ.)
3. Obespechenie Prav i Svobod Cheloveka v Sovremennom Mire [Enforcement of Human Rights and Liberties in the Modern World]. Proc. of the Conference. In 4 Parts. Chairman of the Editorial Board V. N. Sinyukov. Moscow, Prospekt, 2017, part 4, 445 p. (in Russ.)
4. Dyatlov E. V. Soglasie Tret'ih Lic na Sovershenie Sdelki v Grazhdanskom Prave [Consent of Third Parties to Making a Transaction in Civil Law]. Dis. ... cand. jurid. science. Moscow, RGGU, 2014, 159 p. (in Russ.)
5. Mikhailova E. O. Pravilo Estoppel': Material'nyj i Processual'nyj Aspekty [Estoppel Rule: Substantial and Procedural Aspects]. *Concept*, 2016, vol. 5, p. 1–11. (in Russ.)
6. Melnichenko O. A. Nekotorye Voprosy Obuslovlennogo i Vstrechnogo Ispolneniya Obyazatel'stv [Some Issues of Conditional and Reciprocal Performance of Obligations]. *Zakon*, 2017, vol. 1, p. 122–136. (in Russ.)
7. Mineev O. A. Problemy Realizacii Principa Nadlezhashchego Ispolneniya Obyazatel'stv v Sovremennom Grazhdanskom Oborote [Problems of the Realisation of the Principle of Due Performance of Obligations in Contemporary Civil Order]. *Vestnik of Volgograd State University*, 2013, vol. 1, p. 35–39. (in Russ.)
8. Dyadkin D. S., Usoltsev Yu. M., Usoltseva N. A. Smart-Kontrakty v Rossii: Perspektivy Zakonodatel'nogo Regulirovaniya [Smart Contracts in Russia: Perspectives of Legislative Regulation]. *Universum: Economics and Jurisprudence*, 2018, vol. 5 URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
9. Sumenko L. G. Anglo-Russkij Slovar' po Informacionnym Tekhnologiyam [English-Russian Dictionary on Information Technologies]. Moscow, GP CNIIS, 2003. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/2013/автоматизированный (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
10. Lin W. C., Zhiguo H. Blockchain Disruption and Smart Contracts. March 2018. NBER Working Paper No. w24399. 41 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3138382 (accessed: 27.07.2018).
11. Khalikov R. O. Ponyatie Ehlektronnoj Sdelki [Electronic Contract Term]. *Vestnik TISBI*, 2005, vol. 4. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219324> (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
12. Cieplak J., Leefatt S. Smart Contracts: a Smart Way to Automate Performance. *Georgetown Law Technology Review*, 2017, vol. 417, p. 417–427.
13. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts. *Georgetown Law Technology Review*, 2017, vol. 305, p. 305–341. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (accessed: 27.07.2018).

For citation:

Somova E. V. Automated Performance of Obligations Arising from a Smart Contract. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 13–21. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-13-21

В. А. Гончарова

*Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

torbina77@mail.ru

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ

Рассмотрены дискуссионные вопросы действия норм о принципе добросовестности в общих положениях института недействительности сделок как условия защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Указано на наличие ряда доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с толкованием и применением правил о добросовестности в деле о недействительности сделки, относящихся, в первую очередь, к разграничению сферы действия абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ, а также к определению содержания п. 2 ст. 167 ГК РФ. На основании правовой природы недействительных сделок предложены варианты решения рассмотренных в статье теоретических и практических проблем. Обосновано отсутствие существенных различий в динамике оспоримой и ничтожной сделок с позиции оценки поведения их участников как добросовестных. Доказана возможность существования единого подхода к трактовке добросовестности участников оспоримой и ничтожной сделок.

Ключевые слова: добросовестность, реформа гражданского законодательства, недействительность сделок, защита гражданских прав, подтверждение сделки, исцеление сделки.

Одним из наиболее значимых законодательных изменений в правовом регулировании недействительности сделок явилось закрепление в абз. 4 п. 2, 5 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, а также абз. 2 ст. 167 ГК РФ некоторых частных проявлений принципа добросовестности как одного из условий, предопределяющих возможность защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки посредством предъявления ими требований, вытекающих из недействительности сделки, и их удовлетворения.

Необходимость введения в правовой институт недействительности сделок специальных правил о добросовестности особо отмечалась в Концепции совершенствова-

ния общих положений ГК РФ (пп. 1.11 и 1.12) [1], а также в ставшей итогом ее обсуждения Концепции развития гражданского законодательства (пп. 5.1.4) [2].

Вопросы определения сферы применения абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ в настоящее время разрешены на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», в п. 70 которого отмечается, что сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т. п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо

¹ СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ). При этом по смыслу приведенного пункта Постановления абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применим исключительно к ситуации оспоримой сделки (п. 72), в то время как п. 5 носит характер своего рода общего правила [3].

У такого судебного толкования имеется много сторонников в цивилистической литературе [4; 5]. Однако все же есть основания рассматривать подобное правоприменительное решение как недостаточно обоснованное. Правовая природа оспоримой сделки предполагает ее квалификацию как действительной до момента успешного судебного оспаривания. В этой связи правило п. 5 ст. 166 ГК РФ принципиально не может быть применимо к ситуации оспоримой сделки, поскольку содержит указание на «полагание действительности» другими субъектами, что в случае оспоримости – изначальной действительности и лишь затем недействительности с момента совершения – полностью лишено смысла.

Правила абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ, думается, рассчитаны на две различные по существу правовые ситуации. Норма абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ касается лишь одного из проявлений принципа добросовестности и предусматривает правовые последствия подтверждения **оспоримой** сделки – такого поведения ее стороны, при котором выражение ею воли на сохранение сделки в силе при осознании основания недействительности влечет утрату возможности оспаривания такой сделки по известному ей дефекту. Аналогичное регулирование содержится, в частности, в английском контрактном праве, где оно нашло оформление в правовом институте *affirmation* [6. Р. 269]. Подтверждение сделки в английской правовой доктрине рассматривается как препятствие к квалификации ее как недействительной (*bar of rescission*) и считается состоявшимся и имеющим для сторон юридическое значение в случае однозначного, ясного и свободного изъявления такого подтверждения и только при полном знании стороны, имеющей право на оспаривание сделки, о дефекте, влекущем недействительность [7. Р. 48].

Правило о последствиях подтверждения действия оспоримых сделок – сделок, под-

вергающихся риску оспаривания, вносит прочность и стабильность в договорную практику сторон. Оно не дает возможности признать сделку недействительной по иску стороны, знавшей о дефекте, однако принявшей и использовавшей предоставленное другой стороной исполнение.

Пункт 5 ст. 166 ГК РФ, как уже было подчеркнуто, касается характеристики поведения участников гражданских правоотношений в ситуации **ничтожной** сделки – недействительной вне зависимости от действий ее сторон и иных лиц. Как следует из содержания указанной нормы, для квалификации поведения лица в качестве недобросовестного необходимо, в частности, чтобы заявление о ничтожности сделки, по существу – о разрешении правовой неопределенности, было сделано в условиях предшествующего внешнего согласия такого лица с ситуацией связанности его правами и обязанностями, условно вытекающими из такой сделки.

Однако влечет ли недобросовестность заявителя требования о ничтожности конвалидацию сделки и ее качественное превращение в правопорождающий юридический факт, как иногда указывается в литературе [8; 9]? Думается, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений, злоупотребление гражданскими правами как одна из его форм с точки зрения механизма защиты гражданских прав представляют собой разновидности неприемлемого для гражданского оборота поведения, единственным последствием которого является отказ в защите прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Возможность перевода ничтожной сделки в разряд полноценных юридических фактов должна быть прямо и недвусмысленно определена законом, и вряд ли может ставиться в зависимость от недобросовестного поведения ее участников (сторон, иных лиц), которым было отказано в констатации такой сделки как ничтожной.

Важно заметить, что, как следует из формулировок рассматриваемых законоположений, с одной стороны, необходимость оценки поведения как добросовестного касается в случаях ничтожной и оспоримой сделок различных субъектов. Если в ситуации оспоримости речь вполне обоснованно идет только о сторонах сделки, управомоченных влиять на ее действительность и

осуществлять подтверждение ее юридического значения, то в ситуации ничтожной сделки речь идет о «лицах», которые, действуя недобросовестно, теряют право на заявление требования о ничтожности, имеющего конкретное правовое значение. Такое законодательное решение связано с правовой природой самого заявления о ничтожности, обладающего не преобразующим, а лишь констатирующим значением и, как следствие, с возможностью его заявления любым лицом, которому известно о дефектности сделки (по смыслу п. 3 ст. 166 ГК РФ – сторонами и иными, указанными в законе лицами, а также всеми теми, кто имеет охраняемый законом интерес в признании ничтожной сделки недействительной).

С другой стороны, наличие частных правил о добросовестности не отменяет общего характера предписаний ст. 1 и 10 ГК РФ и, соответственно, предъявления требования добросовестного поведения в различных его формах ко всем лицам, управомоченным на заявление требований из недействительной сделки.

Критерий добросовестности нашел отражение и в абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ, посвященном отказу в защите в виде применения последствий недействительности (ничтожности и оспоримости) недобросовестному лицу, знавшему или обязанному знать об основаниях недействительности, и выступающему частным проявлением правила п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Думается, что в общем виде каких-либо существенных различий в динамике оспоримой и ничтожной сделок с позиции оценки поведения их участников как добросовестного нет. Так, и в ситуации оспоримой, и в ситуации ничтожной сделки совершается порочное волеизъявление, приводящее к реальному (в случае оспоримой) или мнимому (в случае ничтожной) возникновению прав и обязанностей, которое до определенного времени поддерживается сторонами и рассматривается ими, а также третьими лицами как нормальное. В дальнейшем одной или обоим сторонам сделки становится известно об основании ничтожности или оспоримости, при этом момент наступления такой информированности о дефекте в структуре сделки, исходя из общего действия принципа добросовестности, не имеет значения – важно будет лишь свободное продолжение регулятивного движения сдел-

ки при осознании субъектом своей реальной возможности заявить о недействительности. Затем одной из сторон, другим управомоченным на то лицом по тем или иным причинам заявляется требование, которое в широком и более универсальном смысле можно именовать как требование об изменении юридической судьбы сделки, а также указывается на нарушение такой сделкой прав и охраняемых законом интересов. Причины заявления такого требования могут быть различны, чаще, думается, речь идет о нежелании одной из сторон более быть связанной сделкой – в данном случае имеет место злоупотребление гражданским правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

На основании изложенного можно заключить, что добросовестность выступает одним из условий защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, поступательно способствуя отнесению правовых механизмов, применяемых в деле о недействительности сделки, к сфере защиты гражданских прав и ставя возможность их применения в зависимости от оценки поведения управомоченных на их использование лиц. Добросовестность участников недействительной сделки при этом состоит в таком их поведении, которое, исходя из недействительности сделки как ситуации неопределенности в динамике правоотношений, объективно свидетельствует о непризнании ими такой сделки как действительной с момента, когда они узнали или должны были узнать об основании недействительности. Именно такое поведение предопределяет в дальнейшем возможность удовлетворения их требований о признании сделки недействительной и (или) применении последствий ее недействительности.

Список литературы

1. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 9–101.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–100.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».
4. Богданова Е. Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 80–86.
5. Шухарева А. В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 9–12.
6. McKendrick E. Contract Law. Oxford, 2016. 435 p.
7. Contractual Duties: Performance, Breach, Termination, Remedies / Andrews N., Clarke M., Tettenborn A., Virgo G. Thomson Reuters. Sweet & Maxwell, 2017. 638 p.
8. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 8. С. 70–76.
9. Егорова М. А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа estoppel в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. С. 13–16.

Материал поступил в редколлегию 05.06.2018

V. A. Goncharova

*Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

torbina77@mail.ru

GOOD FAITH AS A CONDITION OF THE PROTECTION OF THE PARTICIPANTS OF INVALID BARGAIN

The article is devoted to debatable questions about the principle of good faith as a condition of the protection of rights and legal interests of the participants of invalid bargains in common provisions of the institution of invalidity of bargains. The author points out that there are a number of doctrinal and law enforcement problems related to the interpretation and application of the rules of good faith in the situation of invalidity of bargains, which are primarily related to the delineation of the provisions of Art. 166 and the definition of the content of Art. 167 of the Civil Code of the Russian Federation. The variants of resolving practical and theoretical questions discussed in the article were proposed by virtue the legal nature of invalid bargains. The author comes to conclusion about the absence the difference between the good faith behavior of the participants of void and voidable bargains from the position of their dynamics. The possibility of the existence of a consistent approach to the definition of good faith of the participants of void and voidable bargains is proved.

Keywords: good faith, Russian civil law reform, invalidity of bargains, protection of civil rights, affirmation of bargains, recovery of bargain.

References

1. Kontseptsiya sovershenstvovaniya obshchikh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [The concept of Improving the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2009, no. 4, p. 9–101. (in Russ.)
2. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva 7 oktyabrya 2009 g.) [The Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation on the Codification and Improvement of Civil Legislation on October 7, 2009)]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2009, no. 11, p. 6–100. (in Russ.)

3. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenении sudami nekotorykh polozhenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation»]. *SPS «Konsul'tantPlyus»*. (in Russ.)
4. Bogdanova E.E. Novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva o nedeistvitel'nosti sdelok s pozitsii dobrosovestnosti [Novels of Civil Legislation about the Invalidity of Bargains from the point of Good Faith]. *Zakony Rossii opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 8, p. 80–86. (in Russ.)
5. Shukhareva A.V. Rol' printsipa dobrosovestnosti storon v institute nedeistvitel'nosti sdelok [The Role of the Principle of Good Faith of Parties in the Institution of Invalidity of bargains]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2017, no. 11, p. 9–12. (in Russ.)
6. McKendrick E. Contract Law. Oxford, 2016, 435 p.
7. Contractual Duties: Performance, Breach, Termination, Remedies. Andrews N., Clarke M., Tettenborn A., Virgo G. Thomson Reuters. Sweet & Maxwell, 2017, 638 p.
8. Bogdanova E.E. Printsip dobrosovestnosti v deistviyakh storon i problemy ozdorovleniya (konvalidatsii) nedeistvitel'nykh sdelok [The Principle of Good Faith in the Actions of the Parties and the Problems of Recovery (Recovery) of invalid bargains]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2010, no. 8, p. 70–76. (in Russ.)
9. Egorova M.A. Konvalidatsiya nedeistvitel'nykh dogovorov na osnovanii printsipa estoppel v rossiiskom grazhdanskom zakonodatel'stve [The Recovery of Invalid Contracts based on the Principle of Estoppel in Russian Civil Law]. *Yurist*, 2014, no. 1, p. 13–16. (in Russ.)

For citation:

Goncharova V. A. Good Faith as a Condition of the Protection of the Participants of Invalid Bargain. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 22–26. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-22-26

Е. П. Войтович^{1,2}, **Н. Ю. Чернусь**^{2,3}

¹ *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия*

³ *Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

vojtovich@siu.ranepa.ru, preiudicia@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Статья посвящена актуальным проблемам теории и практики семейно-правового договора. Особое внимание уделяется вопросам расширения сферы договорного регулирования семейных отношений в Российской Федерации, свободе семейно-правового договора. Авторы обращают внимание на то, что теория договорного регулирования семейных отношений особенно необходима сейчас, в период продолжающейся масштабной реформы отечественного законодательства. Авторы полагают, что проблематика семейно-правового договора должна разрабатываться в тандеме с результатами цивилистических исследований, что повысит методологическую обоснованность учения о семейно-правовом договоре. В статье делается вывод о том, что специфика семейных отношений и особенности их договорного регулирования свидетельствуют об объективной необходимости более четких законодательных предписаний. Их отсутствие в отдельных случаях способствует сохранению избыточности гражданско-правового регулирования семейных отношений.

Ключевые слова: семейно-правовой договор, свобода договора в семейном праве, договорное регулирование семейных отношений, ограничение свободы договора, правовой режим имущества супругов.

Расширение сферы договорного регулирования семейных отношений – характерная черта развития современного семейного права, которая проявляется в нормативном закреплении и практическом применении различных договорных конструкций: брачный договор, соглашение об определении долей, соглашение о разделе общего имущества супругов, соглашение об уплате алиментов, соглашение о порядке осуществления родительских прав, договор о приемной семье и др. «Использование договорных конструкций в семейном праве... дополняет возможности юридического воздействия на отношения в семье и повышает частноправовую значимость уже сложившихся многообразных соглашений в этой области...» [1. С. 152].

Следует отметить, что теории и практике семейно-правовых договоров в отечественной литературе последние годы уделяется достаточное внимание: Н. Ф. Звенигородская, О. Ю. Ильина, Е. В. Князева, Л. Б. Максимович, О. Н. Низамиева, Д. Б. Савельев, Н. Н. Тарусина, Е. П. Титаренко, С. Ю. Чашкова, Е. А. Чефранова и др. Научная мысль, касаясь самых разных сторон семейно-правовых договоров, переосмысливает их роль в регулировании семейных отношений. Теоретическое обоснование получили следующие вопросы: какова сущность семейно-правового договора? в чем выражаются его особенности? какова система семейно-правовых договоров? Вот лишь толика результатов многолетнего труда представителей отечественной науки семейного права, соз-

давших доктринальную основу и перспективы дальнейшего совершенствования семейного законодательства РФ.

В то же время обилие работ само по себе еще не свидетельствует о достаточном уровне развития доктрины семейно-правового договора и ее влиянии на законодателя. Хорошая теория договорного регулирования семейных отношений особенно необходима сейчас, в период продолжающейся масштабной реформы отечественного законодательства, затронувшей все без исключения отрасли права. Очевидно, что проблематика семейно-правового договора, берущая начало в гражданском праве, должна разрабатываться в тандеме с результатами цивилистических исследований, что повысит методологическую обоснованность учения о семейно-правовом договоре.

Одним из актуальных направлений развития теории семейно-правового договора является рассмотрение его свободы. Как известно, принцип свободы договора провозглашают нормы гражданского законодательства. В соответствии с п. 2 ст. 1 и ст. 421 Гражданского кодекса РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами, а также смешанный договор.

Данный принцип в семейном праве приобретает отличное значение. Например, свобода брачного договора означает свободное волеизъявление лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов о заключении договора, определяющего их имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения. При этом закон ограничивает супругов или лиц, вступающих в брак, в выборе формы и содержания такого договора. Похожим образом конструируются нормы об алиментных соглашениях, которые могут быть заключены между лицами, имеющими право на взыскание алиментов в судебном порядке.

Исследователи в большинстве случаев ограничиваются констатацией относительной свободы семейно-правового договора. Так, С. Ю. Чашкова полагает, что «принцип свободы договора в семейном договорном праве имеет значительные ограничения, что

вызвано наличием публичного интереса в регулировании семейных отношений» [2. С. 8]. По мнению Е. П. Титаренко, «свобода договора в семейном праве значительно ограничена. Субъекты семейных отношений не обладают свободой выбора стороны соглашения, вида соглашения, они весьма ограничены в определении его содержания» [3. С. 8]. «В семейно-правовом договоре, – отмечает Е. В. Князева, – неизбежно определенное ограничение принципа свободы» [4. С. 103]. Многие ученые исходят из того, что договоры в семейном праве допускаются только в случаях, прямо предусмотренных брачно-семейным законодательством, в первую очередь Семейным кодексом РФ [1. С. 145].

Следует согласиться с тем, что свобода семейно-правового договора не безгранична. Установление пределов свободы договора в семейном праве свидетельствует о вмешательстве государства, которое «формирует семейно-правовые связи таким образом, чтобы они способствовали преодолению социальных рисков при выполнении семьей демографической, интеграционной и обеспечительной функций» [3. С. 75]. Абсолютная свобода участников семейных правоотношений в договорном установлении прав и обязанностей представляется весьма опасным явлением, которое может привести к неблагоприятным последствиям. Последнее утверждение не позволяет согласиться с мнением А. А. Вихарева о том, что основной идеей и перспективой доктринальных исследований брачно-семейных правоотношений и правоприменительной деятельности в данной сфере должен стать «выход» договорного регулирования отношений между членами семьи (и имущественных, и неимущественных) за пределы позитивных предписаний [1. С. 152].

Таким образом, ограничение свободы семейно-правового договора видится в отсутствии возможности выбора контрагента по договору, его вида, формы, а в некоторых случаях и содержания. Исключение составляют лишь положения ст. 161 Семейного кодекса РФ, допускающие выбор супругами, не имеющими общего гражданства или места жительства, права, подлежащего применению к брачному договору или соглашению об уплате алиментов. Право выбора компетентного правового порядка, как и он сам, не ограничены. Правоприменительный ма-

териал по п. 2 ст. 161 СК РФ в доступных источниках практически не представлен, а имеющийся не репрезентативен. Указанное обстоятельство не позволяет сделать вывод о том, насколько часто супруги, не имеющие общего гражданства или совместного места жительства, выбирают законодательство, подлежащее применению для определения их прав и обязанностей [6. С. 10].

Нарушение требований, предъявляемых к форме и содержанию семейно-правовых договоров, приводит к последствиям, которые не трудно установить, основываясь на нормах действующего законодательства. Выбор контрагента за пределами предписаний семейного законодательства зачастую влечет применение норм гражданского законодательства к возникшему отношению. Ограничения же при выборе семейно-правового договора его вида не столь очевидны.

Так, изменение режима супружеской собственности возможно на основании брачного договора, а также соглашения об определении долей в общем имуществе и соглашения о разделе общего имущества. В то же время анализ практики свидетельствует о преодолении этого положения за счет норм о купле-продаже, договоре долевого участия в строительстве, учредительном договоре и др. Л. Ю. Михеева по этому поводу замечает: «В последние пять или десять лет чуть ли не каждая третья или четвертая супружеская пара, приобретающая недвижимость, прибегает к брачному договору, но сама не знает, что заключает именно брачный договор. Я сейчас говорю, например, о приобретении жилого помещения в заранее установленных супругами долях» [7. С. 15].

Возникает закономерный вопрос: можно ли изменить режим супружеского имущества брачным договором или же этой цели может служить любой гражданско-правовой договор? Для ответа на этот вопрос зададимся еще одним: как соотносятся нормы Семейного и Гражданского кодексов РФ? Напомним, что к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 Семейного кодекса РФ). Следовательно, положения Семейного кодекса РФ следует рассматривать как нормы

специальные, а нормы гражданского – как общие. При этом в действующем семейном законодательстве не установлен приоритет применения семейного законодательства к семейным отношениям в случае коллизии норм семейного и гражданского законодательства, что неизбежно приводит к сложностям в правоприменительной практике¹.

Однако часть судов указывает на возможность изменения режима общей совместной собственности как на основании брачного договора, так и на основании любого иного, в том числе гражданско-правового соглашения, не противоречащего нормам действующего законодательства. Так, судом в апелляционном определении указано, что в силу ст. 4 Семейного кодекса РФ изменение режима общей совместной собственности возможно также на основании иных соглашений (договоров) между супругами, предусмотренных нормами гражданского законодательства, постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Таким образом, супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части, в том числе и общих долгов супругов), как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения (договора), не противоречащего нормам семейного и гражданского законодательства, а доводы апеллянта о том, что такое изменение возможно только на основании брачного договора, заверенного нотариусом, основаны на неправильном понимании норм семейного законодательства². С данным выводом суда нельзя согласиться.

Строго формальный подход заставляет отказаться от цивилистических конструкций для определения правового режима супружеского имущества. Расширение договорной свободы семейно-правового регулирования не должно приводить к неправомерному результату. Полагаем, что изменение режима супружеской собственности иным,

¹ Проект Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложения по совершенствованию указанного законодательства // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 20.03.2018).

² Апелляционное определение Рязанского областного суда № 33-1540/2015 от 15 июля 2015 г. по делу № 33-1540/2015. URL: <https://sudsovetnik.ru> (дата обращения 20.03.2018).

нежели брачный договор, договор об определении долей в общем имуществе или о разделе общего имущества, соглашением, невозможно. По этому пути следует идти и судебной практике, не признавая юридической силы за гражданско-правовыми соглашениями, заключенными супругами в обход семейного законодательства.

Неоправданно широкий подход судов к толкованию ст. 256 Гражданского кодекса РФ базируется на ошибочном тезисе о том, что «договор» по смыслу этой нормы – это любой договор, не противоречащий гражданскому или семейному законодательству. Следует согласиться с В. Д. Рузановой, что в п. 1 ст. 256 Гражданского кодекса РФ «под термином “договор” необходимо понимать именно “брачный договор”, поскольку этот термин должен подлежать толкованию в нормативном единстве с абз. 2 п. 1 ст. 33 Семейного кодекса РФ... Различия же в формулировках, содержащихся в указанных кодексах, обусловлены тем, что часть первая Гражданского кодекса РФ была принята ранее Семейного кодекса РФ, а сам термин “брачный договор” появился позднее, уже в Семейном кодексе РФ» [8. С. 135].

Таким образом, специфика семейных отношений и особенности их договорного регулирования свидетельствуют об объективной необходимости более четких законодательных предписаний. Их отсутствие в отдельных случаях способствует сохранению избыточности гражданско-правового регулирования семейных отношений.

Список литературы

1. Вихарев А. А. Договор как инструмент регулирования семейных отношений // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 144–152.
2. Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
3. Титаренко Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2. С. 7–8.
4. Князева Е. В. Семейно-правовой и гражданско-правовой договоры: сравнительная характеристика // Вестн. ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 102–106.
5. Ганага В. В. Публичная природа семейного права в контексте социальной безопасности государства (опыт Германии и России) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5 (54). С. 75–81.
6. Войтович Е. П., Чернусь Н. Ю. Коллизионное регулирование имущественных отношений супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 7–11.
7. Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет // Закон. 2017. № 2. С. 6–20.
8. Рузанова В. Д. Пределы договорной свободы супругов в изменении законного режима имущества // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 134–138.

Материал поступил в редколлегию 05.05.2018

Е. Р. Voytovich^{1,2}, N. Yu. Chernus^{2,3}

¹ Siberian Institute of Management –
a branch of the Russian Academy of National Economy and the State Service
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

² Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

vojtovich@siu.ranepa.ru, preiudicia@yandex.ru

TO THE QUESTION OF FREEDOM OF FAMILY-LAW CONTRACTS

The present article is devoted to current problems of the theory and practice of the family-law contracts. Special attention is paid to the expansion of the sphere of contractual regulation of the family-law relations in the Russian Federation, contractual freedom. Authors pay attention that the theory of contractual regulation of the family relations is especially necessary now, in the period of

the continuing large-scale reform of the domestic legislation. Authors believe that the perspective of the family-law contracts has to be developed in a tandem with the results of civil researches. It will certainly increase methodological validity of the doctrine of family-law contracts. Authors conclude that specifics of the family relations and feature of their contractual regulation confirm objective need of more accurate legislative instructions. Their absence in some cases promotes maintaining redundancy of civil regulation of the family relations.

Keywords: family-law contract, freedom of a contract in family law, contractual regulation of family relations, restriction of contractual freedom, legal regime of spouses' property.

References

1. Vikharev A. A. Dogovor kak instrument regulirovaniya semejnyh otnoshenij [A contract as an instrument of regulating family relations]. *Russian Law Journal*, 2017, no. 3, p. 144–152. (in Russ.)
2. Chashkova S. Yu. Sistema dogovornyh obyazatel'stv v rossijskom semejnom prave [System of contractual obligations in Russian Family Law]. Abstr. diss. ... cand. jurid. science. Moscow, 2004, 23 p. (in Russ.)
3. Titarenko E. P. Ponyatie i harakteristika soglashenij v semejnom prave [The Concept and Characteristics of Agreements in Family Law]. *Family and Housing Law*, 2005, no. 2, p. 7–8. (in Russ.)
4. Knyazeva E. V. Semejno-pravovoj i grazhdansko-pravovoj dogovory: sravnitel'naya kharakteristika [Family-law and Civil-law agreements: comparative analysis]. *Vestnik of Tver State University. Series «Law»*, 2014, no. 2, p. 102–106. (in Russ.)
5. Ganaga V. V. Publichnaya priroda semejnogo prava v kontekste social'noj bezopasnosti gosudarstva (opyt Germanii i Rossii) [Public nature of family law within the context of social security of the state (experience of Germany and Russia)]. *Actual problems of Russian Law*, 2015, no. 5 (54), p. 75–81. (in Russ.)
6. Voytovich E. P., Chernus N. Yu. Kollizionnoe regulirovanie imushchestvennyh otnoshenij suprugov [Conflict of laws rules for regulation of spousal property relationships in the Russian Federation]. *Family and Housing Law*, 2018, no. 2, p. 7–11. (in Russ.)
7. Mikheeva L. Yu. Konceptii razvitiya semejnogo zakonodatel'stva u nas v strane net [There is no concept of development of Family legislation in our country]. *Law*, 2017, no. 2, p. 6–20. (in Russ.)
8. Ruzanova V. D. Predely dogovornoj svobody suprugov v izmenenii zakonnoego rezhima imushchestva [Limits of contractual freedom of spouses in change of legal property regime]. *Vestnik of Omsk University. Series «Law»*, 2016, no. 4 (49), p. 134–138. (in Russ.)

For citation:

Voytovich E. P., Chernus N. Yu. To the Question of Freedom of Family-Law Contracts. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 27–31. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-27-31

УДК 336.2

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-32-39

С. А. Ядрихинский

*Северо-Западный институт (филиал) Университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Мира, 32, Вологда, 160001, Россия*

Syadr@yandex.ru

О ПРАВОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Исследуется место, роль и компетенция налоговых органов в обеспечении субъективных прав и законных интересов налогоплательщиков. Анализируется административная процедура разрешения налоговых разногласий, возникающих между налогоплательщиком и налоговым органом. Отмечается отсутствие надлежащих условий для решения налогового спора на основе принципа объективности в силу сочетания арбитражных и обвинительных функций в одном лице – вышестоящем налоговом органе, рассматривающем жалобу. Делается вывод об иллюзорности защиты прав и законных интересов налогоплательщиков. Невозможность реализации правозащитной функции в рамках ведомственного формата детерминирована централизованным характером организации налоговых органов. Обосновывается недопустимость поворота к худшему для налогоплательщика при административном обжаловании. Предлагается в качестве гарантийного инструмента защиты прав и законных интересов налогоплательщика введение персональной ответственности должностных лиц за неправомерные действия, бездействия, ошибочно принятые ненормативные акты.

Ключевые слова: налогоплательщик, налоговый орган, налоговый спор, административная процедура, защита прав, правозащитная функция, принцип объективности, законный интерес, ответственность должностных лиц.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Налогового Кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее – НК РФ)¹ налогоплательщикам (плательщикам сборов, плательщикам страховых взносов) гарантируется помимо судебной и административная защита их прав и законных интересов. Причем по смыслу п. 2 ст. 22 НК РФ обеспечение прав налогоплательщика закреплено в качестве обязанности должностных лиц налоговых органов.

Соответственно можно предположить, что на налоговый орган помимо контрольной законом возложено осуществлять правозащитную деятельность, т. е. деятельность, объектами защиты которой выступают субъек-

тивные права и законные интересы налогоплательщиков.

Проблема состоит в том, что ни НК РФ, ни Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации»² не ставят перед налоговым органом правозащитной задачи.

На первом месте стоят совсем другие задачи – фискальные, а не обеспечение законных интересов налогоплательщиков. Второе может восприниматься даже преградой для решения первой задачи.

Главной задачей налоговых органов является контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за正确ностью исчисления, полнотой и своевремен-

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

² Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 15. Ст. 492/

ностью уплаты (перечисления) в бюджетную систему Российской Федерации налогов, сборов и страховых взносов, соответствующих пеней, штрафов, процентов (ст. 6 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1). Про защиту прав налогоплательщиков – ни слова.

Возьмем любой кодекс публично-правового толка. Защита прав и законных интересов личности провозглашается в самых первых статьях в качестве главной задачи: ст. 2 УК РФ, ст. 6 УПК РФ, ст. 1 УИК РФ, ст. 1.2 КоАП РФ, ст. 3 КАС РФ, ст. 2 АПК РФ, ст. 2 ГПК РФ. Это не просто задачи, это ценности, особо значимые для человека, общества и государства. И только НК РФ не содержит правозащитной задачи.

Все полномочия налоговых органов носят репрессивный характер: требовать от налогоплательщика (пп. 1 п. 1 ст. 31 НК РФ), проводить налоговые проверки (пп. 2 п. 1 ст. 31 НК РФ), производить выемку (пп. 3 п. 1 ст. 31 НК РФ), приостанавливать операции по счетам (пп. 5 п. 1 ст. 31 НК РФ), взыскивать (пп. 9 п. 1 ст. 31 НК РФ), привлекать (ст. 108 НК РФ), вызывать (пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ), аннулировать (пп. 13 п. 1 ст. 31 НК РФ), предъявлять иски (пп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ), истребовать (ст. 93 НК РФ). Одного нет – защищать!

Отсюда у должностных лиц налогового органа возникает непонимание своего предназначения в правозащитном механизме, своей роли в реализации ст. 22 НК РФ, учитывая, что источником угрозы для прав и законных интересов налогоплательщика выступает сам налоговый орган.

Возникают вопросы: в чем именно состоит правозащита, кто ее осуществляет, от кого (чего) эта защита осуществляется, в каких формах и какими средствами, и как она соотносится с главной задачей, отведенной законом для налоговых органов? Осложняется все это еще и тем, что добросовестное исполнение самой правозащитной обязанности в тексте закона обеспечивается ответственностью должностных лиц, предусмотренной федеральными законами (абз. 2 п. 2 ст. 22 НК РФ).

Как известно, законодатель контролирующие органы отграничил от органов правоохранительных и таковыми их не называет (см., например, название Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ – «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих ор-

ганов»³), это может создавать ложное представление, что налоговый орган не касается сферы правоохраны, т. е. вида деятельности в сфере охраны прав, свобод и законных интересов человека. Но если следовать буквальному толкованию п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ⁴, и судебные органы обособлены от правоохранительных. Очевидно это не так.

Основное предназначение государства – служить обществу, человеку, защищать их интересы. Именно права и свободы человека, являясь высшей ценностью, определяют деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 2, 18 Конституции РФ).

Анализ отличительных особенностей понятий «правоохрана» и «правозащита» не входит в предмет нашего исследования. Вместе с тем следует поддержать тех ученых, которые в охране субъективного права видят прежде всего предупреждение правонарушений, а в защите – восстановление нарушенных прав и устранение причин, порождающих правонарушение [1. С. 18–19]. В этом отношении примечательны положения Конституции РФ, содержащие термины «защита» (ст. 2, ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 45) и «охрана» (ст. 7, 21, 35, 41, 44, 82).

Представляется, что сущность правозащитной обязанности налоговых органов состоит в создании условий по объективному, всестороннему и полному рассмотрению претензий, возражений налогоплательщика в целях устранения препятствий в реализации прав, законных интересов или восстановлению нарушенных прав.

Правозащитная функция налоговых органов должна реализовываться прежде всего тогда, когда налогоплательщик считает, что его права нарушаются. Как правило, налогоплательщик предъявляет свои возражения по итогам проверочных мероприятий налогового органа либо жалуется на незаконное бездействие или неправомерные действия должностных лиц налоговых органов.

Налогоплательщик, представляющий возражения на акт налоговой проверки, информирует налоговый орган о допущенных нарушениях собирания и закрепления доказательств и (или) неполноте выводов в от-

³ СЗ РФ. 24.04.1995. № 17, ст. 1455.

⁴ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

ношении отдельных эпизодов акта проверки. Вполне естественно, что он делает этого для того, чтобы его положение улучшилось (или как минимум не усугублялось) путем устранения контролерами недостатков своей деятельности. Правозащитная парадигма в такой ситуации должна была выстраиваться с учетом принципа «все неустраимые сомнения в виновности толкуются в пользу налогоплательщика». Законодатель пошел иным путем, введя институт мероприятий дополнительного контроля (п. 6 ст. 101 НК РФ), в рамках которых проверяющие могут истребовать документы (ст. 93, 93.1 НК РФ), допросить свидетелей (ст. 90 НК РФ), провести экспертизу (ст. 95 НК РФ), т. е. собрать дополнительные доказательства виновности налогоплательщика.

Располагая предоставленной налогоплательщиком информацией, налоговый орган может принять меры к усилению своей собственной позиции, устранению собственных нарушений и недостатков результатов налоговой проверки до принятия итогового решения по налоговой проверке, тогда как при рассмотрении поставленного спорного вопроса в суде с учетом допущенных процессуальных нарушений, недостатки могли оказаться существенными настолько, что с неизбежностью их пороки отразились бы на принимаемом судебном решении, или сомнения в виновности налогоплательщика носили бы неустраимый характер.

Полномочие отменять решения нижестоящих налоговых органов в случае их несоответствия Конституции РФ, федеральным законам и иным нормативным правовым актам закреплено за вышестоящим налоговым органам не как обязанность, а как право (п. 3 ст. 31 НК РФ, ст. 9 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1). Хотя, очевидно, здесь не может возникать никаких иллюзий: надзорная функция – это не только право, но одновременно и обязанность.

Необходимо отметить, что налоговые органы представляют собой единую централизованную систему, включающую Федеральную налоговую службу России и территориальные органы (п. 1 ст. 30 НК РФ). Системное функционирование предполагает единообразие применяемых механизмов реализации возложенных на налоговые органы функций и задач, а также использование единого методологического подхода к применению норм законодательства о налогах и

сборах. Соответственно вышестоящий орган, рассматривающий жалобу (апелляционную жалобу) налогоплательщика, сочетает в себе арбитражные и обвинительные функции. Законодатель даже не посчитал нужным в апелляционном рассмотрении участие нижестоящего налогового органа; его место в силу *централизованного* характера системы налоговых органов занимает вышестоящий налоговый орган, который одновременно представляет фискальные интересы и выступает в роли арбитра.

Как в такой процедуре обеспечивается объективность, законодатель не поясняет. Но и без этого понятно, что в ведомственном формате рассмотрения она исключается, а само рассмотрение материалов проверки является формальным и лишенным правозащиты. Фактически правозащитная функция в перспективе перекладывается на суд.

До введения обязательного досудебного обжалования решений налогового органа обращения в вышестоящий налоговый орган были крайне редки. Объясняется это неэффективностью процедуры, на что обращали внимание как практики-налоговеды [2. С. 83], так и судьи [3. С. 28]. Да и само регулирование рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом уместилось всего в одну статью (ст. 140 НК РФ в первоначальной редакции), что явно не способствовало преодолению разногласий между участниками налоговых правоотношений.

Ошибочным видится подход, в котором целью административного порядка обжалования ставится не столько защита прав и законных интересов налогоплательщика, сколько «разгрузка судов». В таком случае административная процедура будет восприниматься как барьер к скорейшему доступу к правосудию. Представляется, что досудебная стадия нужна, но с независимым арбитром, состязательным процессом, целью которого является разрешение налогового спора, а не передача его в суд.

В связи с этим интересен опыт разрешения налоговых споров в Великобритании. Особенностью досудебного порядка является детальное описание всех его этапов и направленность его на достижение компромисса между налоговым органом и налогоплательщиком. «Поэтому, – отмечает Ю. А. Артемьева, – лишь небольшая часть налоговых споров в этой стране доходит до судебных инстанций» [4. С. 369].

В практике рассмотрения налоговых споров возникал вопрос: может ли вышестоящий налоговый орган, рассматривающий жалобу, ухудшить положение налогоплательщика? В основе данного вопроса лежит смешение двух статусов: арбитра и стороны конфликта в одном органе. Тем более что прямого запрета в НК РФ принимать вышестоящим налоговым органом решение по жалобе, ухудшающее положение налогоплательщика, нет.

С одной стороны, *поворот к худшему – reformatio in pejus* – искажает смысл административного разбирательства как процедуры, инициированной самим налогоплательщиком, в которой последний ищет защиту; противоречит самой сути жалобы, понимаемой как просьба о восстановлении нарушенных прав и законных интересов; создает препятствия для свободы обжалования, а это недопустимо. Еще М. Д. Загряцков отмечал, что «всякое ослабление желания пользоваться правом жалобы несовместимо с требованиями самого этого правопорядка» [5. С. 69].

С другой стороны, вышестоящий налоговый орган обладает полномочием административного контроля над законностью в порядке подчиненности. Пункт 3 ст. 31 НК РФ допускает отмену вышестоящим налоговым органом решения нижестоящего (даже без жалобы налогоплательщика) в том случае, когда оно, по его мнению, принято в нарушение требований законодательства о налогах и сборах. Такая возможность отмены решения существует, несмотря на то что сама процедура (сроки) отмены не предусмотрены ни Законом РФ от 21.03.1991 № 943-1, ни НК РФ. Подобное решение имеет целью восстановление в административном порядке законности, нарушенной неправомерным актом нижестоящего органа, по инициативе самого вышестоящего налогового органа, осуществляющего текущий контроль над деятельностью нижестоящих органов⁵.

Сторонники такой возможности находят в ней цели публичного характера: неотвратимость наказания, равные условия для всех налогоплательщиков, интересы законности,

полноту исследования, возможность устранения ошибки и т. д.

Возникает коллизия функций административной процедуры: правозащитной и административного контроля внутри централизованной системы налоговых органов с возможностью исправления нецелесообразных решений нижестоящих налоговых органов (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, ст. 32 НК РФ и ст. 3, 9 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1).

Изучив административную и судебную практику Германии, А. А. Артюх приводит интересные сведения из немецкого опыта о допускаемой возможности пересмотра первоначального решения в худшую сторону при соблюдении определенных ограничений: изменение должно происходить в пределах предмета обжалования, изменение может быть количественным, а не качественным (например, размер требуемого платежа может увеличиться вследствие арифметической или иной схожей по характеру ошибки); также должны соблюдаться принципы добросовестности и защиты доверия [6].

Вместе с тем при обращении в налоговый орган интерес налогоплательщика направлен даже не на сохранение, а на изменение прежнего положения в более благоприятную для него сторону, никак не наоборот. Определяющим фактором является инициатива, по которой происходит рассмотрение спорного вопроса. Поэтому суды признали приоритет за правозащитной функцией административной процедуры.

Сначала Президиум ВАС РФ в Постановлении от 28.07.2009 № 5172/09⁶, а затем и Пленум ВАС РФ в Постановлении от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации»⁷ указали, что вышестоящий налоговый орган по итогам рассмотрения жалобы не может доначислить налоги (пени, штрафы), если их суммы не отражены в первоначальном решении, вынесенном по результатам проверки (п. 81).

Представляется, что аналогичным образом должен решаться вопрос с возражениями на акт налоговой проверки. Дополни-

⁵ См., например, Определение Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 305-КГ17-5672 по делу № А40-101850/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁷ СПС «КонсультантПлюс».

тельные мероприятия налогового контроля не должны ухудшать положение подателя возражений.

При этом интересы законности обеспечиваются возможностью вышестоящего налогового органа провести повторную налоговую проверку в порядке п. 10 ст. 89 НК РФ, если для этого нет иных препятствующих факторов. По результатам повторной налоговой проверки налоговый орган вправе принять решение о дополнительных взысканиях, не указанных в резолютивной части нижестоящего налогового органа, с учетом установленных обстоятельств.

Также следует принять во внимание, что Пленум ВАС РФ исключил возможность заявлять, а арбитражным судам рассматривать доводы налогоплательщика на нарушение нижестоящим налоговым органом существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, если они не заявлялись вышестоящему налоговому органу ранее в жалобе (п. 68 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57).

Таким образом, налогоплательщик не в суде, а на досудебной стадии вынужден ссылаться на допущенные нижестоящим налоговым органом процедурные дефекты, которые вышестоящий налоговый орган при рассмотрении жалобы вправе исправлять, а недопустимые доказательства – исцелять. В то же время правозащитная модель рассмотрения жалобы предполагает нейтральный статус арбитра, а все процессуальные нарушения должны рассматриваться как невосполнимое нарушение порядка привлечения налогоплательщика к ответственности.

Очевидно, административное исцеление процессуальных пороков нижестоящего налогового органа, по сути, исключает правозащитную функцию вышестоящего налогового органа. Вышестоящий налоговый орган беспрепятственно может усилить аргументацию оспариваемого решения, что впоследствии затруднит отстаивание налогоплательщиком своей позиции в суде.

Гарантией защиты прав и законных интересов налогоплательщика является ответственность должностных лиц за их нарушение. Вместе с тем проблема юридической ответственности налогового органа и его должностных лиц состоит в том, что законодатель не определил ни ее основания, ни

сами меры ответственности. В. П. Кузнецов не без оснований говорит о мнимости положений НК РФ, предусматривающих юридическую ответственность для должностных лиц налогового органа [7].

По справедливому замечанию С. Г. Пепеляева, ответственность государства за причиненный вред должна быть персонифицирована. Только при этом условии она будет служить стимулом позитивных изменений. «Ответственность “бюджета в целом”, – далее указывает ученый, – выполняет функцию компенсации пострадавшему лицу вреда, но не воздействует на государственный орган, а тем более на должностное лицо, допустившее незаконные действия (бездействие)» [8. С. 15–16].

Должностное лицо налогового органа не понесет никаких негативных последствий, если его действия (бездействие) или ненормативный акт признают незаконным. И ничто в дальнейшем снова не будет выступать препятствием для злоупотреблений чиновника.

Проблемы налогового органа с законностью достаточно велики. Д. М. Щекин привел сведения, согласно которым за период с 2003 по 2006 г. показатель удовлетворенных судом заявлений налогоплательщиков составлял более 70 % [2. С. 79]. Однако с введением так называемых западных санкций, ситуация с цифрами кардинально поменялась: в пользу налоговых органов сейчас арбитражные суды рассматривают порядка 80 % дел [9]. Это отразилось на доверии к судебной системе: произошло двукратное снижение количества обращений в суд.

С. Г. Пепеляев еще в 2014 г. отмечал, что в «сфере налогообложения нарастают признаки системного кризиса законности. <...> Если правовые ограничения препятствуют эффективному пополнению бюджета, то ими пренебрегают на всех уровнях: законодательном, исполнительном, судебном» [10. С. 4]. Анализ причин таких перемен не входит в предмет нашего исследования (мы целиком разделяем мнение А. В. Брызгалова [9]), но и 20 % – это достаточно большой процент нарушений закона.

Нарушая закон, должностное лицо «не тяготится своим противоправным состоянием, так как право не признано и не принято его волею» [11. С. 349]. Безнаказанность стимулирует произвол, а решение фискальной задачи выступает универсальным оправ-

данием. Это будет продолжаться до тех пор, пока ответственность должностных лиц налогового органа будет не «в целом» и «вообще», а персональная.

Народная мудрость гласит: «Своя рубашка ближе к телу». Если бы должностное лицо соотносило свои действия в отношении налогоплательщика с возможной личной ответственностью (не виртуальной, а реальной), то злоупотреблений и различного рода нарушений со стороны налоговых органов было бы заметно меньше.

Законодатель и правоприменитель не спешат возложить реальную ответственность на должностных лиц налогового органа. Поэтому у должностных лиц будут и дальше отсутствовать значимые стимулы соблюдать права и законные интересы налогоплательщиков.

Очевидно, что такое положение дел не свойственно правовому государству, и должностные лица налоговых органов должны быть ответственны за принятие своих решений в прямом смысле. Это во многом определяется правовой политикой государства.

Реализация правозащитной функции возможна только через взаимодействие налогоплательщика, налогового органа и независимого арбитра.

По своему качеству административный порядок не должен уступать судебному производству. Формальное правоприменение должна заменить надлежащая административная процедура, главной задачей которой является защита прав и законных интересов налогоплательщика.

Список литературы

1. *Тархов В. А.* Охрана имущественных прав и трудящихся по советскому гражданскому законодательству: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1965. 508 с.
2. *Щекин Д. М.* Налоговые риски и тенденции развития Налогового права / Под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Статут, 2007. 236 с.
3. *Периутов А. Г.* Роль арбитражных судов в разрешении налоговых споров и в развитии законодательства // *Налоговые споры: опыт других стран: По материалам междунар. науч.-практ. конф.* М.: Статут, 2008. С. 28–32.
4. *Артемьева Ю. А.* Особенности производства по жалобам налогоплательщиков //

Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 368–371.

5. *Загряцков М. Д.* Административная юстиция и право жалобы (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском праве) М.: Право и жизнь, 1924. 96 с.

6. *Артюх А. А.* Ухудшение положения налогоплательщика как результат рассмотрения его жалобы в административном порядке. Опыт Германии // *Налоговед.* 2010. № 3. С. 77–85.

7. *Кузнецов В. П.* О мнимости положений абзаца второго пункта 2 статьи 22 Налогового кодекса Российской Федерации // *Налоги и налогообложение.* 2010. № 1. С. 14–18.

8. *Пепеляев С. Г.* Компенсация расходов на правовую помощь в арбитражных судах. М.: Альпина Паблишер, 2013. 186 с.

9. *Брызгалов А. В.* Почему налоговые органы чаще побеждают в судебных спорах? URL: <http://www.nalog-briz.ru/2017/07/11-08-2017.html> (дата обращения 31.07.2018).

10. *Пепеляев С. Г.* Не до закона // *Налоговед.* 2014. № 12. С. 4–6.

11. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // *Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. 624 с.*

S. A. Yadrikhinskiy

*North-West Institute (branch) of the University
named after O. E. Kutafin (MSAL)
32 Mir Str., Vologda, 160001, Russian Federation*

Syadr@yandex.ru

ON THE HUMAN RIGHTS FUNCTION OF THE TAX AUTHORITIES

The article examines the place, role and competence of tax authorities in ensuring the subjective rights and legitimate interests of taxpayers. The administrative procedure for resolving tax disputes arising between the taxpayer and the tax authority is analyzed. There is a lack of appropriate conditions for resolving the tax dispute on the basis of the principle of objectivity due to the combination of arbitration and accusatory functions of the higher tax authority that considers the complaint. It is concluded that it is impossible to implement the human rights function of tax authorities within the departmental format. The introduction of personal responsibility of officials for illegal actions, inaction, wrongly adopted non-normative acts is proposed as a guarantee instrument for protecting the rights and legitimate interests of the taxpayer.

Keywords: taxpayer; tax authority; tax dispute; administrative procedure; protection of rights, human rights function, the principle of objectivity; legitimate interest, responsibility of officials.

References

1. Tarkhov V. A. *Ohrana imushchestvennykh prav i trudyashchihsya po sovetskomu grazhdanskomu zakonodatel'stvu* [Protection of property rights and workers under Soviet civil law]. Dokt. jurid. sci. diss. Saratov, 1965. 508 p. (in Russ.)
2. Shchekin D. M. *Nalogovye riski i tendencii razvitiya Nalogovogo prava*. Ed. by S. G. Pepe-lyayeva [Tax risks and trends in Tax law]. Moscow, Statut, 2007, 236 p. (in Russ.)
3. Pershutov A. G. *Rol' arbitrazhnykh sudov v razreshenii nalogovykh sporov i v razvitii zakonodatel'stva* [Role of arbitration courts in tax disputes resolution and legislation development]. *Nalogovye spory: opyt drugih stran: Po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Statut, 2008, p. 28–32. (in Russ.)
4. Artemieva Yu. A. *Osobennosti proizvodstva po zhalobam nalogoplatel'shchikov* [Features of the proceedings on the complaints of taxpayers]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, p. 368–371. (in Russ.)
5. Zagryakov M. D. *Administrativnaya yusticiya i pravo zhaloby (Razvitie idei i principov administrativnoj yusticii. Administrativnyy process i pravo zhaloby v sovetskom prave)* [Administrative justice and the right of complaint (Development of the idea and principles of administrative justice. The administrative process and the right of complaint in the Soviet law)]. Moscow, *Pravo i zhizn'*, 1924, 96 p. (in Russ.)
6. Artyukh A. A. *Uhudshenie polozheniya nalogoplatel'shchika kak rezul'tat rassmotreniya ego zhaloby v administrativnom poryadke. Opyt Germanii* [Deterioration of the taxpayer's position as a result of the administrative review of his complaint. German experience]. *Nalogoved*, 2010, no. 3, p. 77–85. (in Russ.)
7. Kuznetsov V. P. *O mnimosti polozhenij abzaca vtorogo punkta 2 stat'i 22 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [About imaginary provisions of the paragraph of the second point 2 of article 22 of the Tax Code of the Russian Federation]. *Nalogi i nalogooblozhenie*, 2010, no. 1, p. 14–18. (in Russ.)

8. Pepelyaev S. G. Kompensatsiya raskhodov na pravovuyu pomoshch' v arbitrazhnykh sudakh [Compensation of expenses for legal assistance in arbitration courts]. Moscow, Al'pina Publisher, 2013, 186 p. (in Russ.)
9. Bryzgalin A. V. Pochemu nalogovye organy chashche pobezhdayut v sudebnykh sporakh? [Why tax authorities are more likely to win in litigation?]. URL: <http://www.nalog-briz.ru/2017/07/11-08-2017.html> (date of circulation 31.07.2018). (in Russ.)
10. Pepelyaev S. G. Ne do zakona [No place for the law]. *Nalogoved*, 2014, no. 12, p. 4–6. (in Russ.)
11. Ilin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of justice]. In: Ilin I. A. *Sobranie sochinenij*. In 10 vols. Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 4, 624 p. (in Russ.)

For citation:

Yadrikhinskiy S. A. On the Human Rights Function of the Tax Authorities. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 32–39. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-32-39

И. А. Кошелева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

kira@nso.ru

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПУБЛИЧНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАК МНОГОГРАННОЙ МЕТАКОНСТРУКЦИИ

Рассматривается теоретическая конструкция публичного обязательства как явления «куматоида» в финансовом праве, когда в качестве организующего инварианта выступают идея конструкции и объединенные на ее основе элементы, а в качестве изменяющегося материала – содержание этих элементов. Автором высказывается утверждение, что юридическая конструкция публичного обязательства как модель существования денежного обязательства формируется в рамках структуры финансового (бюджетного) отношения, которое структура призвана урегулировать, бюджетное отношение, которое возникает в соответствии с юридической конструкцией финансового правоотношения, должно ему соответствовать, а права и обязанности сторон правоотношения должны отражать условия, сформулированные в правовых нормах, закрепляющих жизнеспособность юридической конструкции публичного обязательства. Указанный подход позволил исследователю рассмотреть конструкцию публичного обязательства как многогранную теоретическую метаконструкцию финансового (бюджетного) права.

Ключевые слова: публичное обязательство, элементы обязательства, финансовое право, юридическая конструкция.

Характеристика любого правового явления традиционно основывается на исследовании теоретико-философской сущности юридических конструкций, могущих сформулировать комплексно-содержательные свойства любых отраслевых явлений и выявить процесс организации тех или иных прав и обязанностей.

Традиционно для гносеологического анализа используется подход обобщения типичных явлений правовой действительности, находящихся отражение посредством связи между элементами различных юридических фактов или общественных отношений определенной отраслевой принадлежности. С помощью данной модели юридическая конструкция в праве рассматривается через призму юридической техники, опосредующей системообразующие элементы отрасли права. В частности, юридическая конструк-

ция рассматривается либо в виде структурной идеи определенного вида правовых явлений [1. С. 44], либо посредством последовательного различения объекта юридической науки как внешней по отношению к исследователю реальности и ее теоретического описания средствами науки как предмета [2. С. 134]. В то же время данные подходы опосредуют тенденцию отождествления фрагментов действительного позитивного права с органическими элементами собственного содержания права [3. С. 39; 1. С. 140], что приводит к отрицанию единства правопонимания. В связи с этим для стройности методологического анализа в доктрине было предложено рассматривать юридическую конструкцию в значении субстанции, значимой для конкретного участника правового отношения. Характер субстанции юридическая конструкция приобретает, когда в

ней обнаруживается некий «центр». Таким центром выступает юридический акт или факт [4. С. 175].

Рассмотрение юридической конструкции с позиции значимости определения прав и обязанностей и построения ответственности [5. С. 110] позволяет познать сущность права и общественных отношений, урегулированных им [6. С. 228–230]. В связи с этим исследования юридических конструкций по отраслевому признаку [7. С. 65], например, в налоговом праве показывают, что их следует признать важнейшим средством, обеспечивающим единство нормативного массива и соответствие предписаний позитивного права природе налоговых отношений ввиду ряда особенностей. Во-первых, формирование юридических конструкций является определенным показателем структуры налогового права, отражающей логику построения соответствующих общественных отношений. Во-вторых, юридические конструкции несут некоторую идейную нагрузку, что определяет их тесную взаимосвязь с принципами правового регулирования [8. С. 78]. В-третьих, развитие системы нормативно закрепленных юридических конструкций свидетельствует о высокой степени организации нормативного материала, и с указанной точки зрения они (конструкции) могут быть рассмотрены в рамках юридической техники [2. С. 245].

Кроме того, при возникновении необходимости урегулировать конкретное общественное отношение наука предлагает отдать предпочтение той или иной подлежащей применению норме права, выбор которой зависит от совокупности реальных факторов, сопровождающих существование данного отношения, поскольку в зависимости от особенностей обстоятельств в процесс включаются разные юридические нормы, которые отличаются как раз особыми юридическими конструкциями [3]. В частности, при определении такой правовой категории, как обязательство, юридическая конструкция данного явления будет основываться на анализе достаточно обширной системы общественных отношений, требующих выявления ряда обстоятельств, сопровождающих ее осуществление, возникновение которых возможно с определенной, достаточно высокой степенью вероятности, и соответствующих им юридических конструкций [7. С. 65]. Здесь юридическая конструкция вы-

ступает средством обобщения различных сложных правовых явлений не по признакам, а по их внутренней структуре или строению. В этой связи ценные качества обязательства как юридической конструкции позволяют ей охватывать достаточно широкий круг общественных отношений различной отраслевой принадлежности, включающей публичную и частноправовую сферу, и тем самым выступать универсальным «интегративным» правовым средством для регулирования данных отношений [9. С. 6]. Рассмотрение обязательств как юридической конструкции в таком контексте влечет необходимость анализа вопросов публично-правовых и частноправовых отношений, поскольку семантическая характеристика слова «интеграция» подразумевает одним из своих значений «процесс упорядочения функционирования ранее разнородных частей и элементов» [10]. Кроме того, следует учитывать, что с позиции онтологии юридические конструкции исследуются как явления, определяемые с позиции двуединства: узкого и широкого смыслового начала [11. С. 46]. Позиция узкого подхода дает возможность рассматривать юридические конструкции в качестве средства юридической техники, позволяющей моделировать правовой материал на основе логических умозаключений, широкий подход проявляется посредством рассмотрения юридических конструкций в качестве средства познания и толкования правовых норм [12. С. 228–230]. В этой связи юридическую конструкцию можно определить как разновидность модели, типовую схему в правоведении, служащей методом познания права и общественных отношений, урегулированной им [6. С. 7–8; 11. С. 47], реализуемой при условии системообразующего приема построения компонентов данной модели, имеющих прикладное значение для всей системы юридической конструкции [7. С. 64–67]. Рассматривая финансовые отношения, возникающие в силу денежных обязательств, в которых одним из субъектов выступает публичный субъект, в качестве обязательственных отношений публичного типа в рамках персонифицированного характера участвующего субъекта, можно отметить, что именно публичные обязательства выступают центральным звеном финансово-правового воздействия, поскольку сфера и цели реализации данных обязательств вы-

ступают основой для правовой идентификации категории «публичное обязательство» в правовом моделировании финансовых обязательств как денежных обязательств, направленных на аккумуляцию или расходование публичных фондов денежных средств, которые по своей правовой сущности могут в большей или меньшей степени соответствовать признакам частноправовых либо публично-правовых денежных обязательств [13. С. 67; 14. С. 12–14]. Таким образом, использование приема юридического моделирования позволит рассмотреть финансовое обязательство как межотраслевую компоненту права, объединяющую в своей структуре частноправовые и публично-правовые аспекты.

В этой связи рассмотрение публичного обязательства с позиции содержательного наполнения напрямую будет соотноситься как с теорией структуры обязательства, представленной в классическом подходе с позиции цивилистических начал, так и с определения правовой природы финансовых обязательств. С одной стороны, анализ структуры обязательства в гражданском праве показывает, что центральным подходом в архитектонике построения структуры выступает точка зрения, согласно которой выделяются следующие элементы обязательства: объект, предмет, содержание, основание и участники правоотношения [15; 16]. Учитывая, что в качестве субъектов обязательства выступают кредитор (управомоченная сторона) и должник (обязанная сторона), содержание представляет собой поведение должника и кредитора, а форма – право требования и обязанность, лежащая на должнике (долг), в доктрине обязательства в зависимости от совокупного объема реализации прав и обязанностей участников обязательственного правоотношения принято различать простые и сложные [17]. При этом простые обязательства представляют собой обязательства, в рамках которых возникают односторонние обязательственные правоотношения. Иными словами, когда у одной стороны одно субъективное право требования, а у другой стороны одна обязанность, например, заёмное обязательство (кредитор (займодавец) и должник). Такой вид обязательств не предполагает возможность выделения в правоотношении отдельных элементарных частиц в отличие от сложного, в котором само обязательствен-

ное правоотношение можно разбить на несколько простых комбинированных обязательств, обусловленных типом заключенного сторонами правоотношения. Любое сложное обязательство – это не простая совокупность обязательств, а обязательство, которое приобретает такие свойства, которыми не обладает ни одно из простых обязательств, взятых в отдельности. Это качественно новое явление. Именно эти свойства предопределяют правила исполнения такого обязательства, которые не применимы к простым обязательствам [18]. Иначе говоря, сложное обязательство состоит не из набора простых обязательственных правоотношений, а из комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных прав и обязанностей, принадлежащих сторонам этого сложного обязательственного правоотношения. Такие сложные обязательства могут не только быть построенными на сочетании договорных обязательств, но и быть созданными путем сочетания договорного обязательства и фискального обязательства, фискального обязательства и обязательства государственной поддержки, договорного обязательства и обязательства государственной поддержки [19. С. 522–525; 20. С. 43]. Классическим примером законодательно закреплённого сложного обязательства выступает обязательственное правоотношение по передаче имущества в рамках договора купли-продажи, где обязательство представлено двумя правоотношениями: одно – передать имущество, второе – уплатить денежные средства за него [14. С. 17], тем самым обязательство как сложная конструкция обусловлена сочетанием встречных основных договорных обязательств у каждой из сторон [21. С. 51]. Тем самым внутреннее деление на элементы позволяет соотносить внутри обязательственного состава различные правомочия участников правоотношений, в которых возникают обязательства, в том числе и обязательства экономического характера [15].

С другой стороны, финансово-правовая теория, рассматривая денежные обязательства, лежащие в основе финансовых обязательственных правоотношений, указывает, что денежные обязательства могут быть по своей структуре как простыми, так и сложными со всеми вытекающими последствиями [22. С. 86]. Кроме того, как отмечается в науке финансового права, в денежных обя-

ательствах по формированию и расходованию публичных фондов денежных средств просматривается интересная закономерность: в большинстве своем они безэквивалентны, т. е. не предполагают встречного имущественного представления, однако это не освобождает от наличия неимущественных обязательств кредитора в публичном финансовом обязательстве перед денежным должником, например в представлении определенных документов, подтверждающих право на получение денежных средств из бюджета [23. С. 87–88]. Иначе говоря, по сути, если в целом рассматривать, что под финансами понимаются в одних случаях отношения, в других – денежные фонды, в-третьих – совокупность финансовых институтов [24. С. 35–36], вне зависимости от подхода основным признаком, отражающим специфику финансов и позволяющим вычленить финансовые отношения из всей совокупности обязательственных отношений, выступает одностороннее движение стоимости, являющееся проявлением безэквивалентности, реализуемой в процессе всех уровней хозяйствования и управления и целевого направления и использования денежных средств из соответствующих фондов денежных средств. Именно данный признак служит основанием для отнесения денежных отношений к финансовым [25. С. 47–48], дополнительным признаком – подтверждение процесса движения денежных средств, однако данная корреляционная зависимость проявляется в основном в бюджетных обязательствах. В частности, рассмотрение в качестве определяющего понятия системы финансовых обязательств публичного обязательства, отражающего государственные обязательства, из которых в зависимости от природы и правового основания выделяются соответствующие обязательства, позволяет сделать обобщающий вывод: ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации дает легальную дефиницию «публичные обязательства – обусловленные законом, иным нормативным правовым актом расходные обязательства публично-правового образования перед физическим или юридическим лицом, иным публично-правовым образованием, подлежащие исполнению в установленном соответствующим законом, иным нормативным правовым актом размере или имеющие установленный указанным законом, актом порядок его оп-

ределения (расчета, индексации)». Не вызывает сомнений тот факт, что публичное обязательство определяется как обусловленная законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанность публично-правового образования предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права денежные средства из соответствующих бюджетов [23. С. 20–21]. В этой связи на передний план выступает денежная обязанность субъектов, направленных на использование, расходование публичных фондов денежных средств [22. С. 94], а на второй – возникающие у стороны-визави обязательства неимущественного либо имущественного характера, которые будут находиться в зависимости от возникающих финансовых обязательственных правоотношений. Таким образом, в финансовом обязательственном отношении обязательным элементом выступает денежная обязанность, проявляющаяся в праве требовать, а факультативным – обязанность неимущественного характера, проявляющаяся в обязанности исполнения условий. Иными словами, финансовое обязательство в качестве своего обязательного элемента как простого, так и сложного состава предусматривает простое денежное обязательство. При этом простое денежное обязательство должно быть интегрировано в юридическую конструкцию сложного, в котором помимо движения денежных средств из публичных фондов в частные и наоборот, присутствуют еще и другие обязательства – как имущественного, так и неимущественного характера [14. С. 18; 26. С. 27]. Тем самым публичное обязательство всегда будет выступать как сложное обязательство.

Рассмотрение состава конструкции публичных обязательств с данных позиций опосредует необходимость проведения комплексного анализа особенностей предмета и метода правового воздействия частных и публичных норм, обеспечивающих обоснование ключевой роли позитивного обвязывания в регулировании отношений по формированию, распределению и использованию публичных фондов денежных средств [5. С. 113]. Исследование взаимодействия частных и публичных норм в финансовом праве в первую очередь опирается на разрешение проблемы структурирования со-

става финансового обязательства с позиции вопроса о критериях возможного систематизирования [27. С. 134–136]. Следует учесть, что, с одной стороны, деление права на частное и публичное вполне может выступать как альтернатива традиционному в нашей стране отраслевому делению, причем как для учебных, так и для научных целей. При этом деление права на частное и публичное достаточно субъективно, о чем говорит отсутствие такого деления во многих правовых порядках, находящихся за пределами романо-германской правовой семьи. С этих позиций деление права на частное и публичное – это, скорее, не объективная реальность, открытая правоведами, а искусственно созданный конструкт, который помогает решать целый ряд теоретических и практических задач в юриспруденции [27. С. 136]. С другой стороны, тенденции частного и публичного права и их взаимодействия друг с другом зависят от общих тенденций развития российского права [28. С. 18]. К таким тенденциям в доктрине и на практике традиционно относят: увеличение саморегулирования в отраслях частного права; дальнейшую, как уже отмечалось, гармонизацию российского частного и международного частного права; возрастание количества норм, посвященных статусу и деятельности публично-правовых образований в частном праве, и пр. Здесь частное право понимается как подсистема российского права, состоящая из совокупности отраслей российского права, в которых преобладает диспозитивный метод правового регулирования, и которые строятся на принципах предоставления субъектам правоотношений известной свободы при выборе варианта своего поведения. Публичное право рассматривается как подсистема российского права, регулирующая отношения между носителями публичной власти и частными субъектами, а также содержащая нормы, касающиеся организации и функционирования государственной власти. При этом частное и публичное право взаимодействуют не просто абстрактно в целом, а на уровне конкретных элементов, формируя содержательное наполнение структурных конструкций как отраслевого, так и межотраслевого характера [28. С. 16].

Таким образом, разграничение публичных и частных норм не имеет четкой границы. Вследствие этого вторым аспектом вы-

ступает допустимость и применимость «вторжения» в финансово-правовую ткань предписаний, институтов иных отраслей права, равно как и финансово-правовое воздействие на «зоны ответственности» гражданского, трудового, административного права и др. [29. С. 47]. Именно данное взаимодействие между отраслями права в финансовом праве рассматривается как интеграция [30. С. 55–56]. Возвращаясь к указанной выше дефиниции, интеграция как процесс упорядочения функционирования ранее разнородных частей и элементов посредством воспроизведения «чужих» юридических конструкций и переложения их на финансово-правовой язык [31. С. 501–528] позволяет включать нормы и понятия другой отраслевой принадлежности в ткань финансово-правового регулирования путем презюмирования [24. С. 16], обеспеченного методологическим сопровождением юридических конструкций, использование и применение которых в интегративных процессах придает праву структурность, внутреннее единство и высокую мобильность – логическую стройность и рациональность [32. С. 830]. Применение к «публичному обязательству» концептуальных подходов о сложном обязательстве показывает, что сложное обязательство определено как внутренне согласованная система правоотношений, объединенная единым социально-экономическим и правовым назначением, один или несколько элементов которой являются множественными. При этом сложные обязательства финансово-правовой направленности обусловлены многообразием взаимосвязанных экономических отношений, регулирование которых как отдельных правоотношений не отвечает эффективному выражению экономических и правовых интересов участников экономического обмена и может привести к неадекватной оценке исполнения обязательства в качестве надлежащего [33. С. 5–8]. Тем самым характеристика состава юридической конструкции будет отражать интегративное воздействие механизмов частноправового регулирования на институты публичного права, где элементы конструкции рассматриваются как компоненты, из которых складываются подсистемы юридической конструкции, основу которой составляют юридические факты [14. С. 17–18]. Учитывая, что основу финансового обязательственного правоотношения, а за ним и публичного обязательства

составляет обязательство сложного вида, то, согласно общей теории обязательств, сложное обязательство, как правило, проходит в своем развитии две стадии – возникновения и исполнения. На первой стадии оно в качестве элементов включает в себя: 1) стороны – лиц, которые на основании соответствующего юридического факта обладают субъективными правами или юридическими обязанностями; 2) объекты, относительно которых права и обязанности устанавливаются. Права требования и юридические обязанности (возможные поведенческие акты) отражают связи между элементами обязательства и на второй стадии замещаются актами их реализации. Наряду со сторонами они могут совершаться третьими лицами, которые, таким образом, включаются в состав обязательства. В зависимости от требований закона или иного нормативного правового акта сложные обязательства могут изменяться как в сторону усложнения, так и в сторону упрощения, тем самым определяя, что на второй стадии обязательным элементом, помимо указанных, будут выступать условия обязательства [34. С. 87–92], которые представляют собой четко структурированный алгоритм действий субъектов, которые должны быть выполнены ими в рамках данной юридической конструкции [5. С. 111], предусмотренные положениями закона либо иного нормативного правового акта как определенные и обязательные к исполнению, которые в последствие опосредовать определимые условия обязательства [35. С. 13].

Перенос данного подхода на финансово-правовую почву при рассмотрении социальной направленности реализации государством своих функций однозначно свидетельствует о том, что в юридической конструкции публичного обязательства в обязательном определенном порядке будет предусмотрено наличие двух субъектов в обязательстве, одним из которых является публичный субъект, поскольку целевой характер публичного обязательства опосредует создание либо расходование именно публичных фондов денежных средств [36. С. 15–18]. Другим субъектом может являться лицо, получающее денежные обязательства из таких фондов, к которым можно отнести физических лиц, юридических лиц, иные публично-правовые образования. Объектом публичного обязательства как эле-

мента юридической конструкции, определяющей идею существования юридической конструкции целиком и наделяющей ее уникальными свойствами [37], которые необходимы и достаточны для реализации, выступает социальная связь между субъектами обязательства. Объектом выступают денежные средства, которые один субъект должен передать другому в рамках действующего финансового обязательства. Третьим элементом публичного обязательства как юридической конструкции выступают условия, закрепленные в законе или ином нормативном правовом акте через формулирование прав и обязанностей субъектов – сторон публичного обязательства [5. С. 118]. Следует оговориться, при характеристике содержания юридических конструкций различной отраслевой принадлежности сопоставимые конструкции нужно отличать от соответствующих нормативных конструкций, состав которых определяется общими теоретическими разработками отраслевой принадлежности [38. С. 421]. Более того, данный подход уже используется применительно к налогам и сборам и имеет нормативное закрепление [39. С. 24]. Однако существенным моментом при характеристике состава юридической конструкции публичного обязательства будет выступать ее отличие от структуры обязательства. Если юридическая конструкция представляет собой идеальную модель обязательственного общественного отношения, сформулированную и закрепленную в правовых нормах [5. С. 120], а структура правоотношения характеризуется посредством определения внутренней системы обязательственного правоотношения, определяемой двумя факторами: общественным отношением и нормой права, последняя как раз и определяет права и обязанности сторон общественного отношения [20. С. 54–55]. Тем самым в науке финансового права высказывается утверждение, что юридическая конструкция публичного обязательства как модель существования денежного обязательства формируется в рамках структуры финансового отношения, которое она призвана урегулировать, и финансовое отношение, которое возникает в соответствии с юридической конструкцией, должно ей соответствовать, а права и обязанности сторон правоотношения должны отражать условия, сформулированные в правовых нормах, закрепляю-

щих жизнеспособность юридической конструкции публичного обязательства [5. С. 120–121]. Иными словами, налицо проявление куматоида [40. С. 80–89; 41. С. 54–92] в финансовом праве, когда в процессе закрепления структуры публичного обязательства исследуемый объект рассматривается с позиции «волны», которая, двигаясь по поверхности права, захватывает в сферу своего влияния все новые и новые элементы различных нормативных конструкций, которые обогащают ее состав и позволяют трансформировать приобретенные свойства в универсальное качество системы. Другими словами, в конструкции публичного обязательства при закреплении его структуры в процессе воспроизводства теоретической конструкции в юридическом мышлении, а также закрепления соответствующих ему нормативных конструкций в нормативных правовых актах с необходимостью сохраняются только элементы теоретической конструкции обязательственного права и объединяющая эти элементы идея (данное утверждение верно как для частного, так и для публичного права), а вот фактическое содержание элементов вполне может меняться. Таким образом, для теоретической конструкции как куматоида в качестве организующего инварианта выступают идея конструкции и объединенные на ее основе элементы, а в качестве изменяющегося материала – содержание этих элементов [37]. Тем самым данный подход позволяет рассматривать юридическую конструкцию публичного обязательства как многогранную метаконструкцию, дающую методологическое основание для исследования большинства финансовых отношений бюджетного типа.

Список литературы

1. Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 180 с.
2. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. 264 с.
3. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 495 с.
4. Халабуденко О. А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции // Вестн. Перм. гос. ун-та. Юридические науки. 2013. № 1. С. 174–187.
5. Омелёхина Н. В. Юридическая конструкция финансовых обязательств: концептуальные основы формирования // Журнал российского права. 2016 № 10. С. 108–121.
6. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: Монография. М., 2012. 320 с.
7. Серкова Ю. А. Понятие юридической конструкции и его методологическое значение в исследовании правовых систем // Юридический мир. 2013. № 7. С. 64–67.
8. Богданов Д. В. К вопросу о юридических конструкциях в налоговом праве // Финансовое право. 2010. № 11. С. 73–79.
9. Бордюг И. А. Налоговое обязательство в российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 26 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 863 с.
11. Омелёхина Н. В. К вопросу об обязательствах в финансовой деятельности публично-правовых образований // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: Материалы конф. / Под ред. Н. В. Омелёхиной, И. А. Кравец. Новосибирск: Из-во СибАГС, 2012. С. 40–52.
12. Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: феномены в юриспруденции: Монография. М.: Форум, 2012. 320 с.
13. Омелёхина Н. В. Денежные обязательства в системе финансовых правоотношений. Новосибирск: Наука, 2015. 116 с.
14. Омелёхина Н. В. Денежное обязательство как межотраслевой институт // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2015. Т. 11, № 2. С. 12–19.
15. Лавров Д. Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 22 с.
16. Новиков К. А. Понятие способа обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
17. Рожкова М. А. К вопросу о динамике обязательств. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5336> (дата обращения 23.08.2017).
18. Рыбалко О. А. Обязательства «простые» и «сложные» (Некоторые аспекты

спора о понятии обязательства). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901900804> (дата обращения 23.08.2017).

19. Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Егорова. М.: Проспект, 2006. 878 с.

20. Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010. 256 с.

21. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: Учеб. пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.

22. Омельхина Н. В. Обязывание в системе финансово-правового регулирования. Денежная обязанность как форма позитивного обязывания. Новосибирск: Наука, 2014. 202 с.

23. Комягин Д. Л. Управление бюджетными расходами: расходные обязательства // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. № 8. С. 19–29.

24. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. М.: РАП, Эксмо, 2008. 160 с.

25. Сагайдачная Н. К. Безэквивалентные и эквивалентные отношения в финансовой и бюджетных системах // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3 (7). С. 46–50.

26. Чевычалов В. В. К вопросу о понятии юридической конструкции // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 21–30.

27. Пашенцев Д. А. Взаимодействие частных и публичных норм в финансовом праве // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). С. 134–136.

28. Деркач Т. В. Частное и публичное право, как парные юридические категории: Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 22 с.

29. Пиликин Г. Г. О понимании предмета финансового права России с позиции структуры финансового права // Вестн. перм. гос. ун-та. Юридические науки. 2011. Вып. 3 (13). С. 45–53.

30. Соколова Э. Д. Теоретические и правовые основы финансовой деятельности государства и муниципальных образований / Под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Юриспруденция, 2006. 112 с.

31. Пиликин Г. Г. Налоговые права и обязанности в связи с гражданскими правоотношениями // Гражданское право: Учебник / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Норма, 2009. 840 с.

32. Червонюк В. И. Юридические конструкции в структуре права // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 825–831.

33. Кулаков В. В. Сложные обязательства в гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 42 с.

34. Кулаков В. В. Структура и состав сложного обязательства: Монография. М.: РАП, 2011. 288 с.

35. Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 23 с.

36. Грачева Е. Ю. К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестн. университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 6 (22). С. 10–20.

37. Хизов В. Е. Юридическая конструкция как средство познания. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=909 (дата обращения 24.08.2017).

38. Коркунов М. Н. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2004. 458 с.

39. Кучеров И. И. К вопросу о юридических конструкциях налогов и сборов // Финансовое право. 2010. № 1. С. 22–27.

40. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.

41. Розов М. А. Проблема способа бытия семиотических объектов // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8, № 2. С. 58–67.

Материал поступил в редколлегию 30.08.2018

I. A. Kosheleva

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

kira@nso.ru

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF PUBLIC COMMITMENT AS A MULTIPLE META CONSTRUCTION

The theoretical construction of a public obligation as a phenomenon of a «kumatoid» in financial law is considered in the article, when the idea of a design and elements combined on its basis act as

the organizing invariant, and the content of these elements as a changing material. The author states that the legal construction of a public obligation as a model for the existence of a monetary obligation is formed within the framework of the structure of the financial (budgetary) relationship that the structure is called upon to regulate, and the budgetary relationship that arises in accordance with the legal design of the financial relationship should correspond to it, and the rights and obligations of the parties to the legal relations should reflect the conditions formulated in the legal norms that fix the viability of the legal design of the public obligation. This approach allowed the researcher to consider the construction of a public commitment as a multifaceted theoretical meta-construction of fiscal (budgetary) law.

Keywords: public obligations, elements of obligation, financial law, legal design.

References

1. Chevychelov V. V. *Yuridicheskaya konstruktsiya* [Legal construction]. Dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2005, 180 p. (in Russ.)
2. Tarasov N. N. *Metodologicheskiye problemy yuridicheskoy nauki* [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg, UrGuAA Publ., 2001, 264 p. (in Russ.)
3. Alekseev S. S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotoryye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoy epokhi* [Right on the threshold of the new millennium: some trends in world legal development – the hope and drama of the modern era]. Moscow, Statute, 2000, 495 p. (in Russ.)
4. Khalabudenko O. A. *Nekotoryye voprosy metodologii prava: grazhdansko-pravovyye prerogativy i yuridicheskiye konstruktsii* [Some questions of the methodology of law: civil-law prerogatives and legal constructions]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Perm State University Juridical Sciences], 2013, no. 1, p. 174–187. (in Russ.)
5. Omelyokhina N. V. *Yuridicheskaya konstruktsiya finansovykh obyazatel'stv: kontseptual'nyye osnovy formirovaniya* [Legal construction of financial obligations: the conceptual basis of formation]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 10, p. 108–121. (in Russ.)
6. Cherdantsev A. F. *Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii* [Logico-linguistic phenomena in jurisprudence]. Monograph. Moscow, 2012, 320 p. (in Russ.)
7. Serkov Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruktsii i yego metodologicheskoye znachenie v issledovanii pravovykh sistem* [The concept of legal construction and its methodological significance in the study of legal systems]. *Yuridicheskiy mir* [Juridical World], 2013, no. 7, p. 64–67. (in Russ.)
8. Bogdanov D. V. *K voprosu o yuridicheskikh konstruktsiyakh v nalogovom prave* [To the question of legal constructions in the tax law]. *Finansovoye pravo* [Financial Law], 2010, no. 11, p. 73–79. (in Russ.)
9. Bordyug I. A. *Nalogovoye obyazatel'stvo v rossiyskom prave* [Tax liability in the Russian law]. Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk, 2009, 26 p. (in Russ.)
10. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Eds. L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow, Sovetskaya Encyclopedia, 1983, 863 p. (in Russ.)
11. Omelyokhina N. V. *K voprosu ob obyazatel'stvakh v finansovoy deyatel'nosti publichno-pravovykh obrazovaniy* [On the issue of obligations in the financial activities of public-legal entities]. *Innovatsionnoye razvitiye yuridicheskoy nauki kak faktor ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Innovative development of legal science as a factor of strengthening Russian statehood]. Materials of conf. Eds. N. V. Omelekhina, I. A. Kravets. Novosibirsk, SibAPS Publ., 2012, P. 40–52 (in Russ.)
12. Chevychelov V. V. *Yuridicheskaya konstruktsiya: fenomeny v yurisprudentsii* [Legal construction: phenomena in jurisprudence]. Monograph. Moscow, Forum, 2012, 320 p. (in Russ.)
13. Omelyokhina N. V. *Denezhnyye obyazatel'stva v sisteme finansovykh pravootnosheniy* [Monetary obligations in the system of financial legal relations]. Novosibirsk, Nauka, 2015, 116 p. (in Russ.)

14. Omelyokhina N. V. Denezhnoye obyazatel'stvo kak mezhotraslevoy institut [Monetary commitment as an interdisciplinary institute]. *Vestnik NSU. Series: Pravo*, 2015, vol. 11, no. 2, p. 12–19. (in Russ.)
15. Lavrov D. G. Denezhnyye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave [Monetary obligations in the Russian civil law]. Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2000, 22 p. (in Russ.)
16. Novikov K. A. Ponyatiye sposoba obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave [The concept of the way to ensure the fulfillment of obligations in civil law]. Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2012, 26 p. (in Russ.)
17. Rozhkova M. A. K voprosu o dinamike obyazatel'stv [To the question of the dynamics of obligations]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5336> (reference date: 23.08.2017). (in Russ.)
18. Rybalko O. Obyazatel'stva «prostyye» i «slozhnyye» (Nekotoryye aspekty spora o ponyatii obyazatel'stva) [Obligations «simple» and «complex» (Some aspects of the dispute about the concept of obligation)]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901900804> (reference date: 23.08.2017). (in Russ.)
19. Tolstoy Yu. K., Egorov A. P. Grazhdanskoye pravo [Civil law]. A textbook. Moscow, Prospekt, 2006, 878 p. (in Russ.)
20. Kulakov V. V. Obyazatel'stvo i oslozhneniya yego struktury v grazhdanskom prave Rossii [The obligation and complications of its structure in the civil law of Russia]. Moscow, Volters Kluver, 2010, 256 p. (in Russ.)
21. Khokhlov V. A. Obshchiye polozheniya ob obyazatel'stvakh [General provisions on obligations]. Textbook. Moscow, Statute, 2015, 288 p. (in Russ.)
22. Omelyokhina N. V. Obyazyvaniye v sisteme finansovo-pravovogo regulirovaniya. Denezhnaya obyazannost' kak forma pozitivnogo obyazyvaniya [Lending in the system of financial and legal regulation. Monetary obligation as a form of positive obeyzvaniya]. Novosibirsk, Science, 2014, 2014 p. (in Russ.)
23. Zapolsky S. V. Diskussionnyye voprosy teorii finansovogo prava [Discussion questions of the theory of financial law]. Moscow, RAP, Eksmo, 2008, 160 p. (in Russ.)
24. Sagaidachnaya N. K. Bezekvivalentnyye i ekvivalentnyye otnosheniya v finansovoy i byudzhethnykh sistemakh [Equivalent and equivalent relations in financial and budgetary systems]. *Problemy ucheta i finansov* [Problems of Accounting and Finance], 2012, no. 3 (7), p. 46–50. (in Russ.)
25. Komyagin D. L. Upravleniye byudzhethnymi raskhodami: raskhodnyye obyazatel'stva [Management of budgetary expenses: expenditure obligations]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovaniye, bukhgalterskiy uchët* [The Financial bulletin: the finance, taxes, insurance, book keeping], 2014, no. 8, p. 19–29. (in Russ.)
26. Chevichalov V. V. K voprosu o ponyatii yuridicheskoy konstruktsii [To the question of the concept of legal construction]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2005, no. 11, p. 21–30. (in Russ.)
27. Pashentsev D. A. Vzaimodeystviye chastnykh i publichnykh norm v finansovom prave [Interaction of private and public norms in financial law]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2013, no. 11 (66), p. 134–136. (in Russ.)
28. Derkach T. V. Chastnoye i publichnoye pravo, kak parnyye yuridicheskiye kategorii [Private and public law, as paired legal categories]. Abstract. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2011, 22 p. (in Russ.)
29. Pilikin G. G. O ponimaniy predmeta finansovogo prava Rossii s pozitsii struktury finansovogo prava [About understanding of a subject of the financial law of Russia from a position of structure of the financial right]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [The Bulletin of the Perm university. Juridical sciences], 2011, issue 3 (13), p. 45–53. (in Russ.)
30. Sokolova E. D. Teoreticheskiye i pravovyye osnovy finansovoy deyatel'nosti gosudarstva i munitsipal'nykh obrazovaniy [Theoretical and legal bases of financial activity of the state and municipal formations]. Ed. by E. Yu. Grachevoy. Moscow, Jurisprudence, 2006, 112 p. (in Russ.)
31. Pilikin G. G. Nalogovyye prava i obyazannosti v svyazi s grazhdanskimi pravootnosheniyami [Tax rights and duties in connection with civil legal relations]. *Grazhdanskoye pravo* [Civil law]. A textbook. Ed. by S. S. Alekseev. Moscow, Norma, 2009, 840 p. (in Russ.)

32. Chervonyuk V. I. Yuridicheskiye konstruktсии v strukture prava [Legal constructions in the structure of law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Law Machinery], 2013, no. 7 (part 2), p. 825–831. (in Russ.)
33. Kulakov V. V. Slozhnyye obyazatel'stva v grazhdanskom prave [Complicated obligations in civil law]. Author's abstract. dis. ... Dr. jurid. sciences. Moscow, 2011, 42 p. (in Russ.)
34. Kulakov V. V. Struktura i sostav slozhnogo obyazatel'stva [Structure and composition of a complex obligation]. Monograph. Moscow, RAP, 2011, 288 p. (in Russ.)
35. Gruzdev V. V. Vozniknoveniye dogovornogo obyazatel'stva po rossiyskomu grazhdanskomu pravu [The emergence of a contractual obligation under Russian civil law]. Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2008, 23 p. (in Russ.)
36. Gracheva E. Yu. K voprosu o finansovykh obyazatel'stvakh gosudarstva [To the question of financial obligations of the state]. *Vestnik of the University named after O. E. Kutafina*, 2016, no. 6 (22), p. 10–20. (in Russ.)
37. Khizov V. E. Yuridicheskaya konstruktsiya kak sredstvo poznaniya [Legal construction as a means of knowledge]. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=909 (reference date: 24.08.2017).
38. Korkunov M. N. Lektsii po obshchey teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, Legal Center-Press, 2004, 458 p. (in Russ.)
39. Kuchеров I. I. K voprosu o yuridicheskikh konstruktsiyakh nalogov i sborov [On the issue of legal constructions of taxes and fees]. *Finansovoye parvo* [Financial Law], 2010, no. 1, p. 22–27. (in Russ.)
40. Stepin V. S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology]. Proc. allowance. Moscow, Contact-Alfa, 1995, 384 p. (in Russ.)
41. Rozov M. A. Problema sposoba bytiya semioticheskikh ob'ektov. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2006, vol. 8, no. 2, p. 58–67. (in Russ.)

For citation:

Kosheleva I. A. To the Question of the Legal Nature of Public Commitment as a Multiple Meta Construction. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 40–50. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-40-50

О. А. Зыкова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

bubnova90@mail.ru

АМНИСТИЯ КАПИТАЛОВ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрено развитие правового регулирования амнистии капитала в РФ, в котором можно условно выделить четыре этапа, связанные с принятием таких актов, как: Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году», Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ «Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами», Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

Автором предложено определение амнистии, под которой следует понимать установленный законом и ограниченный по времени применения порядок, предусматривающий изменение (отступление) от общих правил проведения налогового контроля над активами, которые были получены резидентами государства, но надлежащим образом не были отражены в декларациях и не облагались налогами, в том числе в связи с переводом их из юрисдикции нашей страны.

Кроме того, выявлены пробелы в действующем законодательстве (отсутствие возможности подачи спецдекларации в любом удобном для предпринимателя территориальном налоговом органе; ограниченный срок «безналоговой ликвидации»; попадание под амнистию исключительно открытых, действующих зарубежных счетов; наличие неясностей в терминологии и др.), многие из которых были устранены на четвертом этапе проведения амнистии капитала.

Ключевые слова: амнистия капиталов, отток капитала, добровольное декларирование активов, контролируемые иностранные компании, репатриация капитала, освобождение от налоговой ответственности.

По имеющимся сведениям, в 2015 г. чистый отток денежных средств из России в другие страны достиг уровня 98 млрд долларов США. При этом за первые 3 месяца нынешнего года наше государство потеряло уже около 21 млрд долларов: юридические лица скрывают свой капитал на территориях 43 оффшорных зон, физические лица приобретают заграничную недвижимость [1. С. 61]. В целом, по оценкам специалистов, в течение последних 20 лет из России было выведено порядка 800 млрд долларов [2. С. 56]. Для сравнительного анализа можно приве-

сти ряд примеров. Следует отметить, что последней указанной суммы было бы достаточно для выплаты пенсий всем нетрудоспособным гражданам страны на протяжении 8 лет.

Основными получателями российских денежных средств выступают оффшорные зоны. Оффшоры позволяют российскому бизнесу прятать деньги. Фирмы осуществляют такое сокрытие из-за опасения неоправданного политического и законодательного давления на бизнес. Помимо этого, слабость национальной экономики ограни-

чивает потенциалы для получения доходов от инвестиций, что приводит предпринимателей к предпочтению хранить деньги в иностранных банках, а не инвестировать их в своей стране.

Если рассмотреть денежные потоки со стороны физических, частных лиц, то стоит заметить, что наши граждане предпочитают пользоваться лояльными условиями инвестирования Германии, Испании, Италии, Китая, США [3. С. 85]. Обычно в данных государствах россияне приобретают недвижимость. Отдельного внимания заслуживают денежные переводы из России в страны СНГ, чаще осуществляемые трудовыми мигрантами. Для ряда стран переводы из России весьма значительны. Например, согласно данным Всемирного Банка, лидерами по заработной плате относительно ВВП являются граждане Таджикистана. Они отправляют в национальную экономику примерно половину всего ВВП страны, что составляет 47 % [4. С. 27–35].

Вся эта ситуация, подрывающая местную экономику и формирующаяся уже несколько десятилетий, спровоцировала Российское Правительство предпринять конкретные меры, направленные на репатриацию капитала. Одним из видов деофшоризации, применяемой в России, выступает процедура под названием «амнистия капитала».

К сожалению, следует констатировать, что в законодательстве отсутствует юридическое определение данного термина. Если обратиться к теории, то слово «амнистия» в переводе с греческого «*amnestia*» – забвение, прощение. Амнистия – волеизъявление законодательной власти, которое отменяет как наказание, так и само преступление. Данная практика «прощения» существует еще с древних времен и, как правило, означает полное забвение совершенных ранее противоправных деяний [5. С. 5–6]. Около ста лет назад П. И. Люблинский высказал свое мнение относительно данного вопроса, указав, что амнистия выступает в качестве правового института: «...амнистия есть акт, посредством которого власть запрещает начинать или продолжать какие-либо преследования или приводить в исполнение обвинительные приговоры по отношению к нескольким лицам, специально указанным по ряду учиненного ими деяния» (цит. по: [6. С. 7–13]). Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук

И. Н. Соловьев указывает, что амнистия капиталов не означает примитивного списания налоговой задолженности перед государством. По его мнению, под амнистией капиталов стоит подразумевать предложение со стороны государства отдельным неплательщикам выплатить свой сформировавшийся долг по налогам и сборам, обменяв данное действие на отмену применения наказания, потенциально наложенное за неуплату [7. С. 9–14]. Он верно отмечает, что история показывает немало случаев применения амнистии к неплательщикам налогов. В силу того что темпы развития общественных отношений в сфере экономики стремительно росли, появились новые необходимые для общества виды амнистии: экономическая, финансовая, налоговая, амнистия капиталов и т. д.

В толковом словаре экономических и юридических терминов и понятий под амнистией капитала понимается правовой акт, относящийся к определенным лицам, которые совершили правонарушение в рамках налогового законодательства и которые в дальнейшем будут освобождены от применения к ним наказаний при условии, что они в назначенный срок обнародуют свои денежные потоки за рубеж и оплатят в бюджет своей родины все обязательственные налоговые выплаты в полном объеме [8]. Как считает доктор экономических наук, профессор Ю. Ф. Воробьев, сущность амнистии капитала заключается в частичном или абсолютном снятии ответственности. Полная амнистия с избавлением от ответственности – явление достаточно редкое, чаще характерное для беднейших государств мира. Как правило, для вступления амнистии публикуется закон (или указ), провозглашающий данную амнистию капиталов, где фиксируются все особенности применения многообразных видов санкций. Этим нормативно-правовым актом утверждаются все субъективные права и освобождение лиц от ответственности, также прописывается регламент проведения амнистии, но порой данная последовательность в отдельности разрабатывается правительством [9]. Другие ученые также рассматривают амнистию как «государственно-правовой акт, посредством которого государство реализует свое конституционное право на отказ от уголовного преследования (освобождение от уголовной ответственности или наказания) индивиду-

ально не определенного круга лиц в общественно полезных целях» [10. С. 17–19].

Однако справедливости ради нельзя в полной мере согласиться с признанием амнистии в качестве правового акта, который представляет собой в первую очередь лишь форму выражения правил, составляющих содержание амнистии. В частности, юридическая энциклопедия Р. Л. Хачатурова трактует правовой акт как государственный официальный письменный документ, содержащий в себе норму права [11. С. 345]. Р. Ф. Васильев дает более расширенное, но в общем идентичное определение правового акта как официального письменного документа, имеющего обязательную силу, принятого уполномоченным субъектом права (государственным органом, местным самоуправлением, институтами прямой демократии), выражающего властные веления, порождающего определенные правовые последствия, создающего юридическое состояние и направленного на регулирование общественных отношений [12. С. 130].

Таким образом, можно сделать вывод, что правовой акт – это некий документ, который регламентирует отдельную группу отношений. Амнистия капитала больше напоминает по своему содержанию особый правовой режим, правила о котором содержатся в соответствующем правовом акте – федеральном законе. Соответственно проводить полную аналогию между двумя упомянутыми понятиями, по мнению автора, не стоит.

В частности, амнистия капитала предусматривает, в первую очередь, легализацию средств, о которых ранее не предоставлялась информация, посредством декларирования резидентами государства, которые также не подлежали налогообложению и (или) которые были вывезены с территории своего зарождения. Также под ней можно понимать комплекс мер, основной задачей которых является реэкспорт денежных средств, ранее выведенных из-под юрисдикции страны в целях обратного вливания их в национальную экономику [13. С. 8–23].

Как видно, основными признаками амнистии, на которые указывают авторы, являются отсутствие уголовного преследования и использования денежных санкций, сформировавшихся из-за ранее совершенных правонарушений в части создания амнистируемого капитала; отсутствие опасности

нахождения и инвестирования финансовых средств на родине; следование налоговой и банковской тайне; правовые гарантии безопасности обладателей капиталов, одним из которых является анонимность персональных данных.

Представляется, что более точное понимание амнистии может быть выведено из содержания правовых норм, регулирующих отношения в части репатриации капитала. Российская Федерация имеет достаточно большой опыт проведения амнистии капиталов. Начиная с 1993 г. многократно принимались нормативные акты, которые были направлены на избавление от налогообложения ранее вывезенных денежных средств либо неуплаченных и незадекларированных обязательных платежей. К примеру, был принят Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году», который являлся основой для проведения первого этапа амнистии капитала¹. Тогда в течение 1 месяца и 3 дней физические и юридические лица, на которых распространял свое действие упомянутый Указ, могли в добровольном порядке произвести выплаты недоимки (невывплаченные налоги), которые, в свою очередь, являлись гарантией отсутствия дальнейшего преследования со стороны государства. В случае невыполнения данной обязанности по выплате правительство взяло на себя полномочия по возложению штрафных санкций на налогоплательщиков в трехкратном размере от суммы самого налога. Однако, несмотря на данные обстоятельства, амнистией воспользовались лишь около 2 000 чел., что подорвало ожидания правительства в те годы (цит. по: [14. С. 148]).

С 1997 г. Российская Федерация интенсивно корректировала законодательство, пытаясь ввести новые нормативные акты с целью противодействия отмыванию денежных средств, полученных незаконным путем. Было предложено провести очередную амнистию, целью которой являлся возврат инвестиций из-за рубежа. По мнению экспертов, изучивших и проанализировавших законопроект, по итогам данного этапа ам-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 г. № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 44. Ст. 4193; Российская газета. 1993. № 204. (утратил силу 21.07.1995).

нистии бизнесмены должны были произвести оплату налогов и сборов в размере 10–15 % от суммы репатрируемых вкладов [15. С. 18]. Но законопроект не был принят из-за разногласий между министерствами. Помимо этого, важной особенностью процесса разработки основ амнистирования стоит отметить дополнительное параллельное формирование эффективного механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Принятый Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» создал своим действием некий правовой фундамент механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов². Более того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2002 г. № 245 было утверждено «Положение о представлении информации в Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом»³. Данное положение указывало на то, что вся информация относительно операций (сделок) с денежными средствами или прочим иным имуществом, которое подлежит обязательному контролю, должна доставляться в Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу. Данное действие распространялось на следующие организации: кредитные, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые организации, лизинговые компании, организации федеральной почтовой связи, иные некредитные организации, осуществляющие перевод денежных средств, и ломбарды.

Второй этап амнистии капитала был реализован в 2007 г. Нормативным актом, регулирующим данную процедуру, стал Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ «Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами» (далее – Закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ)⁴. Он ввел легализацию денежных средств, предусмотрев в качестве основного условия ее проведения оплату декларационного платежа, который рассчитывался исходя из суммы доходов, с которых не были уплачены

налоги и страховые взносы, и ставки 13 %. Платеж осуществлялся через банк на счета территориальных органов Федерального казначейства с дальнейшей обязательной отметкой. Те лица, которые уплатили его до 1 января 2008 г., считались выполнившими все обязательства по уплате налога на доходы физических лиц и представлению соответствующей декларации и освобождались при этом от какой-либо ответственности за ранее неисполненные обязанности. Однако эта амнистия не распространялась на лиц, имеющих обвинительный приговор за уклонение от уплаты налогов в соответствии со ст. 198 УК РФ, при условии, что их судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке. Важно отметить, что под амнистию капиталов попадали не только денежные средства, но также и имущество граждан, ценные бумаги и другая собственность. Причем все эти объекты амнистирования должны были быть приобретенными на ранее незадекларированные средства. Более того, Закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ не вводил валютных ограничений и предел по величине капитала. Амнистированию подлежали доходы, которые были получены за все годы, предыдущие амнистии.

К сожалению, после принятия Закона от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ не последовало положительной динамики. По результатам амнистии (по состоянию на 31.12.2007), в доход государства дополнительно поступило всего 3,7 млрд рублей с учетом того, что в 2007 г. налогов и сборов всего было зачислено 7,8 трлн рублей, а размер скрываемого зарубежного капитала составлял около 16,3 трлн [16. С. 269]. Проанализировав Закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ, можно отметить, что значительным недостатком амнистии 2006 г. было отсутствие каких-либо разграничений легализации денежных средств в зависимости от источника происхождения. Представители сектора малого и среднего бизнеса не имели какого-либо стимула показывать источники происхождения и суммы денежных средств, с которых не были уплачены налоги. Помимо этого, амнистированию могли подвергаться только физические лица, что вызывало опасение у руководителей компаний, так как они не хотели рисковать в части раскрытия своей личной информации о получаемых доходах и дальнейшего возможного привле-

² Рос. газета. 2001. 9 авг. № 151.

³ СЗ РФ. 2002. № 25. Ст. 2457.

⁴ Рос. газета. 2006. 31 дек.

чения к ответственности самой фирмы. Все это недоверие можно охарактеризовать лишь как «российский менталитет». Кроме того, по данным ВЦИОМ, в ноябре 2007 г. 58 % граждан ничего не знали о проведении в России амнистии, 33 % ответили, что что-то слышали о ней, но подробностей проведения не знали, и только 6 % опрошенных заявили, что знают об амнистии достаточно хорошо. Наличие слабой информационной поддержки также сказалось на результатах амнистии 2007 г.⁵

В конце 2014 г. Президент России В. В. Путин провозгласил использование полной амнистии капитала, репатриированного в страну. Тогда же глава Российской Федерации поставил задачу Правительству проработать проект нормативно-правового акта, который бы предусматривал одnorазовое освобождение россиян от налоговой и уголовной ответственности при условии возврата ими в государственную юрисдикцию ранее уведенных в зарубежные юрисдикции денежных средств без уплаты соответствующих налогов, заработанных от источников на территории нашей страны.

Основным принципом данного мероприятия было наличие твердых правовых гарантий относительно отсутствия каких-либо дополнительных проверок со стороны правоохранительных, налоговых органов, проявления интереса относительно источников и способов получения капитала [17. С. 4]. Одновременно с этим возникла проблема, связанная с большой вероятностью включения России в «черный список» FATF. Даже при наличии такой угрозы 26 марта 2015 г. в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 754388-6 «О добровольном декларировании физическими лицами имущества и счетов (вкладов) в банках», определяющий правовые механизмы для добровольного декларирования физическими лицами имущества, счетов (вкладов) в банках и контролируемых иностранных компаниях. Важно отметить, что в отличие от предыдущего опыта правового регулирования амнистии данный законопроект не требовал от сектора бизнеса уплаты каких-либо налогов и сборов при добровольном декларировании своих доходов. За

период действия программы амнистии капиталов физическое лицо могло представить специальную декларацию, содержащую соответствующие сведения об имуществе и капитале; раскрыть информацию об источниках их приобретения (формирования); представить документы, подтверждающие права декларанта; сообщить данные фактического владельца и номинального владельца объектов имущества (таким владельцем признается лицо, осуществляющее права собственника в интересах и (или) по поручению иного физического лица).

В итоге 8 июня 2015 г. был принят Федеральный закон № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ)⁶. В качестве основных его положений следует назвать:

- 1) наличие правовых гарантий того, что амнистии будут подлежать все средства независимо от их происхождения;
- 2) отсутствие необходимости предоставлять какую-либо информацию, разъяснения государственным органам;
- 3) отсутствие преследования и претензий со стороны налоговых и правоохранительных органов;
- 4) однократность амнистии;
- 5) добровольный характер применения подобных льготных условия для предпринимателей;
- 6) отсутствие вопросов относительно происхождения легализуемых средств;
- 7) возможность легализовать не только зарубежное имущество, но и то, что находится в отечественной юрисдикции.

Особенностями амнистии 2015–2016 гг. стали установление гарантий правовой защиты имущественных интересов лиц, участвующих в программе добровольного декларирования, в том числе за пределами Российской Федерации, конфиденциальности полученной информации, освобождения от уголовной, административной и налоговой ответственности [18. С. 22–23].

В любом случае, по оценкам экспертов, далеко не все вывезенные капиталы подлежали репатриации в Россию. Около 30 % этих средств было вложено в недвижимость (15–30 млрд долларов), примерно 30–40 % –

⁵ Опрос граждан о проведении в России налоговой амнистии. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения 02.05.2018).

⁶ СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

в ценные бумаги и прямые инвестиции в зарубежные компании (20–40 млрд долларов). В результате остается 30–40 % (20–30 млрд долларов – на банковских счетах) от общей суммы вывезенного капитала, которые частично вернутся в страну, но опять же в форме иностранных инвестиций [19. С. 19–20].

По истечении двух лет после начала проведения амнистии капиталов 2015–2016 гг. можно было говорить о количественных показателях – результатах. К концу 2015 г. предпринимательским сектором было предоставлено лишь 200 деклараций, после чего амнистию растянули еще на полгода, в итоге Федеральная налоговая служба получила немного больше деклараций. По итогу амнистией воспользовались лишь 7 200 человек [20].

После амнистии 2015–2016 гг. произошли масштабные изменения в международном налогообложении. Российское правительство 28 апреля 2016 г. приняло решение присоединиться к международному соглашению, дающему возможность странам-участникам в автоматическом режиме обмениваться информацией о финансовых операциях физических лиц и компаний⁷. В реальности автоматический обмен информацией предусматривает получение налоговыми органами сведений относительно российских налогоплательщиков, имеющих прямое или косвенное отношение к оффшорным организациям (ст. 6 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам). Обязанность по сбору информации о контролирующем лице и дальнейшей передаче ее в местный налоговый орган лежит на RFI – Reporting Financial Institution, под которыми подразумеваются банки, брокеры, депозитари, инвестиционные компании, фонды, управляющие активами, страховые компании (регистрирующие агенты, профессиональные посредники, правоохранительные органы под автоматический обмен и обязанность выгружать известные им сведения не попадают). Данные, подлежащие обмену, включают в себя информацию от-

носительно открытых и закрытых зарубежных счетов наших резидентов, движения денежных средств по таким счетам. Все подобные действия указывают на то, что сектор бизнеса не имеет возможности каким-либо образом скрыть свои доходы от налоговых органов Российской Федерации. Стоит отметить, что Россия стала 71-й страной в списке государств, готовых с помощью обмена информацией развивать политику деоффшоризации [21. С. 314]. Согласно данной программе автоматического обмена информацией с сентября 2018 г. Россия должна получать информацию об иностранных счетах налоговых резидентов от зарубежных налоговых органов⁸. Система обмена информацией построена таким образом, что финансовые организации должны идентифицировать налоговых резидентов, а также лиц без налогового резидентства, и в дальнейшем передать ФНС перечень обусловленных законом сведений, в который входит информация относительно имени, адреса, юрисдикции налогового резидентства, даты и места рождения, баланса счета на конец года, процентов по вкладу, суммы купонного дохода по облигациям, дивидендов по акциям, доходов от продажи финансовых инструментов и некоторых другие данные. Посредством использования личного кабинета на сайте ФНС организации должны предоставить данные по налоговым резидентам всех стран мира независимо от того, присоединились эти государства к CRS или нет, а дальше ФНС сама отделяет информацию, которая подлежит обмену согласно международным соглашениям CRS.

С конца декабря 2017 г. вопреки утверждениям относительно однократности амнистии капиталов началась активная деятельность со стороны Правительства РФ, направленная на повторение применения амнистии капиталов. Но в данном случае требовались обязательные корректировки в законодательстве с учетом замечаний и предложений сектора бизнеса. Вскоре, 30 января 2018 г. очередной проект закона об амнистии был внесен в Государственную

⁷ Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 г.) ETS № 127 (в редакции Протокола от 27 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 2016. № 12. Ст. 1586; О ратификации Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам: федер. закон от 4 ноября 2014 г. № 325-ФЗ // Рос. газета. 2014. 7 нояб. № 524.

⁸ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний: федер. закон РФ от 27 нояб. 2017 г. № 340-ФЗ // Рос. газета. 2017. 1 дек. № 7439 (273).

Думу и уже 19 февраля 2018 г. был обнародован и опубликован официальный текст Федерального закона от 19.02.2018 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (далее – Закон от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ)⁹.

Согласно данному закону предлагается в полном объеме сохранить объем гарантий для декларантов, воспользовавшихся предоставленной возможностью декларирования в ходе первого этапа (с 1 июля 2015 по 30 июня 2016 г.). Но есть также ряд очень значимых изменений, корректирующих пробелы в ранее принятом Законе от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ. Одним из важных нововведений является продление срока «безналоговой ликвидации» контролируемых иностранных компаний. Ранее нормы предусматривали освобождение контролирующих лиц – российских налоговых резидентов от налога на «ликвидационные дивиденды» (превышение стоимости получаемого при ликвидации имущества над стоимостью вклада в ликвидируемую компанию) исключительно при условии прекращения деятельности контролируемой иностранной компании в срок до 31 декабря 2017 г.

Стоит отметить, что во многих юрисдикциях присутствует усложненный процесс ликвидации. Можно привести пример, когда на Кипре местные госорганы получили огромное количество заявлений от российских резидентов, желающих ликвидировать там свои фирмы. И если российские резиденты – физические лица выразили свое желание в прошлом году законным способом прекратить деятельность своей компании путем ликвидации, то они даже не успевали это сделать в срок до 31 декабря 2017 г. В связи с этим продление срока «льготной ликвидации» до 1 марта 2019 г. – это очень значимое решение. Более того, «безналоговая ликвидация» контролируемой иностранной компании затрагивает своим действием не только имущество и имущественные права, как это было в 2015 г., но также и денежные средства. Также правовая норма, регулирующая «безналоговую ликвидацию», под-

вергается принципу обратной силы. Это означает, что ею могут воспользоваться и декларанты предыдущей амнистии, если такие денежные средства были получены ими после 1 января 2016 г. Такое решение является справедливым, поскольку лица, воспользовавшиеся привилегиями амнистии ранее, не должны быть в худшем положении, чем те, кто не прибегнул к ней первый раз [22].

Помимо лояльных условий для бизнеса в части безналоговой ликвидации, под амнистию капиталов 2018–2019 гг. подпадут не только открытые, но и закрытые к моменту подачи декларации счета в зарубежных банках (при этом сами указанные в декларации зарубежные счета должны быть открыты по состоянию на 1 января 2018 г.). Это очень существенное уточнение в силу того, что с момента первой амнистии срок давности привлечения к ответственности за нарушения в сфере валютного регулирования увеличился до двух лет, а суммы штрафов значительно выросли.

Помимо прочего, одним из нововведений в Законе от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ стало регулирование подачи специальной декларации в части территориальной принадлежности. Ранее большим пробелом в законодательстве была возможность подать декларацию исключительно в налоговый орган по месту жительства или пребывания. Это вызывало ряд неудобств, так как исключительная территориальная подведомственность очень ограничивает физических лиц в деяниях. Более того, часть деклараций не была принята, или же отклонено их рассмотрение из-за некорректности заполнения. Четкие требования по заполнению декларации в части типографики, числовых указателей и прочего являлись большой преградой и соответствующей проблемой для пользования амнистией. При наличии даже таких пробелов в законодательстве уполномоченные налоговые органы отказывались консультировать заинтересованных лиц, ссылаясь на отсутствие указания данной обязанности в Законе от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ. Именно поэтому в новом документе поясняются некоторые термины, по поводу которых у декларантов были сомнения в ходе первого этапа амнистии: в частности, каким образом заполнять графу «способы и механизмы формирования имущества, указанного в декларации». Также

⁹ СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1290.

Законом от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ прописано право Минфина РФ давать разъяснения относительно порядка заполнения и предоставления декларации.

По истечении небольшого промежутка времени можно сделать ряд заключений относительно перспектив второго этапа амнистии. Стоит отметить, что повторная амнистия выступает не как очередная привилегия и льгота для бизнеса, а как некое «исправление ошибок предыдущего законодательства». Также можно сделать вывод, что в России имеется достаточно условий для декларирования зарубежных капиталов, что государство создало все благоприятные обстоятельства для репатриации капитала, отказавшись от преследования декларантов правоохранительными органами. Очень важный момент, что по окончании первого этапа амнистии все лица, задекларировавшие свои зарубежные доходы, не выплачивали какие-либо штрафы, не предоставляли отчеты в налоговые органы, что указывает на положительную тенденцию применения амнистии капиталов. Тем самым данное мероприятие призывает предпринимателей добровольно возвращать капитал в родную страну для дельнейшего развития и сотрудничества с государством [23].

Таким образом, можно выделить условно четыре этапа в развитии правового регулирования амнистии капитала в РФ.

1. Амнистия 1993 г., отличающаяся минимально коротким сроком функционирования, – один месяц. Основной идеей первого опыта амнистии было декларирование утаенных от налогообложения сумм и таким образом дальнейшее последовательное добровольное внесение их юридическими лицами в бюджет государства. При выполнении всех перечисленных условий такие налогоплательщики освобождались от предусмотренных налоговым законодательством санкций, которые в соответствии со ст. 13 Закона «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» были достаточно жесткими.

2. Амнистия, реализованная в 2007 г. в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ, которая также, как и амнистия 1993 г., оказалась провальной. Среди причин неудачи второго этапа можно выделить неудовлетворительное информирование населения относительно возможностей и условий программы, а также

расплывчатость и неясность для населения формулировок. У закона также были узкие временные рамки – всего два года: под легализацию попадали исключительно доходы, полученные до 1 января 2006 г. Таким образом, участие в амнистии не несло какой-либо смысл для тех, кто не задекларировал свои доходы в период до 1 января 2004 г.

3. Этап амнистии, приходившийся на период 2015–2016 гг. согласно Федеральному закону от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ, который был обусловлен также рядом пробелов в законодательстве. В частности, такими пробелами можно назвать исключительную территориальную привязку подачи декларации к месту нахождения заявителя, ограниченный срок безналоговой ликвидации и прочие.

4. Современный период амнистии, начался 1 марта 2018 г. и должен завершиться к 28 февраля 2019 г. Данный этап амнистии был сформирован с учетом опыта всех трех предыдущих этапов, основных пробелов в законодательстве, а также ответной реакции лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью на проведение подобных мероприятий.

Кроме того, обобщая рассмотренные выше позиции и мнения ученых в части понимания термина «амнистия капитала», с учетом содержания действующего законодательства РФ можно сформулировать следующее определение данного понятия: это установленный законом и ограниченный по времени применения порядок, предусматривающий изменение (отступление) от общих правил проведения налогового контроля над активами, которые были получены резидентами государства, но надлежащим образом не были отражены в декларациях и не облагались налогами, в том числе в связи с переводом их из юрисдикции нашей страны.

Список литературы

1. Трифонова И. В. Оффшоры в наши дни: проблема оттока капитала из России // Экономика, управление, финансы: Материалы IV Междунар. науч. конф. 2015. С. 61–64.

2. Ковалев А. И. Innovative dialectics in modern economy. Anchor Academic Publishing, 2014. 244 с.

3. Мельников И. В. Оффшоры, налоги и налоговые схемы. М.: Litres, 2017. 137 с.
4. Большаков В. В. Путин в 2018 году. М.: Алгоритм, 2017. 210 с.
5. Соловьев И. Н. Экономическая амнистия. М.: Проспект, 2014. 98 с.
6. Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Университетская книга, Логос, 2009. 272 с.
7. Соловьев И. Н. Налоговая амнистия: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2013. 160 с.
8. Россик Е. Я., Ключев Ф. Н. Толковый словарь экономических и юридических терминов и понятий. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 160 с.
9. Рымаков А. Ю. Налоговая амнистия: замысел и результаты // Финансы. 2008. № 4. С. 27–30.
10. Шарапова О. А. Налоговая амнистия: сравнительно-правовой и историко-правовой взгляды на проблему // Реформы и право. 2008. № 1. С. 14–18.
11. Хачатуров Р. Л. Энциклопедия юридическая: В 15 т. М.: Litres, 2018. Т. 6. 800 с.
12. Васильев Р. Ф. Акты управления: значение, проблема исследований, понятие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 140 с.
13. Соловьев И. Н. Механизмы амнистирования в сфере экономики и налогообложения (налоговая амнистия). М.: Проспект, 2014. 184 с.
14. Кучеров И. И. Налоги и криминал. М., 2000.
15. Галиев А., Гурова Т. Родина теряет детей и деньги. // Эксперт. 1999. № 16. С. 14–25.
16. Белянчикова Т. В. Амнистия капитала как дополнительный источник финансирования российской экономики // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / Рос. экон. университет имени Г. В. Плеханова. М., 2016. С. 267–272.
17. Полгода на прощение // РБК. 2015. № 53 (2070). С. 4–5.
18. Авдокушин Е. Ф., Васильева Н. А. Особенности проведения экономической амнистии капиталов в России в 2015–2016 гг. // Наука, образование и культура. 2016. № 5 (8). С. 18–24.
19. Крохина Ю. А. Амнистия капиталов: понятие, правовые основы и гарантии реализации // Академический юридический журнал. 2015. № 3 (61). С. 19–22.
20. Макаров А. М. Амнистией капитала воспользовались 7 200 человек // Парламентская газета. 2017. № 48 [2819].
21. Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения. М.: Человек слова, 2017. 714 с.
22. Амнистия капиталов пройдет с марта по декабрь 2018 года // Ведомости. 2018. С. 4–5.
23. В круге втором. Семь вопросов о новой налоговой амнистии // РБК. 2018. № 018 (2742) (0102).

Материал поступил в редколлегию 27.08.2018

О. А. Zyкова

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

bubenova90@mail.ru

AMNESTY OF CAPITALS: CONCEPT AND PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes the development of legal regulation concerning capital amnesty in RF in which it is possible to allocate on a provisional basis four stages connected with adoption of such acts as: Decree of the President of Russia from 27th of October, 1993 No. 1773 «About realization of tax amnesty in 1993», the Federal law from 30th of December, 2006 No. 269-FL «About the simplified procedure for income declaration by individual persons», the Federal law from 8th of June, 2015 No. 140-FL «About voluntary declaring of assets and accounts (deposit accounts) by individual persons in banks and about modification of separate legal acts of the Russian Federation» and the Federal law from 19th of February, 2018 No. 33-FL «About introduction of amendments to the

Federal law "About voluntary declaring of assets and accounts (deposit accounts) by individual persons in banks and introduction of amendments to separate legal acts of the Russian Federation"».

Proceeding from the content of legal standards and taking into account scientists' opinion was suggested the author's definition of amnesty under which it shall be understood: the order established by the law and limited on application time providing changes (departures) from the general rules for conducting tax control over assets which were received by the state residents, but were not properly reflected in declarations and were not beard with taxes, among other things because of their transfer from jurisdiction of our country.

Besides, gaps in current legislation were revealed too (absence of the possibility concerning presentation of special declarations in any territorial tax authority that is convenient for the entrepreneur; terminable «tax-free liquidation»; fall within amnesty of exclusively open existing foreign accounts; availability of ambiguity in terminology, etc.), many of which were eliminated at the fourth stage of capital amnesty realization.

Keywords: amnesty of capital, capital outflow, voluntary declaration of assets, controlled foreign companies, repatriation of capital, exemption from tax liability.

References

1. Trifonova I. V. Offshoryi v nashi dni: problema ottoka kapitala iz Rossii [Offshore in our days: the problem of capital flight from Russia]. *Economics, management, finance. Materials of the IV International Scientific Conference*, 2015, p. 61–64 (in Russ.)
2. Kovalev A. I. Innovative dialectics in modern economy. Anchor Academic Publishing, 2014, 244 p. (in Russ.)
3. Melnikov I. V. Offshoryi, nalogi i nalogovyye shemy [Offshore, taxes and tax schemes]. Moscow, Litres, 2017, 137 p. (in Russ.)
4. Bolshakov V. V. Putin v 2018 godu [Putin in 2018]. Moscow, Algorithm, 2017, 210 p. (in Russ.)
5. Solovev I. N. Ekonomicheskaya amnistiya [Economic amnesty]. Moscow, Prospekt, 2014, 98 p. (in Russ.)
6. Grishko A. Ya., Potapov A. M. Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost [Amnesty. Pardon. Criminal record]. Moscow, University Book, Logos, 2009, 272 p. (in Russ.)
7. Solovev I. N. Nalogovaya amnistiya: uchebnoe posobie [Tax amnesty: a study guide]. Moscow, Prospekt, 2013, 160 p. (in Russ.)
8. Rossik E. Ya., Klyuev F. N. Tolkovyy slovar ekonomicheskikh i yuridicheskikh terminov i ponyatiy [Explanatory dictionary of economic and legal terms and concepts]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2008, 160 p. (in Russ.)
9. Ryimakov A. Yu. Nalogovaya amnistiya: zamyisel i rezultaty [Tax amnesty: the idea and results]. *Finance*, 2008, part 4, p. 27–30 (in Russ.)
10. Sharapova O. A. Nalogovaya amnistiya: sravnitelno-pravovoy i istoriko-pravovoy vzglyady na problemu [Tax amnesty: a comparative legal and historico-legal view of the problem]. *Reforms and Law*, 2008, part 1, p. 14–18. (in Russ.)
11. Hachaturov R. L. Entsiklopediya yuridicheskaya [Encyclopaedia of Law]. In 15 vols. Moscow, Litres, 2018, vol. 6, 800 p (in Russ.)
12. Vasilev R. F. Aktyi upravleniya: znachenie, problema issledovaniy, ponyatie [Acts of management: the meaning, the problem of research, the concept]. Moscow, 1987, 140 p. (in Russ.)
13. Solovev I. N. Mehanizmy amnistirovaniya v sfere ekonomiki i nalogoblozheniya (nalogovaya amnistiya) [Mechanisms of amnesty in the sphere of economy and taxation (tax amnesty)]. Moscow, Prospekt, 2014, 184 p. (in Russ.)
14. Kucherov I. I. Taxes and crime. Moscow, 2000, 148 p. (in Russ.)
15. Galiev A., Gurova T. Rodina teryaet detey i dengi [The motherland loses children and money]. *Expert*, 1999, part 16, p. 14–25. (in Russ.)
16. Belyanchikova T. V. Amnistiya kapitala kak dopolnitelnyy istochnik finansirovaniya rossiyskoy ekonomiki [Amnesty of capital as an additional source of financing for the Russian economy]. *From recession to stabilization and economic growth. Materials of the VIII International*

Scientific and Practical Conference. Russian Economic University named after G. V. Plekhanov. Moscow, 2016, p. 267–272. (in Russ.)

17. Polgoda na proschenie [Half a year for forgiveness]. *Russian Business Channel*, 2015, part 53 (2070), p. 4–5. (in Russ.)

18. Avdokushin E. F., Vasileva N. A. Osobennosti provedeniya ekonomicheskoy amnistii kapitalov v Rossii v 2015–2016 gg [Features of the economic amnesty of capitals in Russia in 2015–2016]. *Science, education and culture*, 2016, part 5 (8), p. 18–24. (in Russ.)

19. Krohina Yu. A. Amnistiya kapitalov: ponyatie, pravovyye osnovy i garantii realizatsii [Amnesty of capitals: concept, legal bases and guarantees of realization]. *Academic Legal Journal*, 2015, part 03 (61), p. 19–22. (in Russ.)

20. Makarov A. M. Amnistiye kapitala vospolzovalis 7200 chelovek [7,200 people used amnesty capital]. *Parliamentary newspaper*, 2017, part 48 [2819]. (in Russ.)

21. Gidirim V. A. Osnovy mezhdunarodnogo korporativnogo nalogooblozheniya [Fundamentals of international corporate taxation]. Moscow, The Man of the Word, 2017, 714 p. (in Russ.)

22. Amnistiya kapitalov proydet s marta po dekabr 2018 goda [Amnesty of capitals will be held from March to December 2018]. *Vedomosti*, 2018, p. 4–5. (in Russ.)

23. V krug vtorom. Sem voprosov o novoy nalogovoy amnistii [In the second circle. Seven questions about the new tax amnesty]. *Russian Business Channel*, 2018, part 018 (2742) (0102) (in Russ.)

For citation:

Zykova O. A. Amnesty of Capitals: Concept and Peculiarities of Legal Regulation in the Russian Federation. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 51–61. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-51-61

УДК 340.1; 342.92

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-62-77

Н. Т. Леоненко

*Сибирский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия*

lnnk@yandex.ru

**ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ГОРШЕНЕВ:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Статья посвящена памяти видного ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора Виктора Михайловича Горшенева, чья профессиональная деятельность в период с 1964 по 1970 г. оставила яркий след на Новосибирском факультете Свердловского юридического института, ныне – Новосибирский юридический институт (факультет) Томского государственного университета (НЮИ(ф) ТГУ). В статье дается краткое описание жизненного и профессионального пути, научно-педагогической и организаторской деятельности ветерана Великой Отечественной войны, орденосца, внесшего значительный вклад в развитие юридического образования и науки не только Сибирского региона, но и страны в целом. Проведен ретроспективный анализ научных трудов ученого в сфере теории государства и права, административного права. Особого внимания заслуживают его исследования о формах и методах участия общественных организаций в правовом регулировании отношений в различных сферах жизни общества; об организационно-правовых формах деятельности органов государства в сфере правотворчества и правоприменения; о природе и назначении процессуальной формы в праве. Теоретической основой исследования явились научные труды В. М. Горшенева, его учеников, рецензии на его работы, монографии, посвященные истории НЮИ(ф) ТГУ и Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Методологической основой послужили исторический, логический и системный методы. На основе обобщения научных и литературных источников автор делает вывод о том, что изучение научного наследия прошлого необходимо для осмысления исторического развития отечественной правовой мысли, служит стимулированию дальнейшего научного поиска, способствует расширению и углублению научных знаний о творчестве видных отечественных ученых-правоведов, посвятивших свою жизнь научному изучению права и этим заслуживших признательность потомков.

Ключевые слова: ветеран, деонтология, контроль, концепция, научное наследие, организационно-правовая форма, правотворчество, процессуальная форма, теория, факультет, юридическая техника, юридическое образование.

В следующем году, 22 апреля 2019 г., исполнится 95 лет со дня рождения ветерана Великой Отечественной войны, доктора юридических наук, профессора Виктора Михайловича Горшенева, в период с 1964 по 1970 г. работавшего заместителем декана Новосибирского факультета Свердловского юридического института.

Виктор Михайлович Горшенев родился 22 апреля 1924 г. в г. Арске Татарской АССР, расположенном на реке Казанка – притоке Волги.

Спустя несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны, в октябре 1941 г. семнадцатилетним юношей Виктор Михайлович ушел добровольцем в действующую Красную армию. После окончания военного училища служил политработником (4-й, 1-й Украинские фронты). Воевал, был дважды ранен, горел в танке. В августе 1943 г. вступил в ряды

Леоненко Н. Т. Виктор Михайлович Горшенев: краткая история жизни и научное наследие (к 95-летию со дня рождения) // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 3. С. 62–77.

ВКП(б)¹. Войну завершил в Берлине, будучи заместителем командира батальона по политической части. После войны остался в армии, был старшим политруком политотдела дивизии в Выборге, затем с 1947 до 1949 г. служил в Германии. После тяжелой и продолжительной болезни был уволен из рядов вооруженных сил в звании капитана запаса [1. С. 200].

Участник Великой Отечественной войны В. М. Горшенев награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги».

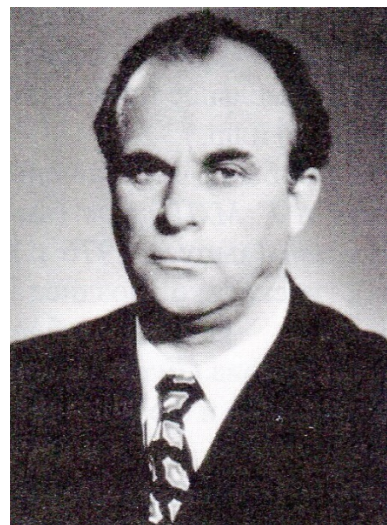
В 1949 г. поступил в Казанский юридический институт, в 1951 г. перевелся в Московский юридический институт², который окончил в 1953 г. и был оставлен там же в аспирантуре. Сферу научных интересов молодого ученого составляли проблемы правового регулирования социалистических общественных отношений.

После окончания аспирантуры в Московском государственном университете по специальности «Теория государства и права» Виктор Михайлович в 1956 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Роль советского государства и права в осуществлении хозяйственной политики КПСС» [2]. Его научным руководителем был доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права МГУ Н. Г. Александров (1908–1974), который, в свою очередь, был учеником известного юриста-правоведа И. С. Войтинского (1884–1943). Учителем последнего был Л. С. Таль (1866–1933), бывший профессор Ярославского Демидовского юридического лицея [1. С. 201]. Этот факт интересен тем, что спустя годы В. М. Горшенев свяжет свою профессиональную педагогическую и научную деятельность с этим учебным учреждением³.

В своем диссертационном исследовании автор предпринимает попытку постижения «самого механизма творческого воздействия государства и права на развитие социалистической экономики» [2. С. 2]. В первой главе диссертации освещается проблема соотношения хозяйственной политики КПСС и советской экономики, раскрывается сущность экономических законов развития общества.

Вторая глава посвящена исследованию вопроса о государстве как главном орудии осуществления хозяйственной политики КПСС. При этом особое внимание уделяется анализу организационных форм участия профсоюзов и всех видов кооперации (сельскохозяйственной, промысловой, потребительской) в нормотворческой деятельности государственных органов. Далее дается характеристика хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций государства. Автор придерживается определения функции как «социального назначения государства, определяемого главной задачей социалистического государства на данном этапе развития общества» [2. С. 6]. Проводится четкое различие между понятиями «функция государства» и его «деятельности по осуществлению функций». Далее подробно анализируются методы осуществления руководства народным хозяйством (балансирование, хозяйственный расчет, режим экономии, организация социалистического соревнования) и формы государственного руководства народным хозяйством (планирование, организаторско-исполнительная, контрольная).

В третьей главе исследуется роль права в осуществлении государственного руководства народным хозяйством. Регулирующая роль права рассматривается как с точки зрения направлений регулирующего воздействия права на общественные отношения, так и с точки

Виктор Михайлович
Горшенев

¹ На девятнадцатом съезде партии в 1952 г. Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

² В 1954 г. Московский юридический институт был объединен с юридическим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

³ Ярославский Демидовский юридический лицей в 1919 г. был преобразован в Ярославский государственный университет.

зрения методов правового регулирования. Анализируется нормотворческая деятельность всех органов государственной власти и государственного управления. На основе проведенного анализа автор формулирует ряд предложений по дальнейшему совершенствованию и более определенному урегулированию нормотворческой деятельности местных Советов, особенно в области санкционирования в качестве правовых норм тех правил, которые формулируются другими организациями. Под санкционированием автором понимается форма правотворчества, которая выражается в том, что государство делегирует отдельным общественным организациям право на относительно самостоятельное издание правовых актов по определенным вопросам. Отмечается, что проблема выяснения юридической природы нормативных актов, принимаемых органами профсоюзов и кооперации, имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. При этом подчеркивается, что нормативные акты органов общественных организаций должны обеспечиваться гарантией государственной защиты на случай их нарушения.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации В. М. Горшенев возвращается в Казань, где работает сначала на должности директора филиала Всесоюзного юридического заочного института (1956–1959), а затем – старшего преподавателя кафедры историко-правовых и государственных наук Казанского университета (1959–1961). Развивая положения, изложенные в кандидатской диссертации, публикует ряд статей, в их числе: «Роль Советского государства в осуществлении руководства народным хозяйством»; «Санкционирование как вид нормотворческой деятельности органов Советского государства»; «Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства» [3–5]. Как видно из приведенных названий научных работ, научная деятельность ученого развивалась под влиянием общественно-политической обстановки в стране, связанной с идеологизированностью всех сфер жизни общества.

Новый творческий период в жизни В. М. Горшенева начинается в 1961 г. – он избирается доцентом Томского университета и переезжает в Томск. Здесь в 1962 г. ему присваивается ученое звание «доцент».

Преподавательскую деятельность на кафедре теории и истории государства и права ученый совмещает с активной научной работой. В эти годы им была опубликована серия научных статей по актуальным вопросам теории государства и права, в их числе: «К вопросу о методах правового регулирования в период развернутого строительства коммунизма»; «О роли общественных организаций в советском правотворчестве»; «Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства»; «Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе»; «О структуре правового регулирования социалистических общественных отношений» [6–10] и др. В указанных статьях автором анализировались: правовые формы и методы деятельности государства; правовые формы участия общественных организаций в подготовке, обсуждении и принятии нормативных актов; роль общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм права и укреплении законности в области охраны общественного порядка; соотношение норм материального и процессуального права; сущность и содержание юридической ответственности; сочетание методов правового регулирования: убеждения, поощрения и принуждения.

В 1963 г. ученый публикует монографию «Участие общественных организаций в правовом регулировании» и посвящает ее памяти матери [11]. Данное издание явилось первым монографическим исследованием форм и методов участия общественных организаций в правовом регулировании отношений в различных сферах жизни общества.

В первой главе, посвященной общим теоретическим и практическим вопросам повышения роли общественных организаций в управлении общественными процессами, рассматриваются такие понятия, как «функция государственного органа», «передача государственной функции отдельным общественным организациям», а также круг государственных органов, чьи функции могут передаваться этим организациям; условия, объем и последствия передачи государственных функций в ведение общественных организаций; правовые формы деятельности органов государства. Автор предложил новую конструкцию структуры правового регулирования, выделив в ней две правовые формы: правотворческую и правоприменительную деятельность [11. С. 36].

Вторая глава посвящена вопросам участия общественных организаций в правотворческой деятельности. Автор выделяет пять основных организационных форм участия общественных организаций в правотворчестве: 1) санкционированная правотворческая деятельность руководящих органов таких организаций; 2) деятельность указанных органов по распространению действия законодательных актов на низовые звенья этой общественной организации; 3) издание нормативных актов совместно с государственными органами по вопросам, предусмотренным соответствующим законодательством; 4) выражение согласия на издание государственными органами нормативных актов по важнейшим вопросам правового регулирования и затрагивающим интересы данной общественной организации; 5) внесение предложений и проектов в законодательные органы по вопросам, подлежащим нормативному закреплению в области деятельности соответствующей общественной организации [11. С. 62]. Особое внимание уделяется анализу санкционирования правотворческой деятельности общественных организаций как важнейшего способа возведения в закон воли широких трудящихся масс. Автор предлагает конкретные юридические критерии, позволяющие отграничить санкционированные нормативные акты общественных организаций от других актов, принимаемых этими организациями [11. С. 87–88]. Анализируя практику участия общественных организаций в правотворчестве, автор формулирует ряд предложений в отношении более четкого законодательного закрепления прав общественных организаций в правотворческой деятельности государства [11. С. 104–106].

В третьей главе анализируется правоприменительная деятельность общественных организаций. В правоприменительной деятельности органов государства автор различает две стороны – правонаделительную и правоохранительную [11. С. 115]. Им был также выдвинут тезис о том, что почти вся правоприменительная деятельность органов государства регламентируется нормами процессуального права [11. С. 113]. Признается целесообразным использование отдельных процессуальных форм, характерных для деятельности государственных органов, в практике общественных организаций [11. С. 133–134].

В рецензии на данную монографию, подготовленной кандидатами юридических наук М. К. Воробьевым, Л. Б. Гальпериным, Ф. М. Рудинским и опубликованной в журнале «Правоведение», этой работе была дана «самая положительная оценка» [12. С. 134].

В 1964 г. В. М. Горшенев по семейным обстоятельствам переезжает в Новосибирск, где некоторое время работает заместителем декана, исполняет обязанности профессора Новосибирского факультета Свердловского юридического института, преподает теорию государства и права, а также возглавляет Предметно-цикловую комиссию (далее – ПЦК) – учебно-организационную структуру факультета, являющуюся прообразом будущей учебной кафедры, объединявшую преподавателей теории и государственно-правовых наук. В 1967 г. ПЦК разделилась на две комиссии: государственно-правовых наук и теории и истории. Ученый продолжил работу в качестве председателя ПЦК теории и истории⁴.

Новосибирский период в жизни и научном творчестве ученого был хотя и непродолжительным, но весьма плодотворным. Помимо административной и педагогической деятельности, В. М. Горшенев ведет активные научные исследования. Работая над докторской диссертацией, публикует ряд научных статей: «О демократизации правового регулирования в современный период»; «К вопросу о понятии юридической ответственности в советском праве»; «Организационно-правовые формы деятельности органов государства и процессуальное право»; «Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству»; «К вопросу о понятии санкционирования как способа советского правотворчества»; «Функции советского правотворчества»; «Правовое регулирование и организация управления социалистическим обществом» [13–19] и др. В соавторстве с коллегами выступает рецензентом ряда научных изданий (см., например: [20–24]).

В 60-е гг. прошлого столетия в научной литературе получило обоснование существования особой разновидности юридического процесса – административного процесса, представляющего собой регламентированную законом деятельность государственных органов по разрешению споров, возникающих при разрешении индивидуальных административных дел, а также по применению мер принуждения [25. С. 11–16]. Вскоре получил распространение

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.n-l-i.ru/departments/history/> (дата обращения: 04.03.2018).

так называемый широкий подход к определению понятия и границ юридического процесса, сущность которого состоит в том, что функция процессуального права не ограничивается регламентацией принуждения и разрешения гражданско-правовых споров. Наряду с уголовным и гражданским процессом в системе материальных отраслей права имеются и другие достаточно многочисленные процессуальные нормы и институты, на основе которых осуществляется деятельность по применению материально-правовых норм различных отраслей.

У истоков рассматриваемой концепции стояли выдающиеся ученые-правоведы: профессор юридического факультета Ленинградского университета Г. И. Петров, профессор Томского государственного университета, Заслуженный юрист РСФСР А. И. Ким, профессор Воронежского государственного университета В. С. Основин [26–29]. Их идеи предопределили дальнейшее направление научных поисков В. М. Горшенева.

Проводимые в этот период научные исследования по актуальным проблемам теории права, активное участие во многих межвузовских научно-практических конференциях, публикационная активность позволили В. М. Горшеневу подготовить и успешно защитить в 1969 г. докторскую диссертацию на тему «Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства» по специальности 710 – «Теория государства и права» [30]. Это была первая успешно защищенная докторская диссертация в истории Новосибирского факультета Свердловского юридического института. Научное исследование было выполнено на кафедре теории государства и права Свердловского юридического института (Новосибирский заочный факультет). Официальными оппонентами являлись доктор юридических наук, профессор Н. Г. Александров (Москва), заслуженный деятель науки Украинской ССР, доктор юридических наук, профессор П. Е. Недбайло (Киев), доктор юридических наук, профессор В. М. Семёнов (Свердловск).

В диссертации исследуется управленческая природа правового регулирования. Автором предпринята попытка по-новому изложить ряд проблем, относящихся к содержанию, структуре и организационным формам правового воздействия. Особое внимание в работе уделяется исследованию процессуально-процедурных норм как способа упорядочения всех правовых форм деятельности органов государства и общественных организаций, осуществляющих управленческие функции [30. С. 5–6].

Рассматривая вопрос о содержании предмета правового регулирования, ученый предпринимает попытку обосновать необходимость выделения в нем двух уровней общественных отношений – «организуемые» и «организационные», последние являются производными от первых и имеют вспомогательный, процедурный характер [30. С. 9]. Подобного рода представление о предмете правового регулирования объясняет природу и назначение норм материального и процессуального права, а также место нормативных систем в социальном управлении.

Автор формулирует концепцию, согласно которой механизм правового регулирования конструктивно складывается из определенных способов воздействия (как активной стороны правового регулирования) и способов реализации (как результативной стороны). В качестве промежуточных звеньев между этими полярными факторами выступают различные юридические формы воздействия и реализации, представляющие собой последовательные стадии перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений. По мнению автора, данная концепция позволяет определить различные аспекты правового воздействия, найти место каждой из форм осуществления права в системе взаимосвязей права с общественными отношениями, а также дать ответ на вопрос о том, как же достигаются результаты в сложном процессе правового воздействия. Одновременно данная концепция может служить исходным основанием для правильного решения таких проблем, как понятие правоотношения, соотношения правосубъектности и субъективных прав, понятие юридической ответственности и др. [30. С. 11].

В диссертации под организационно-правовой формой деятельности органов государства понимается «специфическое осуществление юридических полномочий (компетенций) органов государства, заключающееся в совершении различных правовых действий и направленных на принятие соответствующих правовых актов». Предлагается их классификация в зависимости от отношения к действующей системе права на правотворческую деятельность, посредством которой вносятся изменения в действующее законодательство и создаются но-

вые нормы права; и правоприменительную деятельность, имеющую своей целью осуществление правовых норм, в результате чего возникают, изменяются или прекращаются конкретные правоотношения [30. С. 15].

Далее раскрывается содержание, функции и процедурно-процессуальная сторона основных организационных форм. Функциями правотворчества являются: а) обновление нормативно-правового материала; б) восполнение пробелов в нормативно-правовом материале; в) упорядочение самого действующего нормативно-правового материала. Функции обновления и восполнения реализуются в форме текущего правотворчества, функция упорядочения – в форме правотворческой деятельности по систематизации действующего нормативно-правового материала. С точки зрения автора, структура правотворчества обнаруживает себя в соответствующих стадиях и правотворческих производствах. Правоприменительная деятельность выполняет правонаделительную и правоохранительную функции. В качестве особых структурных подразделений правоприменения ученый выделяет процессуальные формы, стадии правоприменительного процесса и виды правоприменительных производств [30. С. 16–23].

В работе подробно исследуются функции и природа норм процессуального права, их содержание и особенности, место и роль в структуре права. Автор предлагает отказаться от противопоставления судебной деятельности, протекающей в процессуальной форме, и деятельности других органов государства, не связанных процессуальной формой. По его мнению, понятие процедурно-процессуальных форм и процессуальных норм, их регламентирующих, следует значительно расширить. Для процессуального права характерна не только охранительная функция, но и другие. Анализируя процессуальное законодательство и практику его применения, диссертант приходит к выводу о том, что процессуальное право имеет производный характер от материального права и носит по отношению к нему подчиненный, вспомогательный характер. Эта производность прослеживается не прямо, а через промежуточное звено – правоприменительную деятельность уполномоченных на то субъектов, которая непосредственно и обуславливает необходимость норм процессуального права, призванных регулировать специфические организационно-процессуальные отношения, складывающиеся в процессе осуществления этой деятельности. Предметом регулирования процессуальных норм являются отношения, складывающиеся в процессе организационно-правовых форм деятельности по применению материального права. По общему правилу, процессуальные нормы рассчитаны на один способ реализации – исполнение, и не требуют по отношению к себе правоприменительного процесса [30. С. 23–28].

При решении проблемы о месте процессуальных норм в системе права В. М. Горшенев приходит к выводу, что «каждая отрасль материального права, особенно при наличии в ней норм, которые не могут реализовываться без правоприменительного процесса, имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью группировки – от самостоятельной отрасли до частных обособленных групп. Но все они имеют определенную самостоятельность по отношению к отраслям материального права и не входят в их содержание в качестве составных частей» [30. С. 29]. Далее автором предпринимается попытка определить особенности советского строительства⁵ в процессуальном аспекте.

В диссертации особое внимание уделяется проблеме соотношения организационно-правовых форм деятельности и правил юридической техники. Ученый выделяет юридическую технику в качестве «обособленного элемента организационно-правовых форм деятельности» [30. С. 33]. Анализируются некоторые разновидности юридической техники – правотворческая и правоприменительная – и на этой основе формулируется ряд предложений по совершенствованию и правовому закреплению отдельных ее приемов. Далее делается вывод о том, что всесторонняя нормативно-процессуальная урегулированность правотворческой и правоприменительной форм деятельности органов государства и иных уполномоченных субъектов является способом привития должностным лицам государства и

⁵ Под советским строительством понимается отрасль советского государственного управления, изучающая формы и методы организационной деятельности Советов депутатов трудящихся (народных депутатов) и их исполнительно-распорядительных органов, а также способы привлечения ими общественности к управлению социальными и экономическими процессами.

общественных организаций навыков высококвалифицированной и эффективной организаторской работы [30. С. 33–34].

Заключительная глава диссертации посвящена проблеме демократизации организационно-правовых форм правового регулирования, при этом основное внимание уделяется исследованию общих принципов и форм участия общественных организаций и коллективов трудящихся в правотворчестве и правоприменении [30. С. 34–38].

В целях ознакомления широкой юридической общественности с результатами своих научных исследований В. М. Горшенев публикует ряд работ, в их числе статьи: «Правоприменительная деятельность» (в соавторстве); «О системе процессуального права в советском государстве» (в соавторстве); «Своеобразие природы советского строительства как отрасли государственоведения» (в соавторстве); «Организационные отношения в предмете правового регулирования»; учебное пособие «Правотворческая деятельность общественных организаций в СССР» [31–35].

В издательстве «Юридическая литература» в 1972 г. выходит его монография «Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе» [36]. Этот научный труд был с интересом встречен научной общественностью [37]. В последующем и другие ученые-государствоведы, и прежде всего В. О. Лучин, выступили с обоснованием своеобразного правоприменительного процесса и процессуальных норм, регулирующих его, полагая, что такая отрасль, как государственное право, требует специфических процессуальных форм реализации его норм [38].

В августе 1970 г. В. М. Горшенев избирается исполняющим обязанности профессора Ярославского государственного университета и переезжает на постоянное место жительства в Ярославль. С 1971 г. возглавляет первую правовую (и на тот момент единственную) на правовом отделении кафедру теории и истории государства и права факультета истории и права Ярославского государственного университета. Ведет курсы теории государства и права, советского государственного права, курс компаративистики (сравнительного правоведения) и два спецкурса. В 1972 г. получает звание профессора, в сентябре 1975 г. избирается деканом факультета истории и права. В должности заведующего кафедрой и декана факультета он остается до конца 1977 г. [1. С. 201].

Ярославский период был весьма плодотворным в творчестве ученого. В 1972 г. профессор В. М. Горшенев предпринимает попытку объединить усилия ученых в исследовании комплекса проблем о природе и назначении процессуальной формы в праве. Под его редакцией издается тематический сборник «Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике», содержащий ряд статей представителей различных отраслей юридической науки, посвятивших свои исследования возможности расширительного толкования категории «процессуальная форма», проблемам гражданского и уголовного процесса. Сборник открывается статьей В. М. Горшенева «Природа и назначение процессуальной формы в советском праве» [39]. Являясь одним из основоположников нового направления в теории юридического процесса, автор отстаивает широкое понимание процессуальной формы, необходимость ее распространения на деятельность не только судебных органов, но и всех иных государственных органов и общественных организаций в целях упрочения режима законности и усиления юридических гарантий обеспечения прав и свобод личности. Под процессуальной формой автор понимает «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение какого-то определенного материально-правового результата» [39. С. 5]. Согласно концепции ученого, распространение свойств процедурно-процессуальной формы на деятельность всех органов государства будет способствовать дальнейшему повышению эффективности управления, повышению ответственности должностных лиц, ее конкретизации, максимально ограничит возможность злоупотреблений со стороны отдельных должностных лиц.

Последующие работы ученого также посвящены всестороннему исследованию природы, социальной значимости и назначению процессуального права в обществе (см., например: [40; 41]). В. М. Горшенев являлся составителем и редактором ряда сборников, посвященных актуальным вопросам теории права (см., например: [42; 43]).

Богатая на географию биография В. М. Горшенева в 1977 г. пополнилась еще одним городом, он переходит на работу в Харьковский юридический институт и переезжает на постоянное место жительства в Харьков.

В издательстве «Юридическая литература» в 1976 г. под общей редакцией члена-корреспондента Академии наук Украинской ССР П. Е. Недбайло и доктора юридических наук В. М. Горшенева вышла коллективная монография «Юридическая процессуальная форма: теория и практика», целью которой было объединение усилий ученых различных отраслей юридической науки в исследовании процессуальной формы [44]. Авторами отдельных глав монографии стали такие видные ученые-юристы, как Н. В. Витрук, Т. Н. Добровольская, И. А. Иконичкая, В. О. Лучин, В. С. Основин, А. С. Пиголкин, В. Д. Сорокин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот, П. С. Элькинд. Авторский коллектив посвятил свой труд памяти доктора юридических наук, профессора кафедры трудового права МГУ Н. Г. Александрова. В 2018 г. научная юридическая общественность отмечает 110-летие со дня рождения выдающегося отечественного правоведа.

Введение и первая глава «Процессуальные формы и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе» были написаны В. М. Горшеневым и П. Е. Недбайло. Ими была подвергнута критике наблюдаемая в юридической литературе недооценка роли процессуальных норм, своего рода «процессуальный нигилизм», а также недостаточное внимание к процессуальной форме правотворческой деятельности. Авторы выразили уверенность в том, что развитие общего учения о процессуальной форме будет способствовать выработке схемы научного построения системы процессуального права, которая, в свою очередь, облегчит решение проблем совершенствования действующего процессуального законодательства и ускорит формирование новых процессуальных отраслей, а также поможет определить оптимальное место процессуального права в системе права и особенно степень его значения как нормативного способа упрочения режима законности [44. С. 4–6].

В монографии по-новому был поставлен ряд вопросов теории и практики правотворческой и правоприменительной деятельности, дана обобщенная характеристика элементов процессуальной формы в сфере реализации норм отдельных отраслей права, раскрыто значение и обоснована необходимость процессуальной регламентации как правотворчества, так и сферы реализации и охраны прав и обязанностей граждан.

По воспоминаниям коллег, В. М. Горшенев был блестящим, ярким лектором, в совершенстве владевшим методикой преподавания и обучения в вузе, оригинальным ученым, руководил студенческими научными исследованиями. Студентам импонировал его тонкий анализ сложных вопросов, лекторский артистизм. Запомнился его тщательный анализ сложных и дискуссионных правовых понятий и концепций, который наряду с умением четко расставлять акценты на главных вопросах во многом способствовал глубокому и прочному усвоению материала [1. С. 204, 716].

Учение о процессуальной форме находит свое развитие в работах учеников профессора В. М. Горшенева. Так, в 1976 г. Ярославским государственным университетом было издано учебное пособие для студентов-юристов «Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе» под редакцией доктора юридических наук, профессора В. М. Горшенева, подготовленное его учеником Ю. И. Мельниковым [45]. Появление данного учебного пособия было продиктовано желанием раскрыть фактическую роль и социальную значимость процессуального права в структуре права, путем комплексного анализа восполнить пробел в учебной литературе по этим проблемам [45. С. 4]. В первой главе исследуется вопрос о диалектическом характере взаимосвязи, взаимообусловленности материального права, процессуального права и процесса, и как она проявляется в реальной правовой действительности. Рассматривается структура предмета правового регулирования, а также значение выделяемых в нем двух уровней отношений – «организуемых» и организационных – для определения природы материального и процессуального права. Исследуется место процессуального права в механизме правового регулирования и его функции (назначение), выделяются факторы, определяющие необходимость расширительного толкования процессуальной формы и норм, ее регламентирующих, в правоприменительной и правотворческой деятельности органов государства. Формулируются принципы построения системы процессуального права [45. С. 5–69]. Во второй главе рассматриваются понятие, содержание,

структура и особенности норм процессуального права, а также способы их реализации [45. С. 70–115].

Совместно со своими учениками И. В. Бедеником, В. Г. Крупиним, Ю. И. Мельниковым, И. Б. Шаховым, а также рядом других коллег в 1985 г. ученый издает монографию «Теория юридического процесса» [46], в которой излагаются результаты научного поиска обобщенной характеристики правовых форм деятельности органов государства: правотворчества, правоприменения, учредительной и контрольной деятельности. Основное внимание в работе уделяется раскрытию содержания теории юридического процесса как комплексной системы: генетическим и логическим истокам этой теории; конституционным принципам соотношения традиционных и нетрадиционных юридических процессов; природе, содержанию и структуре процессуальных производств, стадий и режимов; системе процессуального права; содержанию, структуре и особенностям норм процессуального права. Авторами последовательно обосновывается концепция широкого понимания юридического процесса, доказываемая возможность перенесения методологии традиционного юридического процесса на все правовые формы деятельности государства. Композиционно монография состоит из двух частей – теории юридического процесса как системы знаний о правовых формах деятельности органов государства и теории процессуального права как регулятора отраслей государственной деятельности.

В 1987 г. в издательстве «Юридическая литература» выходит монография «Контроль как правовая форма деятельности», подготовленная В. М. Горшеневым совместно со своим учеником И. Б. Шаховым [47]. В ней исследуется природа контрольной деятельности как разновидности правовой формы деятельности органов государства и их должностных лиц как структурного звена юридического процесса, раскрывается содержание ее основных компонентов. В монографии по-новому решается целый ряд вопросов, связанных: а) с раскрытием основных проявлений контроля как функции различных институтов системы управления общественными процессами; б) индивидуализацией контроля как особой организационно-правовой формы деятельности, отграничением его от иных элементов структурной характеристики деятельности органов государства: принципов и методов; в) выяснением правовой природы контрольной деятельности; г) определением места контрольной деятельности в субординационной структуре юридического процесса, ее соотношением с иными формами: правотворчеством и правоприменением; д) установлением природы, содержания, структуры и основных разновидностей контрольно-процессуального режима, производств, стадий [47. С. 5–6].

Под руководством профессора В. М. Горшенева подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации ряд его учеников, среди них Ю. И. Мельников («Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе», Москва, 1976), В. Г. Крупин («Общетеоретические проблемы процедуры формирования органов социалистического государства», Харьков, 1981), Г. М. Петров («Юридическая природа студенческих строительных отрядов и их функция в современных условиях», Харьков, 1981), В. И. Лайтман («Процедурно-процессуальная форма в деятельности общественных организаций СССР», Харьков, 1982), И. Б. Шахов («Контроль как разновидность правовой формы деятельности органов советского государства», Харьков, 1983), Е. В. Новиков («Правоприменительные акты в структуре юридического процесса», Харьков, 1984), Ю. Д. Рудкин («Правотворческие производства (природа, структура, разновидности)», Харьков, 1984), И. В. Бенедик («Стадии в юридическом процессе: общетеоретическое исследование», Харьков, 1986).

Определенным итогом многолетней научной работы и преподавания теории государства и права в вузе явилась статья профессора В. М. Горшенева «О логическом строе понятийного аппарата учебного курса теории государства и права» [48]. В ней автор констатирует, что логический строй категориального арсенала правоведения вообще и учебного курса теории государства и права в особенности далеко не совершенен. В целях усовершенствования логического строя категориального аппарата и содержания учебной программы курса теории государства и права ученый предложил следующую модель структуры логического строя теории права: статика права, динамика права, обеспечение права, результаты права [48. С. 78].

Профессор В. М. Горшенев был автором ряда оригинальных учебно-методических работ, среди которых особое место занимает написанная в соавторстве с В. И. Бенедиком «Юридическая деонтология» [49]. В пособии получила освещение характеристика юриста, взятая в аспекте его психических, идейно-политических, профессиональных, нравственных и эстетических качеств. По мнению авторов, юридическая деонтология представляет собой «отрасль юридической науки, обобщающей (интегрирующей) систему знаний о мудрости общения и искусстве принятия правильного решения в юридической практике, т. е. наука о поиске атмосферы достижения необходимого, истинного результата в общении юриста как с коллегами, так и с теми, кому он представляет свои профессиональные услуги и кого должен обслуживать правовыми средствами в процессе реализации ими своего правового статуса» [49. С. 8]. В работе предпринята попытка разработать общую модель облика юриста, наметить основные комплексы (группы) деонтологических требований, предъявляемых к профессиональным качествам правоведа.

Профессор В. М. Горшенев был инициатором преподавания в Харьковском юридическом институте учебного курса «Юридическая деонтология» в качестве пропедевтической, вводной учебной дисциплины для студентов первокурсников всех форм обучения вместо традиционного курса «Введение в юридическую специальность». Программа курса была разослана во многие юридические вузы (факультеты) страны. В 1989 г. она была утверждена Президиумом Всесоюзного совета по юридическому образованию при Госкомитете по народному образованию СССР и рекомендована для включения в типовой учебный план по специальности «Правоведение».

В 1990 г. под редакцией доктора юридических наук, профессора В. М. Горшенева издается коллективная монография «Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства» [50]. В ней рассматриваются вопросы методологии и теории формирования правового государства в ракурсе обнаружения и познания государственно-правовых закономерностей, установления оптимальных форм и обоснования перспектив обновления механизмов их реализации. Особое внимание уделяется исследованию новых правовых форм, перестройке правового регулирования экономических отношений, совершенствованию правовой основы юридической практики и профессиональной деятельности юриста, укреплению процессуальных средств обеспечения законности в ходе построения правового государства.

Жизненный путь ветерана Великой Отечественной войны, доктора юридических наук, профессора В. М. Горшенева завершился в Харькове в 1993 г.

Всего научное наследие ученого включает около 200 публикаций. В настоящее время наиболее цитируемыми являются монографии «Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе» (Москва, 1972), «Теория юридического процесса» (Харьков, 1985), «Контроль как правовая форма деятельности» (Москва, 1987), также продолжают представлять научный интерес и ряд научных работ, посвященных вопросам участия общественных организаций в правотворчестве и правовом регулировании, в частности: «О роли общественных организаций в советском правотворчестве» (Москва, 1962); «Участие общественных организаций в правовом регулировании» (Москва, 1963) и др. Таким образом, научное наследие ученого до сих пор не утратило своей актуальности и привлекает внимание все новых исследователей.

Список литературы

1. *Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее* / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2009. 833 с.
2. *Горшенев В. М.* Роль Советского государства и права в осуществлении хозяйственной политики КПСС: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956. 13 с.
3. *Горшенев В. М.* Роль Советского государства в осуществлении руководства народным хозяйством // Учен. зап. Казан. Ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1957. Т. 117, Кн. 7. С. 3–30.

4. Горшенев В. М. Санкционирование как вид нормотворческой деятельности органов Советского государства // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1959. № 1. С. 11–18.
5. Горшенев В. М. Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства // Межвуз. науч. конф. «Роль общественности в выполнении государственных функций в условиях развернутого строительства коммунистического общества. Тезисы докл. и науч. сообщений 24–26 мая». М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 23–25.
6. Горшенев В. М. К вопросу о методах правового регулирования в период развернутого строительства коммунизма // Вопр. экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС (Докл.) / Отв. ред. А. И. Ким. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. С. 55–60.
7. Горшенев В. М. О роли общественных организаций в советском правотворчестве // Советское государство и право. 1962. № 8. С. 115–120.
8. Горшенев В. М. Формы участия общественных организаций в правотворчестве Советского государства // Демократия и коммунизм. Вопр. коммунистической теории и демократии. Сб. ст. / Под ред. Д. А. Керимова. М.: Госюриздат, 1962. С. 181–203.
9. Горшенев В. М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1963. № 1. С. 3–13.
10. Горшенев В. М. О структуре правового регулирования социалистических общественных отношений // Докл. по вопр. конкретной экономики и совет. права (Май, 1963 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1963. С. 30–33.
11. Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М.: Госюриздат, 1963. 167 с.
12. Воробьев М. К., Гальперин Л. Б., Рудинский Ф. М. Рец.: В. М. Горшенев. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М.: Госюриздат, 1963, 167 с. // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1966. № 3. С. 133–134.
13. Горшенев В. М. О демократизации правового регулирования в современный период // Право и коммунизм. Сб. ст. / Под ред. д-ра юрид. наук Д. А. Керимова. М.: Юрид. лит., 1965. С. 87–117.
14. Горшенев В. М. К вопросу о понятии юридической ответственности в советском праве // Вопр. теории совет. права: Сб. докл. к конф. по итогам науч.-исслед. работы. Новосибирск, 1966. С. 38–46.
15. Горшенев В. М. Организационно-правовые формы деятельности органов государства и процессуальное право // Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы за 1965 г. Свердловск, 1966. С. 200–204.
16. Горшенев В. М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству // Проблемы правоведения: Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы Новосиб. фак. Новосибирск, 1967. С. 16–38.
17. Горшенев В. М. К вопросу о понятии санкционирования как способа советского правотворчества // Тр. по правоведению: Материалы к конф. Новосиб. фак. по итогам науч.-исслед. работы 1967 г. Новосибирск, 1968. С. 3–19.
18. Горшенев В. М. Функции советского правотворчества // Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы за 1967 г. Свердловск, 1968. С. 29–31.
19. Горшенев В. М. Правовое регулирование и организация управления социалистическим обществом // Материалы юбилейной теоретической конф., посвященной 50-летию Советской власти. Свердловск, 1968. С. 25–32.
20. Горшенев В. М., Попова В. И. Рец.: А. И. Ким. Социалистическая законность в организационной деятельности местных Советов депутатов трудящихся. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1961, 92 с. // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1963. № 4. С. 132–133.
21. Горшенев В. М., Тагунов Е. Н., Кузнецов И. Н. Рец.: А. И. Ким. Советское избирательное право. М.: Юрид. лит., 1965, 210 с. // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1966. № 2. С. 146–147.
22. Гальперин Л. Б., Горшенев В. М., Рудинский Ф. М. Рец.: Н. Г. Салищева. Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964, 108 с. // Сов. государство и право. 1965. № 3. С. 157–158.

23. Горшенев В. М., Гальперин Л. Б. Рец.: Монография о механизме правового регулирования (о книге С. С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве». М.: Юрид. лит., 1966. 188 с.) // Тр. по правоведению (Материалы к конф. Новосибир. фак. по итогам науч.-исслед. работы 1967 г. Новосибирск, 1968. С. 176–180.
24. Горшенев В. М., Дюрягин И. Я. Рец.: Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1966. 190 с. // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1968. № 2. С. 145–146.
25. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
26. Петров Г. И. Сущность советского административного права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 105–106.
27. Ким А. И. Социалистическая законность в организационной деятельности местных Советов депутатов трудящихся. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1961. С. 22.
28. Основин В. С. Государственно-правовые отношения. М.: Юрид. лит., 1965. С. 108.
29. Ким А. И., Основин В. С. Государственно-правовые процессуальные нормы и их особенности // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1967. № 4. С. 40–47.
30. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 710. Свердловск, 1969. 40 с.
31. Горшенев В. М., Дюрягин И. Я. Правоприменительная деятельность // Сов. государство и право. 1969. № 5. С. 21–28
32. Горшенев В. М., Дружков П. С. О системе процессуального права в советском государстве // Вопр. правоведения: Материалы юбилейной науч. конф. Новосиб. фак. по итогам науч.-исслед. работы. Новосибирск, 1970. Вып. 5. С. 12–24.
33. Ким А. И., Горшенев В. М. Своеобразие природы советского строительства как отрасли государственного права // Сб. работ юрид. факультетов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 13–18.
34. Горшенев В. М. Организационные отношения в предмете правового регулирования // Вестн. Яросл. ун-та. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1972. Вып. 1. История, экономика, философия, правоведение, филология. С. 163–169.
35. Горшенев В. М. Правотворческая деятельность общественных организаций в СССР: Учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1972. 34 с.
36. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе: Моногр. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
37. Лазарев В. В. Рец.: В. М. Горшенев. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с. // Сов. государство и право. 1973. № 11. С. 143–145.
38. Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М.: Юрид. лит., 1976. 167 с.
39. Горшенев В. М. Природа и назначение процессуальной формы в советском праве // Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике: Сб. ст. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1972. Вып. 4. С. 3–23.
40. Горшенев В. М. Процессуальная форма и ее значение в советском праве // Сов. государство и право. 1973. № 12. С. 28–35.
41. Горшенев В. М. О природе процессуального права // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1974. № 2. С. 45–52.
42. Закон о статусе депутата на практике: Материалы науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В. М. Горшенева, Б. Е. Козлова. Ярославль: Верх-Волж. кн. изд-во, 1976. 134 с.
43. Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: Межвуз. тематический сб. / Под ред. В. М. Горшенева. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1979. Вып. 1. 129 с.
44. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. 279 с.
45. Мельников Ю. И. Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе: Учеб. пособие / Под ред. В. М. Горшенева; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: Изд-во Яросл. политехн. ин-та, 1976. 116 с.

46. *Теория юридического процесса* / Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков: Вищ. шк., 1985. 192 с.
47. *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М.: Юрид. лит., 1987. 176 с.
48. *Горшенев В. М.* О логическом строе понятийного аппарата учебного курса теории государства и права // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1984. № 1. С. 76–81.
49. *Горшенев В. М., Бенедик И. В.* Юридическая деонтология: Учеб. пособие. Киев: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. 80 с.
50. *Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства* / Г. А. Борисов, В. Л. Мусияка, И. В. Бенедик, В. М. Горшенев; под ред. В. М. Горшенева. Харьков: Основа, 1990. 175 с.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2018

N. T. Leonenko

*Siberian Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

lnnk@yandex.ru

**VICTOR MIKHAILOVICH GORSHENEV:
A BRIEF HISTORY OF THE LIFE AND SCIENTIFIC LEGACY
(TO THE 95TH ANNIVERSARY FROM BIRTHDAY)**

The article is devoted to the memory of the prominent scientist-jurist, doctor of law, Professor Victor Mikhailovich Gorshenev, whose professional activity in the period from 1964 to 1970 left a bright trace at the Novosibirsk faculty of Sverdlovsk law Institute, now – Novosibirsk law Institute (faculty) of Tomsk state University (NUI(f) TSU). The article gives a brief description of the life and professional path, scientific, pedagogical and organizational activities of the veteran of the great Patriotic war, the order-bearer, who made a significant contribution to the development of legal education and science not only in the Siberian region, but also in the country as a whole. The retrospective analysis of scientific works of the scientist in the field of theory of state and law, administrative law. Special attention should be paid to his research on the forms and methods of participation of public organizations in the legal regulation of relations in various spheres of society; on the organizational and legal forms of activity of state bodies in the field of lawmaking and law enforcement; on the nature and purpose of the procedural form in law. The theoretical basis of the research was the scientific works of V. M. Gorshenev, his students, reviews of his works, monographs on the history of NUI(f) of the TSU and Yaroslavl state University. P. G. Demidov. The methodological basis was the historical, logical and system methods. On the basis of generalization of scientific and literary sources, the author concludes that the study of the scientific heritage of the past is necessary for understanding the historical development of Russian legal thought, is to stimulate further scientific research, promotes the expansion and deepening of scientific knowledge about the work of the prominent Russian legal scholars, who devoted his life to scientific study of the law and this has earned the gratitude of posterity.

Keywords: veteran, deontology, control, concept, scientific heritage, organizational and legal form, lawmaking, procedural form, theory, faculty, legal technique, legal education.

References

1. Egorov S. A., Lushnikov A. M., Tarusina N. N. (ed.). *Yaroslavskaya yuridicheskaya shkola: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Yaroslavl law school: past, present, future]. Yaroslavl, YarSU Publ., 2009, 833 p. (in Russ.)

2. Gorshenev V. M. Rol' Sovetskogo gosudarstva i pravo v osushchestlenii khozyaistvennoi politiki KPSS [The role of the Soviet state and law in the implementation of economic policy of the CPSU]. Abstract. dis. ... kand. juris. sciences. Moscow, 1956, 13 p. (in Russ.)
3. Gorshenev V. M. Rol' Sovetskogo gosudarstva v osushchestlenii rukovodstva narodnym khozyaistvom [The role of the Soviet state in the management of the national economy]. *Uchenye zap. Kazan. Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gos. un-ta im. V. I. Ul'yanova-Lenina. T. 117. Kn. 7. Sb. yurid. fakul'teta. Kazan'*, 1957, p. 3–30. (in Russ.)
4. Gorshenev V. M. Sanktsionirovanie kak vid normotvorcheskoi deyatel'nosti organov Sovetskogo gosudarstva [Authorization as a type of standard-setting activity of bodies of the Soviet state]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1959, no 1, p. 11–18. (in Russ.)
5. Gorshenev V. M. Formy uchastiya obshchestvennykh organizatsii v pravotvorchestve Sovetskogo gosudarstva [Forms of participation of public organizations in the law-making of the Soviet state]. *Mezhvuz. nauch. konf. «Rol' obshchestvennosti v vypolnenii gosudarstvennykh funktsii v usloviyakh razvernutoy stroitel'stva kommunisticheskogo obshchestva. Tezisy dokl. i nauch. soobshchenii 24-26 maya»*. Moscow, MSU Publ., 1960, p. 23–25. (in Russ.)
6. Gorshenev V. M. K voprosu o metodakh pravovogo regulirovaniya v period razvernutoy stroitel'stva kommunizma [On the question of methods of legal regulation in the period of expanded construction of communism]. *Vopr. ekonomiki, gosudarstva i prava v resheniyakh XXII s'ezda KPSS (Dokl.)*. Ed. by A. I. Kim. Tomsk, TSU Publ., 1962, p. 55–60. (in Russ.)
7. Gorshenev V. M. O roli obshchestvennykh organizatsii v sovetskom pravotvorchestve [O roli obshchestvennykh organizatsii v sovetskom pravotvorchestve]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1962, no 8, p. 115–120. (in Russ.)
8. Gorshenev V. M. Formy uchastiya obshchestvennykh organizatsii v pravotvorchestve Sovetskogo gosudarstva [Forms of participation of public organizations in the law-making of the Soviet state]. *Demokratiya i kommunizm. Vopr. kommunisticheskoi teorii i demokratii*. Ed. by D. A. Kerimova. Moscow, Gosyurizdat, 1962, p. 181–203. (in Russ.)
9. Gorshenev V. M. Vozrostanie roli obshchestvennykh organizatsii i kollektivov trudyashchikhsya v primenenii norm sovetskogo prava na sovremennom etape [The increasing role of public organizations and groups of workers in the application of Soviet law at the present stage]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1963, no 1, p. 3–13. (in Russ.)
10. Gorshenev V. M. O strukture pravovogo regulirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnoshenii [On the structure of legal regulation of socialist social relations] *Dokl. po vopr. konkretnoi ekonomiki i sovet. prava (May 1963)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1963, p. 30–33. (in Russ.)
11. Gorshenev V. M. Uchastie obshchestvennykh organizatsii v pravovom regulirovanii [The participation of public organizations in legal regulation]. Moscow, Gosyurizdat, 1963, 167 p. (in Russ.)
12. Vorobiev M. K., Galperin L. B., Rudinskii F. M. Rets.: V. M. Gorshenev. Uchastie obshchestvennykh organizatsii v pravovom regulirovanii. Moscow, Gosyurizdat, 1963, 167 p. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1966, no 3, p. 133–134. (in Russ.)
13. Gorshenev V. M. O demokratizatsii pravovogo regulirovaniya v sovremennyi period [On democratization of legal regulation in the modern period]. *Pravo i kommunizm*. Ed. by D. A. Kerimova. Moscow, Yurid. lit., 1965, p. 87–117. (in Russ.)
14. Gorshenev V. M. K voprosu o ponyatii yuridicheskoi otvetstvennosti v sovetskom prave [On the question of the concept of legal liability in Soviet law]. *Vopr. teorii sovet. prava (Sb. dokl. k konf. po itogam nauch.-issled. raboty)*. Novosibirsk, 1966, p. 38–46. (in Russ.)
15. Gorshenev V. M. Organizatsionno-pravovye formy deyatel'nosti organov gosudarstva i protsessual'noe pravo [Organizational and legal forms of activity of state bodies and procedural law]. *Materialy konf. po itogam nauch.-issled. raboty za 1965*. Sverdlovsk, 1966, p. 200–204. (in Russ.)
16. Gorshenev V. M. Funktsii i sodержание norm protsessual'nogo prava po sovetskomu zakonodatel'stvu [Functions and content of procedural law under Soviet law]. *Problemy pravovedeniya (Materialy konf. po itogam nauch.-issled. raboty Novosib. fak.)*. Novosibirsk, 1967, p. 16–38. (in Russ.)
17. Gorshenev V. M. K voprosu o ponyatii sanktsionirovaniya kak sposoba sovetskogo pravotvorchestva [On the question of the concept of authorization as a method of Soviet lawmaking]. *Tr.*

po pravovedeniyu (Materialy k konf. Novosib. fak. po itogam nauch.-issled. raboty 1967). Novosibirsk, 1968, p. 3–19. (in Russ.)

18. Gorshenev V. M. Funktsii sovetskogo pravotvorchestva [Functions of Soviet lawmaking]. *Materialy konf. po itogam nauch.-issled. raboty za 1967*. Sverdlovsk, 1968, p. 29–31. (in Russ.)

19. Gorshenev V. M. Pravovoe regulirovanie i organizatsiya upravleniya sotsialisticheskim obshchestvom [Legal regulation and organization of management of the socialist society]. *Materialy yubileinoi teoreticheskoi konf., posvyashchennoi 50-letiyu Sovetskoi vlasti*. Sverdlovsk, 1968, p. 25–32. (in Russ.)

20. Gorshenev V. M., Popova V. I. Rets.: A. I. Kim. Sotsialisticheskaya zakonnost' v organizatsionnoi deyatel'nosti mestnykh Sovetov deputatov trudyashchikhsya. Izd. Tom. un-ta, 1961, 92 p. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*. 1963, no 4, p. 132–133. (in Russ.)

21. Gorshenev V. M., Tagunov E. N., Kuznetsov I. N. Rets.: A. I. Kim. Sovetskoe izbiratel'noe pravo. Moscow: Yurid. lit., 1965, 210 p. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1966, no 2, p. 146–147. (in Russ.)

22. Galperin L. B., Gorshenev M. V., Rudinskii F. M. Rets.: N. G. Salishcheva. Administrativnyi protsess v SSSR. Moscow: Yurid. lit., 1964, 108 p. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1965, no 3, p. 157–158. (in Russ.)

23. Gorshenev V. M., Galperin L. B. Rets. Monografiya o mekhanizme pravovogo regulirovaniya (o knige S. S. Alekseeva «Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve»). Moscow: Yurid. lit., 1966, 188 p.). *Tr. po pravovedeniyu (Materialy k konf. Novosib. fak. po itogam nauch.-issled. raboty 1967)*. Novosibirsk, 1968, p. 176–180. (in Russ.)

24. Gorshenev V. M., Dyuryagin I. Ya. Rets.: N. I. Matuzov. Sub'ektivnye prava grazhdan SSSR. Saratov: Privolzh. knizhnoe izd-vo, 1966, 190 p. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1968, no 2, p. 145–146. (in Russ.)

25. Salishcheva N. G. Administrativnyi protsess v SSSR [The administrative process in the USSR]. Moscow, Yurid. lit., 1964, 158 p. (in Russ.)

26. Petrov G. I. Sushchnost' sovetskogo administrativnogo prava [The essence of Soviet administrative law]. Leningrad, Izd-vo Leningrad. un-ta, 1959, p. 105–106. (in Russ.)

27. Kim A. I. Sotsialisticheskaya zakonnost' v organizatsionnoi deyatel'nosti mestnykh Sovetov deputatov trudyashchikhsya [Socialist legality in the organizational activities of local councils of workers' deputies]. Tomsk, TSU Publ., 1961, p. 22. (in Russ.)

28. Osnovin V. S. Gosudarstvenno-pravovye otnosheniya [State and legal relations]. Moscow, Yurid. lit., 1965, p. 108. (in Russ.)

29. Kim A. I., Osnovin V. S. Gosudarstvenno-pravovye protsessual'nye normy i ikh osobennosti [State-legal procedural rules and their features]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1967, no. 4, p. 40–47. (in Russ.)

30. Gorshenev V. M. Sposoby i organizationnye formy pravovogo regulirovaniya v sovremennyi period kommunisticheskogo stroitel'stva [Methods and organizational forms of legal regulation in the modern period of Communist construction]. Autoref. dis. ... dr. yuris. sciences: 710. Sverdlovsk, 1969, 40 p. (in Russ.)

31. Gorshenev V. M., Dyuryagin I. Y. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' [Law enforcement]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1969, no. 5, p. 21–28. (in Russ.)

32. Gorshenev V. M., Druzhkov P. S. O sisteme protsessual'nogo prava v sovetskom gosudarstve [On the system of procedural law in the Soviet state]. *Vopr. pravovedeniya (Materialy yubileinoi nauch. konf. Novosib. fak. po itogam nauch.-issled. raboty)*. Novosibirsk, 1970, iss. 5, p. 12–24. (in Russ.)

33. Kim I. A., Gorshenev V. M. Svoeobrazie prirody sovetskogo stroitel'stva kak otrasli gosudarstvovedeniya [The peculiarity of the nature of Soviet construction as a branch of state studies]. *Sb. rabot yurid. fakul'tetov*. Tomsk, TSU Publ., 1970, p. 13–18. (in Russ.)

34. Gorshenev V. M. Organizationnye otnosheniya v predmete pravovogo regulirovaniya [Organizational relations in the subject of legal regulation]. *Vestn. Yarosl. un-ta. Vyp. 1. Istoriya, ekonomika, filosofiya, pravovedenie, filologiya*. Yaroslavl, YarSU Publ., 1972, p. 163–169. (in Russ.)

35. Gorshenev V. M. Pravotvorcheskaya deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsii v SSSR [The law-making activities of public organizations in the USSR]. Proc. benefit. Yaroslavl, YarSU Publ., 1972, 34 p. (in Russ.)
36. Gorshenev V. M. Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy obshchestve [Methods and organizational forms of legal regulation in socialist society]. Monograph. Moscow, Yurid. lit., 1972, 258 p. (in Russ.)
37. Lazarev V. V. Rets.: V. M. Gorshenev, Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy obshchestve. Moscow: Yurid. lit., 1972, 258 p. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1973, no. 11, p. 143–145. (in Russ.)
38. Luchin V. O. Protsessual'nye normy v sovetskom gosudarstvennom prave [The procedural rules in Soviet state law]. Moscow, Yurid. lit., 1976, 167 p. (in Russ.)
39. Problemy protsessual'noi formy v yuridicheskoy nauke i praktike [Problems of procedural form in legal science and practice]. *Vestn. Yarosl. un-ta*. Yaroslavl, YarSU Publ., 1972, iss. 4, 124 p. (in Russ.)
40. Gorshenev V. M. Protsessual'naya forma i ee znachenie v sovetskom prave [Procedural form and its significance in Soviet law]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1973, no. 12, p. 28–35. (in Russ.)
41. Gorshenev V. M. O prirode protsessual'nogo prava [On the nature of procedural law]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1974, no. 2, p. 45–52. (in Russ.)
42. Gorshenev V. M., Kozlov B. E. (eds.). Zakon o statuse deputata na praktike [Law on the status of a Deputy in practice]. *Materialy nauch.-prakt. konf. [22–23 maya, 1975]*. Yaroslavl, Verkh-Volzh. kn. izd-vo, 1976, 134 p. (in Russ.)
43. Gorshenev V. M. (ed.). Aktual'nye problemy yuridicheskogo protsessa v obshchenarodnom gosudarstve [Actual problems of legal process in the national state]. *Mezhvuz. tematicheskii sb.* Yaroslavl, YarSUPubl., 1979, iss. 1, 129 p. (in Russ.)
44. Nedbailo P. E., Gorshenev V. M. (eds.). Yuridicheskaya protsessual'naya forma: teoriya i praktika [Legal procedural form: theory and practice]. Moscow, Yurid. lit., 1976, 279 p. (in Russ.)
45. Gorshenev V. M. (ed.). Mel'nikov Yu. I. Priroda i sodержание norm protsessual'nogo prava v sotsialisticheskoy obshchestve [Nature and content of procedural law in socialist society]. Studies benefit. Yaroslavl, YarSPI Publ., 1976, 116 p. (in Russ.)
46. Gorshenev V. M. (ed.). Teoriya yuridicheskogo protsessa [The theory of the legal process]. Kharkov, Vyshcha shkola, 1985, 192 p. (in Russ.)
47. Gorshenev V. M., Shakhov I. B. Kontrol' kak pravovaya forma deyatel'nosti [Control as a legal form of activity]. Moscow, Yurid. lit., 1987, 176 p. (in Russ.)
48. Gorshenev V. M. O logicheskom stroe ponyatiinogo apparata uchebnogo kursa teorii gosudarstva i prava [On the logical structure of the conceptual apparatus of the course of theory of state and law]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Pravovedenie*, 1984, no. 1, p. 76–81. (in Russ.)
49. Gorshenev V. M., Benedik I. V. Yuridicheskaya deontologiya: ucheb. posobie [Legal deontology]. Studies benefit. Kiev, UMK VO pri Minvuzе USSR, 1988, 80 p. (in Russ.)
50. Gorshenev V. M. (ed.). Fundamental'nye problemy kontseptsii formirovaniya sovetskogo pravovogo gosudarstva [Fundamental problems of the concept of formation of the Soviet legal state]. Kharkov, Osnova, 1990, 175 p. (in Russ.)

For citation:

Leonenko N. T. Victor Mikhailovich Gorshenev: A Brief History of the Life and Scientific Legacy (To the 95th Anniversary from Birthday). *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 62–77. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-62-77

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтович Елена Павловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Сибирского института управления – филиал РАНХиГС; доцент кафедры гражданского права Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Гончарова Валерия Андреевна – аспирант кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета (Томск, Россия)

Зыкова Ольга Андреевна – соискатель ученой степени кандидата юридических наук Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Кошелева Ирина Альбертовна – ассистент кафедры административного и финансового права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирск, Россия)

Леоненко Наталья Терентьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Сибирского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Новосибирск, Россия)

Рабец Анна Петровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия)

Сомова Елизавета Владимировна – ассистент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Чернусь Надежда Юльевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социологических и правовых исследований Института философии и права СО РАН, доцент кафедры гражданского права Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Ядрихинский Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Вологда, Россия)

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать» – 18284, в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п.л., научного сообщения – 0,5 п.л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12. С. 37].

В конце статьи помещается список литературы в **порядке цитирования**. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий),

¹ См. онлайн справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы (с указанием почтового адреса и индекса);
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail (*обязательно*), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

В статье рассматривается ...

Ключевые слова: регламент, соглашение, принцип.

Основной текст статьи...

Список литературы

1. *Гладышев С. И.* Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. *Проскурин С. Г.* Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 2. С. 11–18.
3. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford: Oregon, 2005. 208 p.

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
I Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ivanov@mail.ru

EUROPEAN LAW

The current article deals with ...

Keywords: regulations, agreement, principle.

References

1. Gladyshev S. I. Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
2. Proskurin S. G. Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, pt. 2, p. 11–18. (in Russ.)
3. On Non-commercial Organizations: Federal Law dated 12.01.1996, № 7-FZ. *CL RF*, 1996, № 3, art. 145. (in Russ.)
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford, Oregon, 2005, 208 p.

Сведения об авторе:

- Иванов Иван Иванович
- ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
- доцент
- кандидат юридических наук, доцент
- ivanov@mail.ru
- Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru